

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
ИМ. ГАМЗАТА ЦАДАСЫ

Ф. АБАКАРОВА

**О Ч Е Р К И
ДА Р Г И Н С К О Й
Д О Р Е В О Л Ю Ц И О Н Н О Й
Л И Т Е Р А Т У Р Ы**

МАХАЧКАЛА

1963

Ф. АБАКАРОВА

О Ч Е Р К И
ДАРГИНСКОЙ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Даргинцы — одна из народностей Дагестана, численность которой по переписи 1959 года составила 158 тысяч человек.

Даргинские районы расположены в средней части Дагестана. На западе они граничат с аварцами и лаками, на востоке и севере — с кумыками, на юге — с лезгинами.

Так же как и другие народности Дагестана, даргинцы, используя арабскую графику, пытались создать свою национальную письменность.

Об этом говорят памятники, обнаруженные нашими учеными. Старшим научным сотрудником ИИЯЛ М.-С. Саидовым найдена книга «Аль-Ихья» («Оживление религиозных наук») арабского философа Ал-Газали. Книга переписана в 1507 году акушинцем Идрисом-сыном Ахмеда. На полях ее имеются надписи, в которых обнаружены даргинские предложения и отдельные слова. Переписывая книгу, он на полях на родном (даргинском) языке арабским алфавитом комментировал непонятные ему слова и предложения.

Это говорит о том, что даргинцы еще приблизительно 450 лет тому назад для письма на родном языке пользовались арабским алфавитом, точно так же, как и аварцы¹.

Об этом открытии М.-С. Саидов доложил на заседании Ученого совета Института истории, языка и литературы.

В рукописном фонде Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы хранится так же сборник различных средневековых текстов, переписанных неким Абдулхалимом в 1727 году. Рукопись приобретена в сел. Шиназ Рутульского района. На одной из страниц этой рукописи на даргинском языке арабским алфавитом написано следующее стихотворение:

¹ М.-С. Саидов, изучая историю возникновения и развития у аварцев письменности, нашел книгу «Шархуль-Мухаррар», переписанную рукой Али-Мирзы из Анди в 1467 году. В тексте книги было обнаружено 16 аварских слов. (М.-С. Саидов, Возникновение письменности у аварцев, «Языки Дагестана», вып. 1, Махачкала, 1948, стр. 137).

Когда меня схватит болезнь смерти,
 Когда я отправлюсь в путь, откуда нет возврата,
 Когда от тела отнимут душу мою —
 Сын, дочь, мать и отец — счастливо оставайтесь.
 Путь мой, бедного, пусть будет поучительным.
 Моя смерть пусть будет вам примером,
 Пусть оставят плач, причитания, пусть оставят.
 Братья, товарищи — счастливо оставаться,
 Умоляю, народ — простите меня —
 Господь милостивый — человеку присуще ошибаться,
 По три молитвы читайте за мою душу,
 Родичи мои, счастливо оставаться².

(Подстрочный перевод).

Большой интерес представляет также даргинский перевод изречений известного на Востоке ученого Лукмана ал-Хакима. Текст имеет 40 страниц. Дата перевода на даргинский язык — 1833 год³.

В типографиях Мавраева в Темир-Хан-Шуре и Асадуллаева — в Петровске печатались сборники, рассказывающие о боевых походах Магомеда⁴ «Бустани Цудахар» (1915). Составителем его являлся Магомед — сын Абдул-Азиза из селения Хаджал-Махи. Сборник представляет собой переложение, перевод аналогичного сборника с аварского на даргинский язык. Религиозные стихи переведены поэтом Зияутдином-Кадди. Большое место в сборнике уделяется вычислению точного времени молитв, постов и описанию разных религиозных обрядов. Сборник призывает мусульман к строгому соблюдению всех установленных шариатом правил поведения.

В типографии Мавраева в 1913 году был издан и сборник религиозных стихов даргинца Абдулла-Гаджи (о содержании будет сказано ниже).

² БибкIалла иццалли ну уцибхIеле,
 Чархлевхъис сапарли ну верхурхIеле,
 Чархлицирка дила рухI айсухIеле,
 Урши, рурсси, неш, ддуддеш ахIли дуая,
 Ну мискинна сапар вагIзали бигъаб,
 Дила бибкIа хIушаб ибратле бигъаб,
 Дусри, луъни, ва хIянди датисла бигъаб,
 Узби гьалмагъе ахIли дуая.
 Аман бихIябну хасар варкъаба
 Халабгаб ряхIматла, адам хатIайла
 ХIяб-хIяб къулгъу дила рухIлис делчIина,
 Уцци, урши, тухум, ахIли дуая.

³ К. Баркуев, М. К. Ахмедов, А. Шихсаидов. Исторические сведения о Дагестане из арабских рукописей. «Ученые записки Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР», т. XI, Махачкала, 1963, стр. 185.

⁴ Х. Сулейманов. Даргинская литература. Литературная энциклопедия, т. III, 1930.

Примечательным является тот факт, что в этой типографии печатались религиозные книги и на диалектах того или иного языка. Например, в 1921 году здесь был издан «Мажму» — сборник религиозных наставлений, переведенный на кубачинский диалект, в котором говорится о разных религиозных обрядах, об обязанностях мусульманина. Число таких книг было немалым, но все они были однотипны. Ценны они как первые памятники, свидетельствующие о зарождении письменности.

Даргинская культура, как и культура других народов Дагестана, на протяжении нескольких веков была связана с культурой Востока. В этом отношении несомненную роль сыграли ученые — арабисты, среди которых были и даргинцы.

Генко⁵ причисляет к большим ученым-арабистам трех даргинцев: Дамадан-Эфенди Мугинского (нач. XVII века), Гаджи-Дауда Усишинского (XVIII века), Магомед-Кади Акушинского (XVIII в.).

Историк Г. Алкадари в своей известной книге «Асари Дагестан», наряду с другими дагестанскими арабистами, приводит имена даргинцев Усишинского, Акушинского и Барка-Кади. Имена их упоминаются и в «Биографии дагестанских ученых арабистов» Али Каяева⁶. Известно, что Дауд Усишинский (умер в 1758 году) пользовался большой известностью не только среди дагестанцев, но и в Аравии. Он перевел на родной язык арабские труды по философии и логике. Был большим знатоком астрономии.

Он перевел лучшие образцы восточной литературы на даргинский язык. Сторожилы села Акуша помнят, что они читали «Калила и Димна» в переводе Д. Усишинского. Будучи учеником Кудутлинского, он превзошел своего учителя.

Дауд Усишинский был передовым человеком своего времени, его взгляды зачастую расходились с утверждением религии, выступал в защиту угнетенных, и народ с большим уважением и любовью относился к нему.

Дауд Усишинский первый призвал даргинцев не платить дань шаху. И, когда явился посланник шаха, сам Усишинский повел его на кладбище и сказал: «Народ ни при чем, Вам обещали платить вот они (указывая на памятники) — наши деды и прадеды, требуйте от них».

Барка-Кади (умер в 1837 году) из села Кавка-Махи также был для своего времени большим ученым. Коран он знал наизусть и был автором письменных трудов⁷ религиозного

⁵ А. Н. Генко. Арабский язык и кавказоведение. Труды второй сессии ассоциации арабистов. М., 1941, стр. 99.

⁶ Г. Алкадари. Асари-Дагестан.

⁷ Г. Алкадари. Асари Дагестан. Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 46, Махачкала, 1929, стр. 161.

характера. Эти работы⁸, как предполагает Али Каяев⁹, подчас содержали и прогрессивные для того времени мысли. Так, например, шейхов он называл «мюридами идолов». Такие высказывания встречались в книгах крупных арабских ученых. Видимо, Барка-Кади был знаком с этими трудами.

Один из жителей аула Кавка-махи¹⁰ помнит рассказ его отца о Барка-Кади как об ученом, весьма находчивым и остроумным.

Рассказывают, что Барка-Кади всегда носил оружие, даже тогда, когда молился. На вопрос одного знакомого, почему он так делает, а не хранит оружие дома, чтоб взять его, когда понадобится, Барка-Кади ответил: «А ты точно укажи час когда мне оружие понадобится, и я перестану держать всегда при себе».

Крупным ученым-арабистом своего времени был также даргинец Гаджила-Али Акушинский. Он «оставил много сочинений, в том числе и арабские стихотворения»¹¹. Но о его жизни нам ничего неизвестно. О нем даже не упоминается в «Биографиях дагестанских ученых-арабистов» Али Каяева. Нам удалось найти одно его стихотворение «Загипли леври ху инсан» («Как слаб ты, человек»), которое проливает свет на некоторые его взгляды.

В этом стихотворении воспеваются честность, доброта, справедливость. Когда человек честен, когда у него большое сердце и он не желает своему соседу того, что не пожелал бы для себя, только тогда он может считать себя настоящим человеком.

Поэт с необычной для тех времен смелостью осуждает жестокие, разрушительные набеги и призывает людей к честности.

Так как это единственное стихотворение, дошедшее до нас, мы позволим процитировать его целиком.

Как слаб ты, человек,
Совесь твоа нечиста,
Указать ли болезням сердца твоего.
Одно лекарство.
Пора тебе похоронить
Душу похищающего беса,
Пора, честью наполнив,
Осчастливить твое сердце.
Набеги страшная беда —
Грех твоему сердцу.
Храбрецом не назовут того,
Кто чужое добро съедает.
То, что тебе не нравится,
Не делай, не подумав.

⁸ К сожалению, нам не удалось найти его какой-нибудь труд.

⁹ Рук. фонд Института ИЯЛ, д. 1678.

¹⁰ Записан нами от кавка-махинца Х. Магомедова в Изберге.

¹¹ Г. Алкадари. Асари Дагестан, стр. 158.

И соседу твоему, так как
Он такой же человек, как ты.
Не в богатстве благородство
А честность твой долг,
А собратом честности —
Щедрость твоей руки!

(Подстрочный перевод)

Загипли леври, хIу инсан,
Камилли ахIи иман,
ХIела уркIила излумас
Буришав хIед ца дарман.
РухI дилгуси вайси илбис
Чебли саб хIяри бихьис,
ХIялалдешли бицIахъили
Харидеш га уркIилис.
Чябхъиндеш — халаси балагъ
ХIяла уркIилис бунaгъ,
АхIгъабза сай бикIхIебикIар
УрхIла мас беркунсилис.
ХIед хIейгибизеси секIал
Сен дигара беб или,
Мабирид ил хIела унрас,
Сайну хIугъуна инсан.
Хазнализив ахIен давла,
ХIялалдеш саби чебла,
ХIялалдешла бузи саби
Баракат хIела някъла.

В рукописном фонде Института ИЯЛ имеется так же памятник конца XV и начала XVI вв. (арабско-персидский словарь), который был найден в 1948 году в Хунзахе сотрудником Института К. М. Баркуевым.

По убористому и красивому почерку знатоки арабского письма считают, что переписчик для своего времени был образованным человеком.

В конце указаны автор переписки Магомед-сын Абдурахмана Зерехгиранского и год завершения переписки — 1500 г. Место — село Кубачи.

Возможно у этого переписчика имелись и другие труды, которые не удалось обнаружить.

Все эти факты свидетельствуют о том, что арабские культурные ценности проникали в Даргинию и оказывали определенное воздействие на развитие национальной культуры даргинцев.

К сожалению, пока не удастся обнаружить все ценные для нас памятники. Часть из них утеряна, часть — сожжена врагами в первые годы установления Советской власти, а некоторая часть, видимо, еще хранится у любителей старинной литературы.

Переломным этапом в судьбе Дагестана явилось присоединение его к России. Лучшие сыны Дагестана в этом акте

видели возможность роста, расцвета цивилизации страны гор.

Присоединение Дагестана к России имело большое прогрессивное значение. Создавались условия для развития его экономики. Появилась промышленность, стало развиваться сельское хозяйство, расширялась торговля.

В Дагестан начинает проникать передовая русская культура. В свою очередь растет тяга к ней со стороны горцев Дагестана. Они посылают детей учиться в Россию, стараются перенять все лучшее, передовое. Но была и другая сторона этого вопроса.

Наряду с демократической Россией была и другая — царская Россия, которая проводила колониальную политику в национальных окраинах. Царизм сознательно поощрял на окраинах патриархально-феодалный гнет, чтобы держать народные массы в рабстве, повиновении и невежестве.

В начале XX века тяга к русской культуре усиливается. Горцы поняли значение просвещения, школ. Открыть школы, научить детей русскому языку — стало заветной мечтой народа. Передовые горцы, не щадя своих сил, поддерживали благородные стремления своего народа. Об этом свидетельствуют письма дагестанцев в редакцию газеты «Заря Дагестана», издававшейся С. Габиевым в Петербурге. Из письма кубачинцев от 26 февраля 1913 года мы узнаем, что 50—60 кубачинцев собрали 600 рублей и решили построить школу. Но кубачинский старшина, который был против изучения русского языка, всячески мешал этому делу. Он агитировал стариков, чтобы они тоже высказывались против открытия школы. Возмущенные кубачинцы пишут в редакцию: «Вот поди же! Администрация — русская поставила старшину, а он, оказывается, против русского языка. Бывают же курьезы. Он заявляет, что «нам не для чего школа, это яд, развращающий детей, ведущий к обрусению и т. д., будем жить, как жили наши отцы...» Мы хотим учить своих детей, мы хотим школы»¹², так заканчивают свое письмо кубачинцы и просят редакцию оказать им помощь.

Дагестанцы, даже самые глубокие старики, постигли значение русской культуры, русского языка и, вопреки обычаям предков, вопреки требованиям религии, посылали детей учиться¹³.

Итак, все это подготовило почву для возникновения в конце XIX—начале XX веков плеяды образованных людей из даргинцев. К ним, прежде всего, относится Гаджи-Мурад

¹² «Заря Дагестана» от 26 февраля 1913 года.

¹³ Г. М. Амир ов. Среди горцев северного Дагестана. Сборник сведений о кавказских горцах, вып. VII, Тифлис, 1873, стр. 2.

Амиров (умер в 1917 году), уроженец сел. Урахи. Сведения о нем очень скудны. Нам только известно, что он учился в Темир-хан-шуринском реальном училище, затем в Ставропольской гимназии. Высшее образование он получил в Цюрихе, в Швейцарии, после чего Амиров жил и работал в Турции, где был известен как ученый-историк под именем Мурад-бей. Им были написаны на турецком языке «Всемирная история» в шести томах и «Турецкая история» в одном томе. Он является автором ряда сочинений (на турецком и французском языках) о Турции. Неоконченные им труды после его смерти издал его сын Омар-Фарук¹⁵.

Амиров известен не только как историк, но и как большой любитель литературы. Еще во время учебы в Ставропольской гимназии им был написан очерк «Среди горцев северного Дагестана»¹⁶, который свидетельствует о том, что еще в гимназические годы определились его передовые демократические взгляды по вопросам просвещения.

В нем автор показал тягу горцев к русской культуре. Писатель показывает, что горцы готовы преодолеть любые препятствия (плач и жалобы жен, упреки родственников и друзей) лишь бы дети получили то, чего они сами были лишены — образование.

С большой любовью автор очерка описывает нравы, обычаи даргинцев. Поэтично передан пейзаж родного Дагестана. Родной аул — «это был самый дорогой для меня уголок во всем мире», — пишет он¹⁷.

Автор верно подметил характерную черту даргинцев — любовь к фольклору. Он рассказывает о том, что даргинцы были не только знакомы с баснями-сатирами Крылова, но и сами рассказывали аналогичные басни, сказки. С любовью описан им старик-даргинец, который не только рассказал сказку о птице Гуглахае, но и правильно раскрыл аллегорию, верно понял ее идейное содержание. Сам Г.-М. Амиров был большим любителем родного фольклора. Им были записаны даргинские сказания о Молле Насредине¹⁸.

Живя в Турции, Амиров перевел на турецкий язык комедию «Горе от ума» А. С. Грибоедова, которая была напечатана в Константинополе в 1885 году. Выбор этого бессмертного произведения — жемчужины русской литературы, для

¹⁴ Кавказский этнографический сборник, т. II, М., 1958, стр. 265; И. Абдуллаев. Дагъистанлан Мурад-бей, «Ленинна байрахъ» от 4 декабря 1962 г.

¹⁵ F. Babinger, Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke, Leipzig, 1927, p. 391.

¹⁶ Сборник сведений о кавказских горцах, вып. АП, Тифлис, 1873, стр. 1—80.

¹⁷ Там же, стр. 5.

¹⁸ ССОКГ, вып. VII, Тифлис, стр. 32—42.

перевода не случаен, «...карикатурные формы галломаний, высмеянные романтиком Хюсейном Рахли, напомнили Мураду обличительный монолог Чацкого. Так логически подсказана была в середине 80-х годов XIX века мысль о переводе комедии, которая сигнализировала об общественном бедствии»¹⁹.

Внимание Амирова привлекла идейная насыщенность пьесы, демократизм, передовые взгляды эпохи декабризма — любовь к Родине, к свободе, к просвещению и разоблачение пороков самодержавного строя. А положительный герой — Чацкий, представитель революционно настроенных прогрессивных кругов тогдашней России, был хорошим примером для стран Востока.

На эту сторону обратил внимание крупный русский ученый, директор Учебного отдела восточных языков при Министерстве иностранных дел России М. А. Гамазов.

В статье «Горе от ума в турецком переводе» он пишет: «Перевод всегда остается переводом; но перевести, да еще на турецкий язык, такое своеобразное по своим бытовым и местным особенностям, такое тонкое по глубине мысли произведение, как «Горе от ума», не всякому было под силу. Нельзя не быть благодарным переводчику, потрудившемуся, на сколько достало сил, для ознакомления турецкого общества с перлом нашей изящной литературы»²⁰.

Амиров является также автором романа «Первые плоды, или неожиданность» (*Turfandami Joqsa turfami*)²¹, который был написан в 1891 году на турецком языке. Сюжет романа прост: молодой человек по имени Мансур из влиятельной алжирской семьи, нашедшей убежище в Стамбуле, получивший медицинское образование во Франции, занимается врачеванием и служит в одном из официальных муниципалитетов. Он глазами иностранца смотрит на жизнь Стамбула и не сразу разбирается в сложных проблемах времени.

В Стамбуле жила девушка алжирка. Мансур женится на ней. Он идет добровольцем на фронт. Здесь у него вызывают возражение некоторые положения, порожденные противоречиями эпохи: безропотность нищего народа и грабящие его богачи — все это в итоге привело Турцию к гибели. За эти крамольные мысли он был сослан, где и умер.

Автор романа сделал попытку показать трагедию личности в условиях турецкого режима. Слабость революционных сил, мрачность и бесперспективность действительности, рели-

¹⁹ В. А. Гордлевский. Чехов в Турции. Изб. соч., т. II, ИВЛ, стр. 463.

²⁰ М. А. Гамазов. «Горе от ума» в турецком переводе», «Вестник Европы», 1886, № 1, стр. 433.

²¹ Mustafa Nihat Özön, Son asir Türk edebiyati tarihi, İstanbul, 1945, стр. 224

гиозный фанатизм порождали пессимистические взгляды и среди передовых писателей Турции. Не избежал их и Амиров. Вместе с тем роман Амирова оживил в литературе некоторые отрицательные стороны эпохи, в которой ему пришлось жить.²²

Амиров был известен не только как ученый, писатель, но и как видный политический деятель. Он редактировал политическую и литературную газету «Мизан».

Г. М. Амиров был противником деспотического режима кровавого султана Абдул-Гамида II (1876—1909), которого Ленин называл «турецким Николаем вторым».

Царствование этого султана ознаменовалось жестокими репрессиями — введением цензурных ограничений, закрытием газет, журналов, преследованием писателей.²³ Малейшее подозрение в свободомыслии того или иного человека было достаточно, чтобы его выслать. В своей газете Амиров выступал против произвола и деспотии.

В числе писателей, оказавшихся в опале, был и Амиров. Поэтому ему пришлось эмигрировать сначала в Египет, а потом в Западную Европу. В Турцию вернулся он в 1908 году, когда там под влиянием русской революции 1905 года произошла буржуазная, так называемая «младотурецкая» революция, в результате которой был свергнут султан Абдул-Гамид и установлена конституционная монархия. Эта революция была толчком к демократическому движению в Азии. И неудивительно, что «...турецкая революция сразу встретила перед собой контрреволюционную коалицию держав с Россией во главе».²⁴

Как и все прогрессивные представители Турции, Амиров возлагал на революцию большие надежды, полагая, что к власти придут демократические силы.

Свое отношение к революции Амиров выразил в произведениях «Лапа деспотизма в долине свободы» и «В бремени деспотизма», где он критиковал старый султанский режим и выступал выразителем интересов трудящихся.

Итак, не зная, чем была вызвана эмиграция Г. М. Амирова в Турцию, нам ясно одно, что это был демократически настроенный образованный человек, политический деятель, писатель и собиратель фольклора.

В числе первых образованных даргинцев, отдавших дань литературной деятельности, был Башир Далгат. Он не только собирал и исследовал родной фольклор, но много сделал для роста национальной культуры.

²² К сожалению наши попытки достать роман в оригинале оказались тщетными. Поэтому мы опираемся на высказывание Озона.

²³ Л. О. Алькаева. Очерки по истории турецкой литературы, 1908—1939 гг., 1959, стр. 19.

²⁴ В. И. Ленин. Соч. т. XV, стр. 198.

Башир Далгат ²⁵(1870—1934 гг.) родился в сел. Урахи. Сначала он учился во Владикавказской, позже в Ставропольской гимназии. В Петербургском университете он получил высшее юридическое образование.

Б. Далгат известен как автор этнографических работ, напечатанных в «Терском сборнике», «Этнографическом обозрении». Он является также автором таких работ, как «Первобытная религия чеченцев», «Материалы по обычному праву ингушей», «Страничка из северокавказского богатырского эпоса».

Кроме этого Б. Далгат вел большую просветительскую работу, часто выступал в газетах и журналах «Кавказ», «Русская жизнь», «Казбек», «Каспий», «Терские ведомости» по различным вопросам правового, земельного, промышленного характера. Он выступал против старых адатов, калечащих жизнь людей, поднимал вопросы просвещения горцев. Во всех своих работах, выступлениях Б. Далгат выражал передовые демократические идеи. Он был знаком и поддерживал теплые, дружеские отношения со многими передовыми людьми того времени: Ковалевским, Мюллером, осетинским поэтом К. Хетагуровым, грузинским — А. Казбег.

Башир Далгат известен также, как большой любитель даргинского фольклора. В рукописном фонде Института ИЯЛ хранятся героические, исторические и любовные песни, сказки, легенды, пословицы и поговорки, собранные и записанные им в 1886—1887 годах. В героических песнях, собранных им, восхваляется народный герой — бесстрашный, волевой, смелый, готовый отдать жизнь во имя свободы. Часть этого фольклорного материала Б. Далгат опубликовал в 1892 году под заглавием «12 цудахарских песен». ²⁶ Сюда вошли главным образом исторические и любовные песни. Он сделал также русские переводы этих песен.

Фольклорный материал, собранный и обработанный Б. Далгат, представляет большую литературную ценность.

Говоря о первых образованных людях среди даргинцев, о собирателях родного фольклора, нельзя не упомянуть имени Алибека Алибековича Тахо-Годи, ²⁷ который также много сделал для развития национальной культуры.

А. А. Тахо-Годи (1892—1937) родился в сел. Урахи Даргинского округа (ныне Сергокалинский район) в семье крестьянина-бедняка.

²⁵ Биографические данные о деятельности Башира Далгат сообщила нам его дочь, литературовед Уздиат Башировна Далгат.

²⁶ Б. Далгат. Цудахарские песни. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. XIV, Тифлис, 1892, стр. 15.

²⁷ С. М. Омаров, А. А. Тахо-Годи, «Гьалмагъдеш», № 4, 1962, стр. 53—59; Борцы за власть Советов в Дагестане. Махачкала, 1957, стр. 55—56.

Среднее образование он получил в Владикавказе (Орджоникидзе), а затем окончил юридический факультет Московского университета.

После Февральской революции А. Тахо-Годи вернулся в Дагестан и все свои силы и знания отдал служению Родине.

После установления Советской власти в Дагестане Тахо-Годи является Председателем Дагестанского нарсуда, комиссаром юстиции, членом Дагревкома. В 1921 году в составе дагестанской делегации он был у В. И. Ленина.

Работая министром просвещения в первые пооктябрьские годы, он много сделал для приобщения дагестанцев к русской культуре. Тахо-Годи сыграл большую роль в открытии русского драматического театра им. А. М. Горького, Дагестанского областного краеведческого музея. Он является также автором работ «Лев Толстой в «Хаджи-Мурате», «Уллубий Буйнакский» и другие.

Алибек Алибекович был большим любителем родного фольклора. Р. Фатуев²⁸ был свидетелем, как бережно хранил Тахо-Годи клеенчатую тетрадь, где были записаны собранные им фольклорные и батыраевские песни. К сожалению, все наши попытки найти эту тетрадь тщетны. Она утеряна бесследно.

*
* *

На стыке двух столетий в даргинской литературе свершался интересный процесс: параллельно развивались устная и письменная литература, и оба они были связаны с фольклором.

На этом раннем этапе письменная литература не была столь разнообразной и художественно совершенной, как литература устная, обязанная своим расцветом поэзии Батырая.

Представителями устной литературы являлись Омарла Батырай (1832—1910), Сукур Курбан (1878—1922) и Мунги Ахмед (1843—1915), представителями письменной — Абдулла Гаджи (1870—1917), Зияутдин Кади (1877—1924), Рабадан Нуров (1889—1942) и Азиз Иминагаев (1896—1944).

Они творили на рубеже XIX и XX веков. Естественно сама эпоха определила их темы и образы. В центре их внимания стала жизнь дагестанского аула накануне первой русской революции, человек и его место в обществе. Они поднимали проблемы социального неравенства, взаимоотношения людей, гуманизма и патриотизма. Их вдохновляла идея свободы и равноправия народов.

²⁸ Р. Фатуев. Из даргинской тетради, «Дагестанская правда», 19 июня 1960 г.

Как в устной, так и в письменной литературе преобладали два вида: любовная лирика и сатирическая поэзия.

Долгое время в литературоведении существовало мнение о том, что все, что создается устно, относится к явлениям фольклора. Подразумевая под фольклором устное поэтическое творчество широких народных масс,²⁹ критики и литературоведы тем не менее включали в него и такие явления как поэзию Стальского, Джамбула, Марфы Крюковой, Кривошеевой и Беззубовой,³⁰ аргументируя ссылками на необязательность анонимности или безличности фольклорных произведений.

Как фольклорные явления рассматривалась и поэзия даргинских поэтов — представителей устной литературы. Нам думается, что творчество таких поэтов как Батырая, Мунги Ахмеда, Сукур Курбана позволяет говорить о них как не о фольклорном явлении, а как об устной литературе, отличающейся от письменной литературы скорее способом создания произведения, чем формой и содержанием.

Каждый из названных даргинских поэтов имеет свой творческий стиль. Их произведения свидетельствуют о большой творческой работе поэтов над композицией, системой образов и изобразительно-выразительными средствами языка. В их творчестве, как и в творчестве поэтов письменной литературы, мы обнаруживаем как произведения, окрашенные романтическими красками, так и в полном смысле слова реалистические произведения. Поэты последовательно совершенствуют свое мастерство в создании полнокровного положительного и отрицательного образов. Сюжетный стих достигает в их творчестве высшей формы.

Представители устной литературы обогатили даргинскую литературу такими жанрами, как сюжетными лирическими стихами (Батырай, Сукур Курбан), жанром путешествия (Батырай — цикл стихов «О жизни»). Они делали и первые попытки в создании (пусть еще не совсем совершенных) больших форм поэзии, в частности поэм (Батырай «О жизни», Сукур Курбан «Проданная Меседу»).

Батыраю, Сукур Курбану и Мунги Ахмеду даргинская до-революционная литература обязана появлением образов народных заступников, горянок, олицетворяющих новых людей, характерных для конца XIX — начала XX веков, образа поэта из народа, первым опытом в создании образа труженика, нового типа лирического героя — борца за свободу. Ими были созданы и отрицательные образы эксплуататоров, богатеев, служителей ислама.

²⁹ Ю. Соколов. Русский фольклор, М., Учпедгиз, 1941 г.

³⁰ М. И. Фетисов. Мордовские народные сказительницы, Саранск, 1953.

Представители устной литературы обогатили даргинскую поэзию новыми изобразительными средствами языка, поэтикой стиха. Символика, сравнения, параллелизмы, олицетворения, контрасты, рассуждения вслух, антитезы, гиперболы — таков неполный перечень изобразительно-выразительных средств, укрепившихся в литературе, после прихода в нее Батырая, Сукур Курбана и Мунги Ахмеда.

Как уже было отмечено выше, каждый из поэтов имел свой творческий почерк. В поэзии Батырая параллельно развивались два метода — романтический и реалистический. А Сукур Курбан и Мунги Ахмед создавали в основном поэзию реалистическую. Оба они продолжали и развивали традиции Батырая и вместе с ним теснейшим образом были связаны с фольклором. Однако следование фольклорной традиции не носило у них механического характера. Творчески переосмысливая богатое наследие фольклора, они создавали новую поэзию, отвечающую задачам эпохи.

Можно прямо сказать, что одним из основных творческих источников их поэзии является устное творчество народа. Многие песни этих трех поэтов прочно вошли в народ, и сейчас трудно отделить их произведения от произведений фольклора.

Близость к фольклору выражает народность произведений представителей устной литературы.

Письменная литература даргинцев главным образом возникает в начале XX века, хотя можно предположить, что отдельные памятники литературы появились гораздо раньше.

Прежде всего здесь сказались те социально-экономические факторы, которые проявились после присоединения Дагестана к России. Началась ломка феодально-патриархального уклада, в него проникали элементы капиталистических отношений. На основе этого и возникли новые формы культуры. В это время письменность получает более широкое распространение среди горцев.

Известно, что начало XX века в истории Дагестана явилось новым этапом как в политическом, так и в культурном отношении.

Этот период обозначил собою и новый этап в развитии литератур народов Дагестана. В эти годы все сильнее обнаруживаются противоречия времени: народ готовится к решительной борьбе с врагом, реакция не сдастся без боя. Эти противоречия отражаются и в литературе. С одной стороны, усиливается демократическая литература, которая отражает передовые идеи времени, с другой, цепляясь за старое, все еще дает о себе знать религиозная литература.

Стараясь отвлечь народ от борьбы, религиозные поэты воспевали потусторонний мир. Издаются сборники религиозного характера: Межму-ус-сияр (сборник о боевых походах

Магомед), Бустани- цудахари (Цудахарский сад), различные сборники религиозных стихов.

Но и в среде религиозного течения начинается разлад. Об этом свидетельствует поэзия Абдуллы Гаджи и Зияутдина Кади, которая уже начинает носить светский характер.

Как и в устной литературе, так и в письменной преобладали два вида поэзии: любовная лирика и сатира. Вместе с тем, в самой любовной лирике мы обнаруживаем первые зачатки пейзажной лирики — нового для даргинцев вида поэзии.

Сравнивая образы, созданные поэтами устной литературы, с образами, созданными представителями письменной литературы, мы замечаем некоторое изменение не только в самом раскрытии характеров, но и в выдвижении новых героев. Появляются образы просвещенных людей, точнее представителей интеллигенции, отстаивающих науку (Абдулла Гаджи), образованных горянок (Зияутдин Кади), образы рабочих (А. Иминагаев), прообразы ссыльных, передовых людей, ведущих борьбу за свободу народа (Р. Нуров).

Но следует отметить, что не было ни одного поэта, который бы не испытал благотворного влияния Батырая. Писателями использовались батыраевские образы, способы и приемы изображения действительности, изобразительно-выразительные средства языка, поэтика стиха.

Свое положительное влияние на письменную литературу оказывал и фольклор.

Тесная связь с фольклором — одна из характернейших черт даргинской литературы, как и других литератур народов Дагестана.

В последующих главах мы постараемся определить вклад каждого из дореволюционных писателей в общий литературный процесс.

УСТНАЯ ЛИТЕРАТУРА КОНЦА XIX—НАЧАЛА XX ВЕКА

БАТЫРАЙ

(1832—1910)

Батырай — выдающийся даргинский поэт конца XIX — начала XX века. С его творчеством зарождается реалистическое направление в даргинской литературе. Произведения поэта-демократа Батырая резко отличаются от произведений поэтов клерикального направления, как своим содержанием, так и всей системой образов. Его стихи отмечены тесной связью с реальной жизнью, страстной влюбленностью во все земное, гуманистическим отношением к человеку, подлинной народностью, высокой культурой мастерства, близостью к народной поэзии.

Он создал яркие, запоминающиеся образы трудового крестьянства и противопоставил им представителей класса ту-неядцев. Созданный им образ народного храбреца вобрал в себя свободолюбивые идеалы времени и явился прообразом будущего борца-революционера. По-новому зазвучал и его лирический герой — сын народа, выразивший думы и чаяния народа.

Говорит ли поэт о величии подвигов храбреца, раскрывает ли многообразный и богатый духовный мир своего влюбленного героя, повествует ли о своей печальной жизни, нас поражает предельная лаконичность его стихов, яркость образов, простота изображения и глубина мысли. В его стихах мы не находим ни фальши, ни приукрашивания, ни равнодушия: они полны огня, темперамента. Поэзия Батырая — поэзия больших чувств.

Батырай — первый даргинский поэт, который обратился к образу простого деревенского труженика, первый возвеличил горянку, первый творчески воплотил в своей поэзии фольклорные образы.

В поэзии Батырая отразилась грусть, сомнения, горести и

радости его народа. В его песнях слышен голос трудового даргинского народа — мечта о герое-храбреце-освободителе. Этим можно объяснить то высокое признание, которое получил поэт у своего народа.

Творчество Батырая — замечательное явление как в истории даргинской, так и всей дагестанской литературы.

Нам трудно определить, писал ли когда-либо поэт свои стихи, т. к. записи не сохранились, а легенды гласят о том, что он только сочинял и пел свои стихи. Одно ясно, Батырай — это большой художник слова, оттачивающий каждое свое произведение. По своему характеру, системе образов, изобразительно-выразительным средствам языка произведения Батырая представляют собой лучшие образцы устной литературы, широко бытовавшей в Дагестане.

Батырай пользовался неисчерпываемыми богатствами фольклора, с которым он был знаком еще с детства. Его творчество, возникшее на основе народной поэзии, было тесно связано с ней. Порой даже трудно отличить песни Батырая от фольклорных. Многие его песни слились с народными, и, наоборот, свои лучшие песни народ любовно связывает с его именем. Истоки эпитетов, сравнений, параллелизмов, гипербола и других средств художественного изображения, которыми широко пользовался Батырай, своими корнями уходят в даргинский фольклор.

Батырай выступил на литературную арену, когда у даргинцев не было сложившейся светской письменной литературы. У него не было предшественников, писавших на родном даргинском языке. Поэтому и обратил свой взор поэт на народную поэзию, она была для Батырая источником вдохновения.

Для всей поэзии Батырая характерно не только творческое использование богатейшего даргинского фольклора, но и смелое обновление содержания стихов.

Темы для своих стихов Батырай брал у народа и возвращал ему прекрасные песни, сохранив в них характерное для народа остроумие и мудрость. При жизни поэта его стихи никем не записывались, но они не умерли вместе со смертью поэта, им было суждено обессмертить его имя. Они передавались из уст в уста даргинского народа. Это и понятно: эти песни были о народе, о его думах и чаяниях.

К сожалению, Батырай не встретил рассвета новой жизни не увидел освобожденной горянки, воспетую им с таким проникновенным лиризмом, не увидел героя-храбреца, освободителя народа от вековой темноты. Но счастлива судьба его песен. Как отметил Э. Капиев, они прошли сквозь войны и революции. И сам Батырай, «живущий в каждой избранной песне его народа», будет жить века.

Его стихи не поддаются датировке, поэтому трудно проследить процесс творческого развития поэта.

В первых сборниках стихи Батырая расположены без соблюдения хронологического порядка, т. к. его стихи собраны после Великой Октябрьской социалистической революции, когда поэта уже не было в живых и установить хронологию можно только по тематике.

Батырай родился в 1832 году в крестьянской семье в селении Урахи, где лучше чем в других даргинских аулах сохранены народные песни, легенды, сказания, где много было одаренных певцов, прекрасно поющих под аккомпанемент чунгура, сказителей, которые рассказывали старинные предания и легенды. Отец его Омар был человеком поэтически одаренным. Хорошая игра на чунгуре, знание многих народных песен, легенд, сказок, общительность и жизнелюбие делали его любимцем народа.

Мать Батырая Шамай тоже хорошо знала даргинский фольклор. Она часто рассказывала детям сказки, пела песни. Народные песни, услышанные в детские годы, не прошли бесследно для будущего поэта. Юный Батырай унаследовал от родителей любовь к устному народному творчеству, даргинским народным песням.

О детских и юношеских годах Батырая нам ничего неизвестно. Все, кто занимался изучением творчества Батырая, начинали его биографию с более зрелых лет. Семейей Батырай обзавелся, когда ему уже было тридцать лет. Он много лет любил девушку по имени Аминат, но не мог жениться на ней, т. к. она была из богатой семьи и родители не хотели выдавать ее замуж за бедного крестьянина. Батырай был вынужден похитить девушку. По дороге он ее очаровал своими песнями и она дала согласие стать его женой. Родители Аминат долго не признавали этот брак; после вмешательства друзей поэта они были вынуждены смириться. Она оказалась достойной и верной подругой поэта. У них родились два сына и две дочери.

Батырай пользовался в народе большим уважением. Его приглашали для разрешения различных споров и он всегда оставался неподкупным и справедливым, отстаивал интересы народа, чем снискал любовь и уважение к себе. Батырай был не только хорошим поэтом, но прекрасным певцом-исполнителем. Рассказывают¹, что однажды Батырай повстречался в пути со знакомыми. Среди них был незнакомый Батыраю кумык. И когда последний узнал о способностях поэта, он иронически произнес: «Петь на родном языке всякий может, пусть ваш певец попробует спеть по-кумыкски».

¹ Записано нами в г. Дербенте от Ибрагимова Абдулхалика.

Батырай запел. Песня его заполнила ущелье. Она не была ни кумыкской, ни даргинской: песня соединяла в себе мелодии двух соседних народов; жителей высоких гор — даргинцев и широких степей — кумыков. Она была могучая, звонкая, как горы, и широкая, раздольная, как степь.

Батырай кончил петь. Слушатели долго молчали. Безмолвен был и кумык, боясь нарушить это торжественное молчание. И в этом молчании было признание.

Безусловно, Батырай начал создавать свои стихи еще в юношеские годы. К сожалению, какие стихи относятся к этому периоду, нам неизвестно, так как их никто не записывал, не датировал.

В поисках куска хлеба Батырай вдоль и поперек исходил даргинскую землю. Знакомство с жизнью, с самыми различными людьми по профессии и возрасту давало поэту богатейший материал для творчества. Поэт воочию убедился, какой тяжелой была жизнь народа и не мог молчать. Он умер в нищете примерно в 1910 году.

Вот что записал о последних днях Батырая, со слов стариков, лично знавших поэта, молодой даргинский писатель З. Зульфугаров:

Бата страшная зима. Батырай лежал у очага, завернувшись в дырявую шубу, и печально смотрел на остывающий кизячий пепел. Промозглый холод надвигался на него из темных углов ветхой сакли. Батырай умирал. Умирал покинутый всеми. Даже неразлучный в частом горе и редкой радости чунгур был не с ним, чунгур висел на стене. Ослабевший Батырай не мог его достать. Непослушные губы едва шевелились. Батырай шептал свою последнюю песню:

Как же я спою теперь,
Если тягостный недуг,
Если смертная печаль
В угол бросили меня.
Точно шубу сироты,
Ой, Омара Батырай.

К нему пришла сердобольная соседка. Долго сидела молча и наконец сказала:

— Ты долго прожил, но всю жизнь оставался бедным и несчастным. Я знаю почему.

— Скажи,—с трудом прошептал Батырай,— скажи, я хочу узнать.

— Ты всегда хулил аллаха. Он гневался на тебя. Скажи хоть теперь: «Ля иляха илля ллях» и, может быть, аллах простит тебя и попадешь в алжан.

Батырай отвел глаза. Он-то знал, почему всю жизнь был

бедным и несчастным. Но не было у Батырая времени объяснить все это соседке, не было у него и сил. Он угасал.

—Сказать, что ли... сказать, что ли... — шептал Батырай, а потом усмехнулся и... умер. Усмешка так и застыла на его губах².

Первые стихи Батырая были собраны С. М. Омаровым³; им же был подготовлен к печати первый сборник⁴, изданный арабским шрифтом.

В 1954 году Дагестанским книжным издательством был издан второй сборник⁵ песен Батырая на даргинском языке. Сборник и предисловие к нему были подготовлены Г. Османовым.

Впервые на русском языке стихи Батырая были опубликованы в газете «Известия»⁶ с предисловием Эффенди Капиева. В журнале «Колхозник» за 1936 год были опубликованы две песни Батырая в переводе А. Шпирта. Они вышли также на страницах журналов «Звезда»⁷ и «Знамя»⁸. В 1947 году Дагестанской научно-исследовательской базой АН СССР был издан первый сборник его стихов на русском языке⁹. Талантливые переводы стихов Батырая на русский язык Н. и Э. Капиевых сделали его творчество достоянием всесоюзного читателя. Этот сборник был переиздан вначале в Дагестане¹⁰, а потом в Москве¹¹. Произведения Батырая вошли также в сборник «Дагестанские лирики»¹².

Поэзией Батырая интересовались и деятели даргинской культуры Алибек Тахо-Годи и Башир Далгат.

А. Тахо-Годи бережно хранил тетрадь, где им были собраны 47 песен Батырая. К сожалению, эта тетрадь бесследно была утеряна в 1937 году и нам неизвестно, какие песни Батырая были им записаны. Из 47 песен нам известны только пять, и то в русском переводе (оригинал не сохранился). Две из них были переведены А. Шпиртом и опубликованы в журнале «Колхозник» за 1936 год, а три с подстрочными переводами Тахо-Годи сохранились в архиве Р. Фатуева и были опубликованы в газете «Дагестанская правда»¹³.

² З. З у л ь ф у к а р о в. Батырай, «Дагестанская правда», 9 мая 1956 г.

³ Рукоп. фонд Института ИЯЛ, д. 213.

⁴ Б а т ы р а й. Песни. Махачкала, Дагкнигоиздат, 1928.

⁵ Б а т и р а й. Далуйти, МахIачкъала, Дагкнигоиздат, 1954.

⁶ Б а т ы р а й. Стихи. «Известия», 1935, 3 июня.

⁷ Б а т ы р а й. Стихи. «Звезда», 1938, № 4.

⁸ Б а т ы р а й. Героические песни, «Знамя», 1939, № 5.

⁹ Б а т ы р а й. Махачкала, Даггиз, 1947.

¹⁰ Б а т ы р а й. Песни, Даггиз, Махачкала, 1958.

¹¹ Б а т ы р а й. Песни. М., ГИХЛ, 1959.

¹² Дагестанские лирики. Л., 1961, стр. 162—186.

¹³ Р. Ф а т у е в. Из даргинской тетради. «Дагправда», 19 июня 1960.

По рассказу литературоведа У. Б. Далгат, песни Батырая были записаны большим любителем и ценителем даргинской литературы и фольклора, ее отцом Баширом Далгат.

Летом 1962 года наша республика торжественно отмечала 130-летие со дня рождения Батырая. Приветствуя поэтов Дагестана и всех их земляков с большим праздником в честь «отца даргинской поэзии», Н. Тихонов писал: «...мы ощущаем сегодня стихи Батырая, как живительные, опьяняющие, чудодейственные строки. Они переведены на многие языки, они бродят по великим просторам нашего отечества, они несут радость творческого вдохновения, они крепки, как старое вино»¹⁴.

Творчество Батырая, безусловно представляет большой интерес для читателей и исследователей.

Между тем, жизнь и творчество Батырая изучены еще далеко недостаточно.

О творчестве Батырая были напечатаны небольшие статьи и заметки в журналах¹⁵ и газетах¹⁶.

В вводной части «Очерков дагестанской советской литературы» также даются краткие сведения о Батырае¹⁷.

Автором первой, наиболее исчерпывающей статьи о Батырае был даргинский писатель С. Абдуллаев. Он не только дал анализ художественного мастерства поэта, но и сообщил много интересных биографических данных поэта¹⁸.

Глубокое освещение жизни, и богатого и весьма самобытного творчества Батырая мы находим у Н. В. Капиевой во вступительных статьях к трем русским изданиям Батырая.

В предисловии к сборникам Н. В. Каниева, с присущей ей добросовестностью, знакомит читателя с биографией Батырая. Умело используя имеющийся материал, ей удастся наиболее полно изобразить тяжелую, бесправную жизнь поэта. Заслуживает внимания и анализ художественных особенностей поэзии Батырая, тонко подмеченные критиком. Некоторые данные о жизни поэта введены Н. В. Капиевой впервые в

¹⁴ Н. Тихонов. Слово к большому дню. «Дагправда», 3 июля 1962 г.

¹⁵ Г. Османов. Батырай. «Дружба», 1959, №3 (на дарг. яз.); А. Тарасенков. Творческие переводы, «Новый мир», 1940, №10.

¹⁶ Э. Капиев. Из прошлого дагестанского фольклора.— «Дагестанская правда», 1935, 12 июня; З. Зулфукаров. Батырай— «Дагестанская правда», 1956, 9 мая; А. Алиев. Старик о Батырае,— «Колхозное знамя» 1959 г. 2 июня (на дарг.яз.), Ф. Абакарова, Великий певец, «Дружба», 1961, №3 (на дарг. яз.) и другие.

¹⁷ Б. Магомедов. А. Назаревич. Об истоках дагестанской советской литературы. Очерки дагестанской советской литературы, Даггиз, Махачкала, 1957.

¹⁸ С. Абдуллаев. Гиямалла Батирай», «Колхозла байрахъ», 1 октября 1947 г.

критическую литературу и несомненно служат одним из источников для дальнейшего изучения поэта.

Батырай жил и творил на рубеже двух эпох. Это было время, когда Дагестан все больше втягивался в русло капиталистического развития. Появились новые отрасли промышленности, прокладывались железные дороги, что способствовало развитию торговли и экономики страны. Капитализм проникал и в сельское хозяйство. Улучшилась техника земледелия, но вместе с тем происходил процесс обезземеливания трудящихся масс деревни, увеличивались налоги. Деспотизм царизма довел горцев до крайней нищеты.

Опираясь на местных ханов, беков, царское правительство проводило здесь жестокую колониальную политику.

Простой народ Дагестана находился под двойным гнетом. Его угнетали как местные богачи, так и царские колонизаторы. Тяжелым было материальное положение трудового крестьянства. Единственным источником жизни горца был жалкий клочок земли, доставшийся от родных, который он, в свою очередь, передавал своим детям, разделив на еще более мелкие клочки.

Малоземелье, большие налоги, непосильная работа заставляли крестьян оставлять родные места, спускаться с гор на плоскость, в поисках работы. Широкое развитие получили отхожие промыслы. Горцы работали на промышленных предприятиях Дербента, Петровска, на нефтяных промыслах Грозного, Баку. Здесь они знакомились с передовым отрядом русского народа — русским пролетариатом, под руководством которого проходили школу революционной борьбы. Отходники в свою очередь оказывали большое влияние на революционизирование крестьянских масс, которые постепенно втягивались в борьбу. С ростом и усилением гнета росло недовольство против существующего строя среди горцев Дагестана. Малейшее проявление этого недовольства жестоко подавлялось правительством. Лучших сынов, посмевших выступить против произвола, отправляли в ссылку, в Сибирь.

Однако никакие меры, предпринимаемые царскими властями, не могли остановить объективно развивающийся процесс, подавить широчайшую волну национально-освободительного революционного движения масс.

В борьбу все больше втягиваются крестьяне различных аулов. По определению В. И. Ленина, это было «...новое поколение крестьян, побывавших в отхожих промыслах в городах, научившихся кое-чему из горького опыта бродячей жизни и наемной работы».¹⁹

Забастовки и выступления подготовили новые силы для более организованного выступления против царизма, против

¹⁹ В. И. Ленин. Соч., т. XVII, стр. 66.

колониальной политики правящих кругов России. В борьбе против колониальной политики царизма горцы имели верного и надежного помощника — русский пролетариат.

В такой чрезвычайно сложной и напряженной обстановке вызревания революционных сил жил Батырай. Поэт ограничен в своем мировоззрении. Поэтому «эти кричащие противоречия» эпохи отразились в его поэзии лишь вскользь.

В своих произведениях Батырай разоблачал притеснителей народа как местных, так и прислужников царизма. Он едко осмеивал слугителей ислама и поднимал свой голос в защиту человека труда. Поэт повел борьбу за раскрепощение женщины-горянки, за свободу чувств.

Поэт был свидетелем обострения классовых противоречий, резких контрастов в деревне; с одной стороны, разнузданность местной верхушки аула, с другой, нищета, бесправие, которые будили в умах горцев протест против феодально-патриархальных порядков. Батырай до конца своей жизни обличал пороки тогдашнего общества. Он любил свой мужественный трудовой народ и вместе с ним разделял его горе. Он не мог равнодушно смотреть на то, как нищенствует народ, а плоды его трудов присваивает имущая верхушка. В своих песнях он создает правдивые картины жизни народа, смело клеймит его угнетателей. Поэтому сельские богатеи запрещали Батыраю петь. «Почему Батыраю не позволяли петь? Кто были те, которые не позволяли ему петь и приходили, чтобы увести штрафного быка?» Такие вопросы ставит С. Абдуллаев в своей известной статье и сам же отвечает: «Конечно же не урахинский народ, а та малая кучка, которая в то время верховодила в Урахи! Почему же они не позволяли Батыраю петь? Потому что Батырай в своих сильных песнях бичевал их, колот их острым словом».²⁰

Как известно, в дореволюционной дагестанской как и в других литературах Кавказа и Средней Азии широкое развитие получила любовная лирика. Это было закономерным явлением. В ней был заложен большой социальный смысл: поэты вели борьбу за свободу человеческих чувств, за человека, не скованного узами социального неравенства.

В постановке социального вопроса в любовной лирике несомненную роль играла тема любви и в связи с ней образ возлюбленной, символизирующий собою идеал свободного человека эпохи.

Любовь, по Батыраю, всемогущее чувство. Истинная любовь способна сокрушить все преграды, сделать невозможное, изменить законы природы. Она может «в самый знойный летний день» льдом покрыть реки («ДуцІрумла буцІар бар-

²⁰ С. Абдуллаев. Гиямалла Батирай, «Колхозла Байрахъ» от 1 октября 1947 г.

хІи хІаркІла дублир миъ уртиб»), а «в самый лютый зимний день» травами покрыть лед («Ургабил чиллализир ши алав авлахъуни дакІиши шиниш къалли»). Всесильна любовь, она может «согрет своим огнем не одетых бедняков» («ХІякагор цІуръа дурхІа ванавакІис цІалион») и даже «зажечь глаза слепых, точно звезды подо лбом» («ХІулбела шала агар шалавакІис нуллион»). Герой Батырая, как уже было отмечено выше, преклоняется перед любимой: он готов не спускать с нее «пару зорких глаз» («Лачинна дилкІо хІулби хІар ванали дикІивихъис»), «гордость укротив, твердить без конца ей о любви» («Гъай бизили дикІивихъис»), купить ее «золотом или серебром» («Я мургъилис я арцлис»).

Неразделенная любовь, трагизм любовного переживания не порождают в герое Батырая пессимистические чувства, наоборот, усиливают в нем страсть:

Я ношу в груди огонь,
Гибель сеющий в лесах,
Но когда, не знаю сам,
Он испепелит меня.
Разрушительницу гор —
Бурю я ношу в глазах,
Но когда не знаю сам,
В прах сметет она меня ²¹.

(Здесь и далее даются переводы Э. Капиева).

И автор мечтает видеть свою возлюбленную свободной от старых адатов, от власти деспотичных, алчных родственников, свободной в выборе спутника жизни.

Батырай шел в ногу со временем. Он так же, как и другие поэты Дагестана, обратившись к теме любви, раскрыл основной конфликт эпохи — обострение социального неравенства. Надо предполагать, что его цикл песен «О любви» и «О герое» появились раньше, чем цикл «О жизни».

Большой гуманист Батырай, с проникновенным лиризмом и душевной теплотой воспроизвел тяжелую жизнь дореволюционной горянки. Окутанная религиозными адатами, женщина в современном Батыраю обществе не находила ни любви,

21

КуцІила вацІа игул
Адалкунил хІинтІин цІа
Сари дила варглизир,
Мурт чарх игол ахІбалас.
Алахан урхъи дулъул
Хъярхъил келекла буррям
Сари дила хІулбазир,
Мурт бикІ дулъал ахІбалас.

Батырай, Далуйти, стр. 22.

ни счастья. Дикие обычаи, унижающие и оскорбляющие достоинство ее, калечили жизнь.

Многие любовные песни Батырая — это гневный протест против бесправного положения женщины, порожденного существующим строем.

Батырай поднял свой могучий голос в защиту женщины. Она в поэзии Батырая — существо, достойное возвеличивания, поклонения и свободной любви.

Однажды Батырай шел из очередного скитания в свой аул и услышал свою песню:²²

Да не встретится любовь
Там, где ей не суждено,
Ибо жалости в любви
Нет, как в пасмурных лесах
Жалости у волка нет
К уворованной овце²³.

Пела ее горянка, возвращаясь к родителям от нелюбимого мужа.

Батырай прослушал песню до конца, пришел на гудекан, где проводили свой досуг аульчане, и заплакал. Эти слезы были слезами восторга и радости. Народ понимал его.

Заслуга поэта в том, что живя в мире эксплуататоров, где женщину не считали полноправным членом общества, он сумел поднять ее на небывалую высоту. Воспетая Батыраем горянка красива не только внешне. Она носительница всех положительных качеств, внутренне чиста и прекрасна, поэтому она достойна лучших человеческих чувств.

Эту же тему поднимали и кумыкские поэты М. Э. Османов в стихотворении «Гюлькиз» и М. Алибеков в стихотворении «Жалоба кумыкских девушек из Аксая», аварский поэт Махмуд, лакские поэты Муркелинский и Курклинский, лезгинский поэт Е. Эмин в своей лирике.

Во многих песнях Батырай рассказывает о судьбе молодой горянки. Главная тема их — неравный брак. Поэт опечален ее преждевременной старостью, ее безрадостной жизнью. С болью говорит он о «робком ягненке», символизирующем

²² Записано молодым даргинским поэтом Х. Алиевым в Сергокалинском районе.

²³

АхІдихьисил мусани
Мадихьаб гьейлар диги,
АхІдихьисил мусани
Дига дихьибиллахІи
Агурану уркІицІи,
ВацІа зумал мусанир
БицІлизир мукьаралла.

Б а т ы р а й, Далуйти, стр. 19.

обездоленную горянку (мукъарагъуна хъунул), с гневом — с старике-деспоте (хъунцла муцIур), порабощающем ее:

Жена, похожая на ягненка,
У старика с черствой бородой,
И вправду ли ты стареешь,
А я ведь все еще сохраняюсь,
Все твердя о любви,
Что родилась у меня в юношестве.
Чтоб купив за богатство годы,
Ты хоть потерпи
Пока умрет ничтожный,
Провести нам жизнь совместно ²⁴.

(Подстрочный перевод).

Для передачи горестной судьбы женщины поэт прибегает к различным изобразительно-выразительным средствам. Одно из них — символика. Тяжела доля женщины, она подобно овце, настигнутой волком:

Мне бывает очень жаль
Златорунную овцу,
Если волк ее настиг
В Азаюнтской стороне ²⁵.

Характерны такие постоянные эпитеты, как: сахарное сердце (чакар уркIи), сладкие глаза (шараб хIулби), черные глаза (цIудара хIулби), черная змея (цIудара чIичIала).

24

Хъунцла муцIур мужукъла
Мукъарагъуна хъунул,
Малли духъна диуллив,
Ну-кIуналан ливалла,
ДурхIяйли дихьиб дига
Даим къилхъадикъули.
ХIунелла къас бакъаго
ИбкIараши хайрегор
Асили маслис дусми
ДуркIухIану дарх гIвямру.

Рукописный фонд ИИЯЛ, д. № 213.

25

Нуни язихъ дикъани
Чубке мургъе мукъара,
Азаюнтла диркъанир
ДуцибхIели хъанцI бицIли.

Б а т и р а й. Далуйти, Дагъгиз, МахIячкъала, стр. 26.

Черный паук с высоких скал
Садится на плечи мои
И просит: дай испытть
Подо лбом сладкие очи ²⁶.

Поэт возвышенно романтически представляет себе настоящее чувство любви. Он говорит:

Так осматриваю я
Каплю каждую с небес,
Может упадет с дождем
Талисман моей любви.
Так считаю по весне
Каждый стебель на полях,
Может, выйдет из земли
Фиолетовый цветок ²⁷.

Образ горянки у Батырая наделен яркими романтическими чертами: черные глаза, которые «ранят в сердце храбров», и тонкие брови, «в мудрецах рождающие страсть», и лоб, «светящий ночью городам», и коса, «обвивающая Дербент вокруг».

Любовные песни Батырая изобилуют прекрасными сравнениями, эпитетами, аллегориями, параллелизмами. Возлюбленная у него и «месяц ясный» (шала баз), и «золотой ягненок» (чубки мургье мукъара), и «семицветный цветок» (швахІру-мар жанай вава), и «двухнедельная луна» (вицІну шурай ширил баз), и «аравийский голубок» (цуба араби лавгъа), и «беззаботная пчела» (дурхІя мирхъе), и «солнце южное» (хъар забла вана бархІи).

Глаза у любимой, «точно яхонты» (лягІлу-якъутла хІулби), они черны, «как цудахарский горох» (цІудхъулла хъаран). Брови «темны, как агат» (цІудара къашла нудбар), «словно надпись на клинке, подо лбом они идут». Лоб же

26

Ахъ шулла цІудар хъирхъа
Хъадиръур хъуцІаллиши,
Андайлар шараб хІулби
Дизи диржихъа или.

Там же, стр. 43.

27

Амъур зубрела марка
КІанті-кІантіли хІисаб дикъус,
Дила дига духури
Хисго или маркали.
Гъала хІебла шиниш къар
ЧІиъ-чІиъли лугІулиурс,
Хъарманавша гулвава
ШехІлирквъялера или.

Там же, стр. 68.

«бумажно-белый» (кагъалла анда), «как месяц из-за туч» (гъагултаубад базван), она сама юна, «точно светлый летний день» (дуцІрум шалал бархІван).

В цикле стихов «О любви» горянка не самостоятельный, объективизированный образ. Чаше она проступает через восприятие лирического героя. Но отдельные черты, детали, как бы брошенные вскользь, позволяют ярко представить не только ее внешний портрет, но и внутренний мир. В этом отношении Батырай очень близок Махмуду, который создавал образ горянки скуными штрихами, отдельными деталями, позволяющими представить цельный яркий портрет девушки.

Батырай-художник сосредоточивает внимание на тех чертах, которые позволяют воображению ярче представить картину. Читатель видит горянку, то ловко шедшей по жнивью, то представляет себе в облике солнца и луны, освещающих путь спутнику, то добрым, светлым другом и советчиком. Она робкая и «застенчивая глупышка», «безвольная бедняжка», «беззаботная пчела на лугах среди цветов», или «юга светлая звезда».

Так же, как в фольклоре, у Батырая поэтизация образа достигается сравнениями. Поэт сравнивает возлюбленную с восходящим из морей солнцем (урхъназирад бархІон.), с луной (дубуллиширхад бацон), движение тела — с жеребенком (тазиллаон), походку легкую — с бегом лани (авлахъ-ла гъинтайлаон). Иногда мы видим ее в облике согнутого тростника, а иногда величавой драгоценной лозой.

Как видно, для обрисовки горянки поэт прибегал и к романтическим образам-символам, и к реалистической детали, и к фольклорным поэтическим приемам. Используя разнообразные приемы, поэт смог создать яркие неповторимые образы. Как стиль и манера его письма, так и сам образ были резко противоположны к тем, что встречались в религиозной литературе.

Горянка Батырая знаменовала собою приход в литературу нового человека, характерного для конца XIX—начала XX века. Новая эпоха, в которой ломались все старые устои, должна была породить новый тип человека. За него и вел борьбу даргинский поэт, как и многие поэты России.

В песнях Батырая о любви мы видим два образа, дополняющие друг друга. Один из них, как мы отмечали, образ горянки, другой — лирический герой, в котором конкретные черты поэта и типические черты героя времени — борца за свободу человеческих чувств. Он перекликается с тем героем, которого мы встречаем в песнях «О герое».

Герой Батырая — сын времени. Это натура сильная, волевая, цельная, не знающая колебаний, натура мятежная, борющаяся.

Бунтарство его подчас доходит до обличения дисгармонии, существующей в жизни. И тогда он всей силой негодования бросает вызов закостеневшим «законам» старины, уродующим человеческую личность. В ней происходил разлад между мечтой и реальностью земного человеческого счастья. Для передачи внутреннего разлада героя со средой поэт прибегает к различным изобразительно-выразительным средствам. В одном случае дается аллегория, в другом—обращение к фольклорным образам, выражающим силу и мужество. Что может сильнее передать мятежный характер, чем эти строки:

Я ношу в груди огонь,
.....
Бую я ношу в глазах.
.....
Серый волк в лесной глуши,
Будь товарищем моим.
.....
Черный коршун в облаках,
Стань мне другом до поры ²⁸.

Обращение к силам природы и к птицам, олицетворяющим свободу и независимость, не носят случайный характер в произведениях Батырая. Этот прием заимствован из фольклора и весьма характерен для творчества Махмуда. В частности, в поэме «Мариам» Махмуд обращается к ветру и другим явлениям природы. Заимствованный из фольклора прием усиливает романтические краски и позволяет глубже раскрыть бунтарский характер героя.

Птицы с дальних берегов
Все твердят мне о беде...
.....
Птицам с дальних берегов
Я_отвечу: в добрый час...
.....
Тучи северных сторон
О печали мне твердят ²⁹.

²⁸ Все стихи на русском языке даны в переводе Э. Капиева по книге «Батырай», Даггиз, Махачкала, 1958, стр. 54.

²⁹

Арсуллєркєвял гьунуцІли
Дуриб дизи ца хабар

Арсулли аркєвял гьунуцІ
Дура дилара хабар.

ЦиркІли лиркєвял цІуилли
Хьатхиб дичу ца салам.

Там же, стр. 30.

Типичность таких поэтических обобщений подкрепляется и стихами:

Черный коршун со скалы
Мне садится на плечо,
Выпить очи подо лбом
Просит он, чтоб я отдал

Черный змей с глухой реки
Заползает мне на грудь,
Просит он, чтоб я отдал
Сердце сахарное съесть.³⁰

И наконец, бурные порывы выливаются в волнующий душу вопрос:

Как без крыльев мне достать
Месяц ясный из-за туч?

Неудовлетворенность окружающим рождает в герое подчас и надрывы, томление и ожидание, недоверие и сомнение, муки одиночества и бессилия — и все эти переживания человека, жившего на рубеже двух веков, поэт мастерски передает в коротких эмоциональных стихах:

Я обвинит бедой вокруг,
Как Дербент глухой стеной,
Горем горьким окружен,
Как морями белый свет.
О, страдания мои,
Вы — страданья беглеца,
Что, покинув отчий дом,
В скалах прячется немых.

Олицетворенные образы «беды», «горя», «страданий», сравнения, близкие и понятные народу, придают стихам эмоциональность и психологическую глубину в передаче человеческих чувств, характерные для поэзии Батырая.

Не будет преувеличением, если мы скажем, что Батырай создал целую книгу человековедения. Его стихи затрагивают

Ахъ шулла цIудар хьирхъа
Хьадиръур хьуцIаллиши,
Андайлар шараб хIулби
Дизи диржихъа или.

ХIаркIла цIудар чIичIала
Адурхар михьиллиши,
Чархлизир чакар уркIи
Дизи дирквихъин или.

тончайшие струны человеческого сердца потому, что в них правдиво переданы порывы сильной, умной личности.

В умении передать тоску, боль, томление, горе с Батыраем может сравниться только, пожалуй, аварский поэт Махмуд. Искренний и всегда правдивый герой Батырая прямо на людях, рассуждая вслух, «выворачивает свою душу наизнанку». Мы верим ему и, тогда он негодуяше говорит: «Да погибнет твой Бидав, твой прославленный скакун, чтобы так же, как мое, сердце высохло твое» и, когда он, тихий, огорченный, приходит к выводу: «Оттого, что влюблены, нет добра нам, добрый друг, коль разлучены сердца, как вершины снежных гор», и когда он весь уходит в свою заветную мечту о счастье: «Я б хотел иметь броню, как сверканье глаз твоих, чтоб в турецких торжествах на параде первым быть», и когда он считает, что обманут в лучших своих чувствах: « Не хочу твоей любви, сердцу скорбь она сулит...», о бренности мира: «Если б люди от тоски покидали свой аул, раньше чем они свой дом, я б покинул белый свет».

Верим ему потому, что его мысли, его чувства созвучны тем, что выражал народ. В них грусть и тоска народа, его мечта о свободе и счастье. С наибольшей полнотой это созвучие между героем Батырая и народом сказалось в стихах:

Солнце южное мое,
Глянь в окошко хоть разок,
Чтоб согреть своим огнем
Неодетых бедняков.
Двухнедельная луна,
Выйди из дому хоть раз,
Чтоб зажечь глаза слепых,
Точно звезды, подо лбом.³¹

В них-народная мечта, и его обращение к силам природы, и его жизнеутверждающая основа. Достаточно было поэту ввести стих «неодетых бедняков» («Хіякагор цІурѣа дурхІа»), как предстает картина народной жизни.

Герой Батырая воплощает в себе черты кристально-чистой, честной натуры, которая не раздваивается, не обкрады-

Хьар забла вана бархІи
ГьархьадакІи улкьархьад
Хіякагар цІурѣа дурхІа
Ванавякьис цІалион.
ВицІну шурайширил баз
Дурадухъин хьагъала,
ХІулбела шала агар
Шалавякьис нуллион.

вает себя. Для него характерно видение всего красивого и возвышенного. Любовь он хранит, как зеницу ока в «каменном сердце», «хоть морская злая соль разъедает его»; он не перестанет любить все возвышенное и благородное. Осуждение наносного, показного, фальшивого выливается подчас в заклинания — в приеме, характерном для фольклора («Чтобы так же, как мое, сердце высохло твое. Чтобы так же, как мои очи высохли твои; кто придет тебя смотреть, пусть останется без глаз, кто придет тебя сорвать, пусть останется без рук»).

Батырай ни разу не упускает возможность подчеркнуть в своем герое целомудренное отношение к женщине. Читая его стихи, невольно вспоминаешь горьковские слова: «От любви к женщине родилось все прекрасное на земле». Любовь к женщине возвышает, облагораживает, дает силу, смягчает сердце, приводит в движение мысль — таков основной мотив, проходящий через весь цикл стихов «О любви». Можно ли лучше выразить трепетность чувств?

Ножки я твои люблю,
Так легко они идут,
Словно конь трехлетний, ты!
Я в глаза твои влюблен:
Как горох у нас в горах,
Так черны твои глаза
Брови я твои люблю.
Словно надпись на клинке,
Подо лбом они идут.³²

До такого понимания красоты мог подняться только передовой человек времени.

Стихи Батырая о любви, поднимающие общечеловеческие проблемы гуманизма и красоты, взаимоотношения людей, человека и среды, были тесно связаны с родной национальной почвой. Выдвинутый в них вопрос о социальном неравенстве был подсказан самой действительностью Дагестана.

Много в стихах Батырая этнографического материала, связанного с бытом, условиями жизни, ландшафтом Дагестана. Мы видим вечерний аул и горы, в просвете которых видна

Дила карцІи духъунил
ХІябдусан урчилаон
Кункли хъарцІу тівяхІмаши.
Гурра дига дихъибил
КІарахъела хъараон
Хъирхъа цІудар хІулбаши.
Гурра карцІи духъунил
Мисри тулла гавгъаръон
ГъварцІли дилсун нудбаши.
Там же, стр. 47.

луна, и снежные выси, зримо себе представляем скачки, видим немые скалы и Дербент, окруженный глухой стеной, слышим плеск ледяной воды горной реки, участвуем в празднике уразы, перед взором предстают надписи на клинках, потухший огонь в печи, «что на дворе»; мимо нас проходит горянка, у которой «ожерелья» на груди из серебряных монет»; мы слышим пересуды аульских злопыхателей. Но Батырай далеко выходит за рамки бытописателя. Он вскрывает основной конфликт времени, приводящий к разладу личности со средой. Вопросы семьи, брака, любви поэт поднимает до социальных проблем. В его стихах мы находим ответ на поставленный эпохой вопрос «Кто виноват?». Взяв как бы локальный факт, поэт поднимается до социальных обобщений. Истинной любовью у Батырая может называться любовь, свободная от корысти, от эгоизма и других низменных человеческих чувств.

Большей частью влюбленным мешают корыстолюбивые родители. Это он, отец девушки:

Как в пятнадцать дней луна,
Светлой ставшую страсть —
Черной сделал...³³

А мать:

Как пчелиный мед весной,
Сладкой созданную страсть —
В горечь превратила...³⁴

Это они говорят о богатстве, о деньгах. Отчаявшийся парень бросает упрек любимой:

Твоя мать говорит о богатстве,
Чтобы ей сгореть в огне.
Разве не богатство ей —
Десять пальцев на моих двух руках,

33

Вишинушурайшир базъон
Шалали духъун карци,
Дила щудар дакьибну
Цигъу шангла лутион.

Там же, стр. 65.

34

ДурхИя мърхъе варъаон
Муръили дихъиб дига
Дила кьутікьу дакьибну.

Там же.

Твой отец говорит об имени,
Чтоб земля его проглотила,
Не имя ли для тебя —
Тысячи частей моего тела.³⁵

(Подстрочный перевод).

Чтобы сильней подчеркнуть отвратительнейший обычай купли и продажи, поэт прибегает к фольклорному приему — заклинию. Риторические вопросы и восклицания, логические ударения на глаголах повелительной формы («диг», «уц») усиливают эмоциональную сторону произведения.

На любовь парня девушка отвечает взаимностью, но существующие обычаи встают преградой на их пути. Из-за того, что у парня нет ничего, кроме «десятка пальцев на руках», родные выдают ее замуж за другого, нелюбимого. Эта тема издавна бытовала в народе:

Говоря, что я беден,
Не понравился тебе.
Ведь беден и кит,
А живет свободно в море,³⁶

— поется в даргинской народной песне.

Песни Батырая на эту тему приближаются к народным. Герой Батырая осуждает женщину, которая предпочла богато-го мужа. Ему не нужны ни золото, ни деньги. Вот как обращается он к любимой:

Щек твоих румяный блеск
Не затмит ли сто монет?

или

Черный лоск твоих волос
Не сразит ли сто отар?

35

Мас дикІор хІула аба
Сари масла цІали диг,
Мас ахІену хІуд дила
КІвел някІлишир вецІал тІул.
Мулк икІор хІула ада
Сай мулка гІянжили уц,
Мулк ахІину хІуд дила
Чархлизир азир биркІан.

Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 213.

36

Масла мискин сав юкІул
ВакІакІате ду кІабул
Масла мискин кІаслацІу
ДикІун ухІужид гІямал.

(кубачинский диалект).

Ни деньги, ни богатство, а истинное человеческое чувство ставит автор превыше всего.

Это из-за любимой у него «меркнут очи подо лбом» («ДицІур андайлар хІулби») и «словно сахара кусок, тает сердце» («Чакарван бицІур уркІи»).

Но любовь в тогдашнем обществе не приносили ни «добра», ни «света». У влюбленных «разлучены сердца, как вершины снежных гор» («УркІби дикІалли дели урхънира урхъираон»), а тела, — «точно с морем выси гор» («Чурхри гъа-рахъли дели муснира цубрираон»). Если бы только было возможно «сердца соединить»:

Как в стволе, ружья слиты
Пуля с порохом в одно!³⁷

а тела —

Как египетский клинок
Входят в плотные ножны!³⁸

Любви препятствует даже природа. Бесконечные степи, глубокие ущелья, высокие хребты залегли, как преграды, между влюбленными. Они символизируют существующие в тогдашнем обществе обычаи, мешающие соединиться двум влюбленным сердцам.

В современном Батыраю обществе, где господствуют религия и адаты, женщина не может выйти замуж за своего избранника. Ее судьбу решают другие. Поэту удалось показать внутренний мир такой горянки. Стремясь похоронить в себе чувство первой любви, она глубоко несчастна в своем замужестве.

Говоря о том, что ты замужем,
Не говори о том, что нет у тебя любви,
Ведь из древесного угля,
Что горел однажды,
Вновь разжигают огонь.³⁹

(Подстрочный перевод)

37

УркІби ца дили кьалли
Къирим мажалла духІнар
Янсавра хІархІараон.

Рукописный фонд

ИИЯЛ, д. № 213.

38

Мисри тулла къвартІайхІир
КъвартІалара турраон
Чурхри уржили кьалли.

Там же.

39

Субла хъунул саррану
НахІа дигагу или,
Вари хІу дикІмадикІуд
Гъачам дигвибти гала
КІвиънейсра цІабилкъану.

Батирай, стр. 52.

Светлое чувство любви в тогдашнем обществе — редкое явление. Искреннюю любовь испытывают немногие: «из двухсот» — «лишь двое», также недоступна и настоящая страсть, «из трехсот» «лишь трое». Не найдя земную любовь, поэт подчас вынужден искать ее в явлениях природы, в фауне:

Серый волк в лесной глуши,
Будь товарищем моим,
Чтоб тропой твоей я мог
Скрыться от людской молвы.
Черный коршун в облаках,
Стань мне другом до поры,
Чтоб, не оставляя след,
Мог по селам я пройти.

Так поэт подвел к ответу на вопрос: «Кто виноват?» в том, что у человека разлад с окружающей средой.

Большой художник, тонкий психолог, Батырай находил все новые и новые художественные средства для передачи внутренних переживаний человека. В памяти рождались новые образы, отшлифовывались слова, использовалось богатство устно-поэтического творчества.

Контрастное противопоставление — характерный прием устной поэзии — получил большое распространение в творчестве поэта. Им сопоставлялись любовь и страсть (дига-кар-ци), золото и серебро (мургы — арц), сокол и лев (лачин — арслан), золото и железо (мургы — мегь), роса и слезы (марка — нургьби), сахар и сердце (чакар — урки). И в каждом отдельном случае сопоставление углубляло психологизацию образа.

Чтобы всегда говорить о тебе —
Ты золото, а я железо?
Чтобы всегда ходить за тобою —
Ты серебро, а я дерево? ⁴⁰

Поэтическое олицетворение — средство художественного изображения, широко встречающееся в народной поэтике — получает дальнейшее развитие в песнях Батырая. Одним из любимейших народных образов даргинского фольклора

⁴⁰ Гьар даимал хIу икIвис
ХIу мургьбили ну миргьрав,
Даимал хIугIив вашис
ХIу арцли ну урцуллав?
Там же, стр. 64.

являлся образ голубя, олицетворяющий верность, и ягненка — кротость. Эти образы встречаем мы и у Батырая.

Для героя Батырая возлюбленная — любимый, золотой, святой ягненок, (дигул мукъара, чубки мургъе мукъара, хІя-жлир дякыб мукъара), лесной голубь — белошейка (вацІай-ла хъвябцІа лавгъа), а неверная подруга — серый волк (хъар вацІайла хъанцІ бицІ).

С помощью художественных сравнений поэт подчеркивает внешние и внутренние качества героя. Порой песня Батырая вся состоит из цепи сравнений:

Наша первая любовь
Так рассеяна тобой,
Как войска, когда у них
Вдруг не станет главаря.

Я ж любовь свою храню,
В сердце каменное влив,
Как расплавленное льют
Кубачинцы серебро.

Наша страсть, цены ей нет,
Так развеяна тобой,
Как имущество, когда
Нет наследников ему.

Но свою сберег я страсть,
В тело крепкое вогнав,
Как вгоняют гвозди в сталь
Амузгинцы-мастера ⁴¹.

Встречаются сравнения, близкие к метафоре:

С тех пор, как полюбил я тебя,
Слагая без конца песни,

⁴¹ Ва хІулара дилара
ДурхІайли дихыб дига
ХІула тІутІу дакъади
БикІагвор хІурабаон.
Дила гъаннара лирал
ГІярбукІай арцла кІичІъон
ХъартІили уркІилиши.
Ва нушала кІвилалла
АхІалли духъун карцІи
ХІула дугІдитаади
Букъур аголла масъон,
Дила гъаннара лирал
ГІямузгаинн гІябулъон
Дитяхъяли чархлизи.
Там же, стр. 32.

Как штык с отломленным острием,
Мудрый мой язык отупел.
С тех пор, как страсть возникла к тебе,
Слагая без конца четверостишия,
Как топор, что стал щербатым,
Чуткое сердце отупело ⁴².

(Подстрочный перевод).

Для поэзии Батырая характерны также контрастные сопоставления. Любовь без взаимности поэт сравнивает с хищностью волка, напавшего на овцу.

Да не встретится любовь
Там, где ей не суждено,
Ибо жалости в любви
Нет, как в пасмурных лесах.
Жалости у волка нет
К уворованной овце.

Да не будет страсть сильна
Там, где быть ей не дано.
Ибо беспощадна страсть,
Как к закованному в цепь
Горцу в каторжной тюрьме,
Беспощаден белый царь ⁴³.

Итак, в цикле стихов «О любви», как уже было отмечено выше, Батыраем создан образ мятежника, у которого проис-

⁴² ХІуши дига дихьибла
Даим далай икІули,
Хъар бургіябил жидаон
ПасихІ лизмира къавтбиб.
ХІуши карціи духъунна
Гъаман хІябкубливчІули,
БахІ бургіяб буридаон
Бугал уркІи къутІа биб.

Там же, стр. 49.

⁴³ АхІдихъисил мусани
Мадихъаб гъейлар диги,
АхІдихъисил мусани
Дига дихьибиллахІи
Агурану уркІици,
ВацІа зумал мусанир
БицІлизир мукъаралла.
АхІдухъисил мусани
Мадухъаб гъейлар карціи
АхІдухъисил мусани
Карціи духъуниллахІи
Агурану вахъ язихъ,
Пачала някълизивил
Дагъиста туснакъалла.

Там же, стр. 19.

ходит разлад между мечтой и действительностью. Все его существо протестует против закоренелых обычаев старины, уродующих человеческую личность. Его герой — натура романтическая. Пропуская все события через свое лирическое «я», он весь в бурном порыве, то осуждает зло, то призывает силы природы помочь ему в нелегкой борьбе, то уходит весь в себя, не веря ни во что.

Излишне доказывать, что бунтарство его, как и аналогичных ему героев всей многонациональной дагестанской литературы, явилось порождением самой эпохи, в которой уже появился «буревестник», предсказывающий великую бурю.

Образ из стихов «О любви» подготовил рождение тех героев, которые мы встретим в циклах «О жизни» и «О герое».

Разобранный нами цикл в композиционном отношении не представляет единое целое. Стихи его можно расположить в последовательности. Но все они объединены образом лирического героя.

В цикле стихов «О любви» чувствуется стремление поэта создать сюжетные произведения. Поиски Батырая в этом направлении оказались небезуспешными. Более поздний цикл его стихов «О жизни» является не только сюжетным произведением, но в нем обнаруживаются и элементы эпической поэмы. Это произведение представляет интерес для исследователя и своими жанровыми особенностями, и своей композицией и системой образов. В данном случае мы имеем жанр путешествия, впервые возникшего в даргинской литературе. Путешествие позволяет автору охватить большой круг событий, широко познакомить читателя с жизнью народа в различных местах, с людьми различных слоев. Эта форма и создавала условия для появления эпических картин.

В этих стихотворениях мы обнаруживаем и интересный сплав литературной и фольклорной традиции.

Для раскрытия образа поэта-рассказчика и объективизированного образа автор вводит в стихотворения диалоги, это сближает его стихи с фольклорными произведениями.

Литературные традиции использует поэт, когда дает зарисовки, в которых уже заложены элементы эпических картин, и когда создает произведения со строгой композицией.

Что же касается фольклорных традиций, то они повлияли на различные изобразительно-выразительные средства. Здесь и закрепление имя автора, и вопросы-загадки, и сравнения, взятые из народных песен и заклинания, пожелания — приемы, столь свойственные народным плачам.

Цикл стихов «О жизни» представляет интерес для исследователя и как одно из первых произведений в даргинской литературе, в котором сделан определенный шаг в овладении реалистическим методом письма.

Если любовная лирика Батырая носит в основном роман-

тический характер, то его произведения, посвященные трудовой жизни горцев, сугубо реалистичны. В них много действующих лиц, которые могут быть разделены на две группы: эксплуататоров и эксплуатируемых. Несмотря на то, что здесь характеры пока еще только намечены, перед читателем предстают неповторимые индивидуальности.

Представители народа в его стихах — носители прекрасных духовных и нравственных качеств. Читатель видит тружеников даргинского аула Ванаши-Махи, которые находят счастье в труде. Они любят труд и умеют трудиться. Самая заветная мечта их, «чтобы выросло зерно», чтобы их неутомимый труд дал плоды. Хороший урожай — самая большая радость в жизни крестьянина, но бывает и наоборот — и тогда погибли труды и надежды, а его семья должна нести полуголодное существование.

Тяжелые жизненные условия требовали много энергии, сил, чтобы обеспечить семью куском хлеба:

Точно как алмаз стекло,
Рассекая грудью мир,
Чтоб любимую семью
Обеспечить до зимы,
Вышел из дому один.
Ой, Омара Батырай! ⁴⁴

Поэт показывает картины крестьянского труда. Хозяева клочка земли, на котором искони жили их деды и прадеды, обрабатывали его примитивными орудиями труда.

Простые крестьяне живут в постоянной нищете, выполняют непосильную работу, в то время как у богачей «закрома полны зерном» и «на горах стада овец». Эти реалистические картины замечательны тем, что они в контрастной форме передают жизнь аула конца XIX — начала XX века, когда особенно остро выявились социальные противоречия.

Рисуя картины тяжелого труда, Батырай сохраняет глубокую веру в народ, в его лучшее будущее. Даже те строки, где автор говорит об изнуряющей работе крестьян, проникнуты жизнеутверждающими тонами:

Стер ладони ты сохой,
С малых лет учась пахать.

44 Алмаслини шишаон,
Гъвяраили гъеш дуне,
Бигути хъалибарглис
БикIахъ сархусра или,
Хъуливад дуравхъунна,
Ва, ГIямалла Батирай!
Там же, стр. 82.

С малых лет ты наполнял
Посевным зерном подол.

За труды твоих быков
И за твой, крестьянин, труд
Пусть пшеницей закрома
Будут полны через край.

Нарисованные поэтом картины быта, труда крестьян несут в себе широкие социальные обобщения. Они дают читателю яркое представление о жизни народа.

Экономическая и духовная отсталость, бескультура, темнота не мешают крестьянам сохранить чувство собственного достоинства. Именно в этих суровых условиях проявляются лучшие качества труженика деревни: моральная чистота, трудолюбие, доброта, гостеприимство, смелость, оптимизм.

Крестьянин Абдурагим из аула Гелли, доведенный до крайней бедности, в его хозяйстве даже нет лошади, огорчен тем, что не может помочь приезжему. Газали из аула Бачлуга отдает последнюю лошадь и рад безмерно, что может быть полезен другу соседу. Нищенская жизнь не убила в нем сердечной доброты.

Скупно, несколькими штрихами поэт создает меткие и запоминающиеся образы честных, добрых, отзывчивых и гостеприимных тружеников деревни Абдурагима из Гелли, Газали из Бачлуги и других крестьян, типичных для дагестанского аула.

В стихах имеются и более обобщенные образы представителей народа, истинных борцов за счастье народа. Их обязательно «сгубят чужаки» или царь на каторгу сошлет» (Я урхИлини хьаршу, я сибиллизи архьу»). Этим и объясняется то, что в песнях Батырая находят отражение образы тюрьмы, Сибири, ставшей местом ссылки лучших сынов даргинского народа.

«Коротка героя жизнь», царские палачи найдут причину, чтоб его арестовать, сослать в Сибирь. «К закованному в цепь горцу» «...в каторжной тюрьме» относятся безжалостно. Памятники «на краю дорог» («гьо дублир цИлда») являются поэтическими символами погибших героев.

Выпукло очерчены и отрицательные образы. Каждый из них представляет собою творческую индивидуальность. Все же вместе они составляют обобщенный образ эксплуататора. Ненависть к народу, жажда наживы, жадность, презрение к труду — таковы их основные черты.

Сирагинский старшина приглашает проезжего и угощает его «черным хлебом полусырым и вонючим козьим сыром», а богач Минатла-Баганд — «черствым кукурузным чуреком и вареной морковью» («Мучарира хьабиxьиб дилхьун набаду-

рира»). Поэт мастерски противопоставляет трудолюбивому крестьянству представителей эксплуататорского класса. Здесь и Минатла-Баганд — «первый богатей и ничтожный человек» («МахIаргивра давлашив, шавра ливил увахIил») с его жадной женой Патимой, скупые сирагинский и мугринский старшины и урахинец Абдусалам-Кади. Они жадны, скупы, безжалостны к людям. По внутреннему облику простой крестьянин гораздо выше их. Примечателен в этом отношении такой эпизод, созданный поэтом. Проезжему понадобилась лошадь, простой бедный крестьянин отдает ему ее, не задумываясь, а богач Минатла-Баганд покупает ту лошадь у путника за ничтожную цену и, кроме того, из-за жадности недодает бедняку рубль.

Броскими деталями поэт характеризует представителей эксплуататорского класса. О богаче Минатла-Баганде и его жене, о сирагинском старшине сказано очень скупое, но перед нами встают люди, одержимые одной страстью — наживой. Они не брезгают никакими средствами для своего обогащения.

Язык стихов напоминает язык памфлета, когда поэт говорит о богатеях. У них «закрома полны зерном» и «на горах стада овец», а «в доме хлеба не найти» и «мяса не видать в котле».

В стихах этих поэт раскрывает разительные изменения, происшедшие в дагестанском ауле, в связи с развитием капиталистических отношений.

В стихотворении «О богаче» ярче всего проявилась позиция поэта. Он обнажает хищническую сущность аульского богатея, показывая его таким, каков он есть: жадным, лживым, лицемерным.

Закрома полны зерном —
В доме хлеба не найти.
На горах стада овец
Мяса не видать в котле.

Мой несчастный Бонгула,
Как богато ты живешь!

Это и другие стихотворения подобного толка перекликаются с произведениями кумыкского поэта Ирчи Казака «Время теперь к нам так повернулось», «Счастье», «Письмо Магомед-Эфенди Османову», представляющие сатиру на современное поэту общество, лакского поэта Гузунова, создавшего типические образы местной феодальной знати.

В этих стихах основным образом является лирический герой, воплощающий в себе черты народа, выступает он как обобщенный образ народного певца. Не будет преувеличением,

если мы скажем, что Батырай был одним из первых дагестанских поэтов, который выдвинул тему назначения поэзии, ставшую впоследствии одной из ведущей в нашей литературе.

Произведение выходит далеко за рамки биографии, когда рассказывается о том, как гонимый нуждой пустился в странствия поэт Омарла Батырай. Подобными же странниками являлись аварский поэт Эльдарилав, лакские Чукундалов и Зайди Курклинский. Таких же поэтов-странников мы находим и в книге Э. Капиева «Поэт» и в поэме Р. Гамзатова «Разговор с отцом» и во многих других произведениях советского периода.

Батырай объехал всю даргинскую округу, знал, чем дышит ее народ, чем занимается в любом ауле. Он пишет и о кубачинцах, льющих расплавленное серебро, и о амузгинских мастерах-оружейниках.

В герое цикла стихов «О жизни» сочетаются два образа: один из них — хлебопашец, бедняк, ищущий средства для пропитания, другой — поэт из народа. Оба образа дополняют друг друга, образуя обобщенный тип народного певца, во многом напоминающий образ Сулеймана из книги новелл Капиева «Поэт».

Омарла Батырая — героя произведения «О жизни» встречают во всех селениях радушно. Ему отдают должное и друзья и враги. Чем же он снискал к себе уважение? Народ любит его за то, что он приветлив, общителен, знает нужды, желает людям всегда только добра, смело выступает в защиту угнетенных.

Уже в первой встрече проявляется его сердечная доброта:

Ванашинцы — молодцы!
Да родится ваш ячмень!

На это крестьяне ему отвечают:

Добрый путь, в счастливый час!

Во встрече с Газали из Бачлуга Батырай пленяет своими песнями, которые согревают и радуют душу. Совсем другим выступает певец при встрече с богачом Минатла-Багандом. В обращении поэта к богачу ненависть и презрение к трусости, жадности. Он бросает врагу вызов песней-заклинанием «Ах, шальная пуля в лоб, чтоб ударила тебя!». Неподкупность, презрение к трусости, независимость, чувство собственного достоинства — таковы черты поэта-странника, проявившиеся при встрече с богачом. Характерно отметить и его широту натуры. А когда Батырай узнает, что богач не додал ему рубль, он при всей своей бедности отвечает: «Пусть останется за ним».

Песня — душа народа, и она должна согревать его, помогая жить. Но есть и другое назначение песни. Она призвана расширять «незыблемые» устои. К такому выводу приходит герой, когда встречается с сирагинским старшиной. Вот почему он спел так, что «оставил за собою злобный крик и суету».

Раскрыт характер героя и во встрече с наместником бога на земле — Абдусалам-Кадием. Простой горец, он еще не атеист и даже просит кадия благословить его на расправу с богачами. Откровенно рассказывает он кадию о своей ненависти к богачам, о своих разочарованиях, поисках. Вместе с тем он уже решительно высказывает протест, выступает за свободу простого люда. В самом его обращении к кадию заложен едкий сарказм:

Не наложишь ли ты штраф
На бесстыдных богачей?
А не то я сам пойду,
Вызвав темных молодцов,
Чтоб ограбить богачей...⁴⁵

Раздумья вслух, разговор на людях — прием, отмеченный нами при анализе стихов «О любви», характерен и для данного цикла. Он способствует более глубокому, психологическому раскрытию образа лирического героя. Размышления о жизни, дружбе, семейных отношениях, оценка действий людей различных социальных категорий, взгляды на песенное творчество придают этому образу философский оттенок. Философичен и образ лирического героя цикла песен «О любви». Но отличие между ними в том, что первый больше романтик, второй — реалист. Во втором цикле мы не находим приподнятых образов — символов, возвышенно-романтических красок, обращений к явлениям природы: в нем реально существующие места (Ванаши, Губден, Урахи, Гелли), живые люди (Газали, Абдурагим, Минатла-Баганд) и правдоподобные картины.

Цикл стихов «О жизни» имеет стройную композицию. Знакомство с местом действия и действующими лицами происходит параллельно с развитием сюжета. Завязку мы обнаруживаем уже в первых стихах, когда герой отправляется в путь и встречается с ванашинами-молодцами, затем действие развивается дальше. Встречи, разговоры, очарования и

⁴⁵ Хіуни гіяклі лукліду
Гьетти унна Мугриши,
Гамилиши лабарцад
Нуни чябхьун бякышав
Сатхьили кьара Хайдакь?
Там же, стр. 81.

разочарования. Кульминация заключена в стихах, где выражен протест против богачей.

И, наконец, развязка в последней песне этого цикла «Я не даром песню пел; ой, Омара Батырай!»

К этому циклу следует отнести стихотворение «О себе», «О пахаре», «О богаче», «О храбрце», «Я, бывало, песни пел» и «Ах, могу ль я песни петь». В произведении «О пахаре» углубляется характеристика горского крестьянина:

Стер ладони ты сохой,
С малых лет учась пахать,
С малых лет ты наполнял
Посевным зерном подол

В последних двух песнях мы встречаем те же раздумья с народной поэзии, тот же образ народного певца, который окончательно приходит к выводу:

Будь неладен этот свет...
Что за скверная пора.
Конь у стойла позабыт,
А ячмень ослам дадут!»⁴⁶

И так цикл песен «О жизни» явился первым опытом в даргинской литературе в создании эпической поэзии.

Читая эти стихи, на первый взгляд носящие автобиографический характер, мы убеждаемся, что поэт вышел далеко за рамки биографии. Горячая любовь к простому народу, глубокая ненависть к угнетателям — таковы характерные черты лирического героя этого цикла, роднящие его с образом из цикла «О герое».

Широта его восприятия жизни, осмысление явлений действительности в сочетании с конкретными живыми чертами придают этому образу черты эпического начала. Путешествуя с лирическим героем, мы пройдем по многим даргинским аулам, увидим реальные картины жизни тружеников деревни. Ко всему увиденному герой не остается безучастным. Страстный, взволнованный, он выступает защитником горской бедноты.

Лирическое и эпическое начало в этих двух циклах Батырая тесно переплетены. Это и откладывает свой отпечаток на образ. В нем лирическое «я» приобретает большой социаль-

⁴⁶ Ва хІула вархІял вагІибш
Вайна дуне либкьалли
Тевлайлир тази гушли
Дугул хІумхІраан мухъи.
Там же, стр. 78.

ный смысл. Этот герой вбирает в себя лучшие черты сына времени и героические традиции славных предков.

В каких бы тяжелых условиях не находился народный герой, он не покажет спину врагу, не изменит своей Родине.

Ясно, что это цельная, волевая натура, которая не боится трудностей. Человек искренний, правдивый, честный, он выше всего ставит интересы народа. Естественно, что в этом образе мы находим черты тех героев, которые впоследствии выходят на арену революционной борьбы.

Герой Батырая действует в определенных социально-исторических условиях. Это годы, когда все вокруг бурлило:

Кипит битва вокруг меня,
И я стою посреди битвы.
Пусть хоть режут на куски меня,
Я не сдамся врагу.⁴⁷

(Подстрочный перевод).

Он весь охвачен предчувствием неминуемой бури:

Там, где беда нагрянет,
Оружие у тебя готово,
Как дождь в туче,
Коль надо за честь постоять,
Как буря на высях гор,
Торопливо сердце твое.⁴⁸

(Подстрочный перевод).

Народ веками создавал образ героя, борца за лучшее будущее. Батырай унаследовал из фольклора разработанную поэтическую традицию в изображении народного героя.

Увенчаны славой народа имена героев, отдавших жизнь за родину. Таким героям даргинский народ посвятил лучшие строки своих песен:

⁴⁷ Алавчарли дергъ сари
Дергъла байлав ну сайра.
БутIнарикъули хъалли
ХIушаб мутIигIахIикIус.
Рукописн. фонд ИИЯЛ, д. 213.

⁴⁸ Къийин дибил мусанир,
Диривлиур маркаон
ХIадурил ярагъла вегI.
Ламус бакIиб мусаниб,
Ахъ урхъела бурамон
Гъалакил уркIила вегI.

Там же.

Смерть прекрасна у того,
Кто в битве погибнет,
Слава о нем большая,
Кто живым вышел из битвы.
У прославленного храбреца
Жена остается вдовой.

У бессмертного героя
Сын остается сиротой.
Да не страшна смерть,
Когда за родину умирают,
Хотя умрет герой,
Зато слава о нем бессмертна.⁴⁹

Способы использования фольклорного материала Батыра-ем самые разнообразные. Мы уже выше отмечали, как мастерски поэт заимствовал изобразительно-выразительные средства народных песен для передачи социальных вопросов времени.

При создании цикла песен «О герое» Батырай опирается на созданные фольклором образы, с целью лучшего выявления национального характера горца.

Герой Батырая жил в ту эпоху, когда:

Кремневку точит ржа,
Конь хороший в западне.
А прославленный храбрец
Сослан в царскую Сибирь.⁵⁰

Фантастика в фольклоре всегда занимала видное место. Фантастические образы обогащали духовную жизнь народа и помогали верить в будущее. Широкая поэтическая фанта-

49 Дявлизив вебкІайла

БекІа жагаси

ХІекІили калайла

Хабар халаси.

Урибил гъабзала

Хъунул гамъаси,

ХІекъли багъадурла

ДурхІа ятимси.

ВебкІалли се сабив

ВатІан багъандан

Сай вебкІни багъандан

Хабар хІебубкІар.

50 Къириммажар сиглизир,

АхІ урчи сенгеллизир,

Шивухъун ахІна гъвабза

Урусла Сибирлизив.

Батирай. Далуйти, стр. 7.

зия характерна и для поэзии Батырая. В его гиперболизированных, художественно обобщенных образах находят отражение реальные настроения народа. Взяв за основу фольклорный образ из народных сказок и героического эпоса, Батырай мастерски создает свой скульптурный образ крупными выпуклыми штрихами. В плане народной фантастики нарисован портрет героя:

Чтобы сердце сделать крепким,
Змеиное сердце поел.
Чтобы в теле была сила,
Выпил львиное молоко.
Он с сильными мускулами
И с щедрыми руками.⁵¹

(Подстрочный перевод).

Формирование характера героя прослеживается от рождения до зрелых годов его. Мы узнаем, что он:

В среброкованной броне
Был он матерью рожден,
И египетский клинок
Был положен для забав
В колыбель его отцом.

От рожденья становится он обладателем быстрого коня. Необычайным является его конь, он кован чистым серебром и «рушит горы на скаку» («Мурдайибил урчили гонзайла тИм айсухъул»). А если нужно, конь сможет своей грудью укрыть целый караван. Поэтому:

Сколько б песен я ни пел,
Лучшая песня о коне быстром,
Что бы ни было на сердце-у храбреца,
Он поможет ему достигнуть цели.⁵²

(Подстрочный перевод).

51 УркIи чIячIали дихъис
ЧигIайла кам деркунил
Чархлизир кьувват дихъис,
Къапланна ний дирхъибил,
Дулай някъби кьувватил,
БекI някъби сахаватил.

Рукописный фонд ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 213.

52 ХIябкуб чум дакъаслира
ХIябкуб кункил урчилис,
Сиделла уркIилишир
Дикъул гъвабзала мурад.

Б а т и р а й, Далуйти, стр. 9.

Природа — лучший друг героя и его коня. Она всюду сопутствует и помогает им.

Коль в пути застанет ночь —
Вся земля тебе постель,
Одеяла — небеса,
Серебром расшитый шелк».

В годы мужания герой становится «другом отважных храбрецов» и «бурей для трусов». С возрастом зреет в нем протест против угнетателей. Как Хочбар, он угоняет табуны у богачей для своего народа. Движимый высоким гражданским чувством, он приходит к выводу: если для отчизны придет трудное время, он против ста пойдет один, «взяв египетский клинок, заостренный как алмаз» («Алмас дархил мисри тур хьадуцили някълизи»), и будет бороться, пока не наполнятся «темной кожи сапоги красной кровью через край» («Цудар булгъалла чакма дицIайши хIинтIин хIили»).

Такой герой не умирает обычной смертью, ему подстать все только героическое. Память о нем вечна в народе. У края дороги стоит памятник герою. И каждый прохожий поминает его добрым словом.

Нет, прославленный герой
На кладбище не лежит,
И надгробья храбрецам
Ставят на краю дорог.⁵³

Не раз нависала над народами угроза порабощения, но они объединялись против общего врага, клялись бороться до последней капли крови и побеждали, никакая сила не могла сломить сопротивление горцев. Враг уничтожал аулы, брал горцев в плен, но не мог убить в них волю к свободе. Как в зеркале, отражен в творчестве Батырая исторический путь, пройденный народом.

Выразителем стремлений и чаяний народа, его свободолюбивых патриотических чувств, любви к своей родине является герой Батырая.

Время ль трудное придет,
Против ста — один пойдешь,

⁵³ ХIакъли ахIна гъабазала
АхIдирар хIвябразир хIвяб.
Шивухъун багъадурла
Дирар гъо дублир цIилда.

Взяв египетский клинок,
Заостренный, как алмаз.

Если встретится беда,
Вступишь с тысячами в спор,
Взяв кремневое ружье
Все в насечке золотой.

Не уступишь ты врагам.
Не наполнятся пока
Темной кожи сапоги
Красной кровью через край.⁵⁴

Этот герой летит на правое дело, «гриву чудища схватив» («Ял дуцили аждагъа»), и «вместо плети, сгоряча, взяв за голову змею» («БикІдуцили чІичІала гІварчимаглис гьакІди-кьул»). И неудивительно, что враг, настигнутый им, «как от бури дрожит» («Мирслиини гонзаон зир-зир бикьул»).

В цельной системе образов цикла песен «О герое» весьма существенна гипербола. Она, как известно, характерна для былин и героических эпических песен и сказок.

Батырай использует народные художественно-изобразительные приемы, но как правило не механически. Все лучшие традиции творчески переосмысливаются им и выполняют иную функцию в раскрытии идейного замысла.

Гипербола в его стихах усиливает фантастический элемент. Но в отличие от народной, фантастика Батырая приобретает реалистический характер. Так в его стихотворении говорится, что герой один угоняет целый табун, что он своими доспехами затмевает лунный свет. Фантастически преувеличивая его качества, поэт на этом не останавливается. Одна-две детали и предстает реалистический образ («Друг отважных храбрецов. И взрастил тебя отец...»).

54 Къийин дибил мусанир
Азирличу дьав дикьул,
Алмас дархил мисри тур,
Хьадуцили някълизи,
Ца мургъила, ца арцла
Дилкойши някъликули.
Ламус бакІиб мусаниб
Даршличу гъавгъа дикьул.
Къаш мургъе къириммажар
Дуцили цугдайнирад,
ЦІудар булгъалла чакма
ДицІайши хІинтІин хІили.

Характерно и то, что в гиперболе Батырая заложены большой силы социальные образы. В ней преувеличены те качества героя, которые делают его народным богатырем. Гипербола заостряет черты национального характера, усиливает типизацию образа.

Гипербола имеет двойную функцию. В одних случаях при помощи гиперболы заостряется отрицательный образ или явление. Так, гиперболически, гротескно изображается жадность богатеев:

На горах стада овец —
Мяса не видать в котле.

В других случаях гипербола служит для создания сильных, волевых образов:

Гриву чудища схватив,
Без седла летишь в набег,
Вместо плети, сгоряча,
Взяв за голову змею.

Конь, объезженный тобой,
Рушит горы на скаку.
Взмахом плети достаешь
В дальнем небе облака.⁵⁵

Часто в поэзии Батырая гипербола переходит в литоту:

До того, как полюбил я тебя,
Тело мое было, как гора,
А как полюбил я тебя,
Оно растаяло, как снег в горах.

С тех пор, как возникла страсть к тебе,
Словно орех, сердце мое.

55 Ял дуцили аждагъа
Яйдахъли чабхъундикъул,
БикІдуцили чІичІала
ГІварчимаглис гъакІдикъул,
Мурдаибил урчили
Ганзайла тІим айсухъул
Дяхъябил гІварчимагли
Диривла кІана кайсул.

Там же.

Как только страсть загорелась,
Оно стало на горох похоже.⁵⁶

(Подстрочный перевод).

Умело пользуется Батырай и антитезой для изображения человеческих характеров. В стихотворении «О богаче» противопоставлены закрома, полные зерном, и дом его, где нет хлеба:

Закрома полны зерном —
В доме хлеба не найти.
На горах стада овец —
Мяса не видать в котле.

Антитезу мы встречаем в его творчестве и в цикле песен «О герое», где противопоставлены храбрец и трус, и в песнях «О любви», где выступают различные явления природы: заход и восход солнца, расцветающие и увядающие луга — для показа любви, достигшей расцвета, и любви несчастной. И, наконец, в песнях «О жизни» — изображения социальной несправедливости.

Все средства художественного изображения, употребляемые в творчестве Батырая, обработаны до изумительной филигранности. Смелые сравнения, аллегории, эпитеты, параллелизмы и другие изобразительно-выразительные средства придают его поэзии подлинно народный характер.

Стихи Батырая близки своей ритмикой к народной поэзии. За основу ритмического строя батыраевского стиха берется одинаковое количество слогов. В них нашло отражение свойственное даргинскому стиху семисложное силлабическое стихосложение. Это придает им ритмическую гибкость, мелодичность, музыкальность, приближая к народной песне в отличие от одиннадцати и восьмисложного стиха религиозного характера.

Посмотрите, как родственны эти две песни.

У Батырая:

Михъири цIуба или
Уктемли къунзмариКуд,
Михъири цIуб чатIала
Дусла дирарну гIямру.

56

ХIуши дига дихъайши
Дубурацад дила чарх
Дихъибла хIуши дига
Дубрир духIаон дацIиб.
ХIуши карцIи духъайши
Хивлацад дила уркIи,
Духъунна хIуши карцIи
Хъара кыкъгуна хъальун.

Б а т и р а й, Далуйти, стр. 72.

Народная:

Чарх исбагы саб или
Мабурцид, рурси, пахру.
Чарх исбагы чатІала
Дирарну дусла гІямру.

В поэзии Батырая, так же как в даргинском фольклоре, встречаются концевые рифмы, хотя как у него, так и в даргинском фольклоре они не играют решающей роли в создании ритмики стиха.

В песне Батырая:

АхІгъвабза бикІли дурхъал
Базурташир мургъион,
Багдадур дила гІярип
Мисрилизир чатІаон.

Наличие рифмы вызвано случайными совпадениями одинаковых форм (в данном случае сравнительной степенью существительного — он) и синтаксических построений. Часто в стихах Батырая созвучны конечные слоги первой и последней строки:

Субла хъунул саррану
НахІа дигагу или
Вари хІу дикІмадикІуд,
Гъчам дигвибти гала
КІвиънейсра цабилкъану.

Вместе с тем рифма часто подменяется у него аллитерацией и ассонансом. Частое употребление созвучных согласных и гласных звуков усиливает выразительность, плавность, мелодичность стиха. Так поэт выделяет и подчеркивает наиболее важные в стихотворении слова:

Хъар забла вана бархІи
ГъархъадакІи улкъархъад
ХІякагор цІуръа дурхІа
Ванавякъис цапион.

Или же:

Ахъ урхъела хъаллишир
Михъири гъалагил пурс.

Большей частью в одной строке созвучное начало повторяется три раза:

БахІ бургІяб буридаон
Бугал уркІи къутІа биб.

Иногда поэт аллитерирует начало трех строк:

ЦІудара хІавайлишир
ЦІуб арцла гІяббасунар,
ЦІуб игІя хІвяб някІбашир

.

Звучность стиха Батырая достигается также сочетанием близких друг к другу согласных. Губные **б** и **м**:

МахІур бикІла кІвел хІули
ХІарцун дизуллахІалли,

звонких **з** и **ж**:

Ах урхІела миІлиур
Асаллира гІязиз жан

гортанных **гъ** и **къ**:

Див гонза ряхІматлион
ГІялам гІайли билкІяхІис
и т. д.

Подчас аллитерация проходит через все стихотворение:

ХІуши дига дихІайши
Дубурацад дила чарх
ДихІибла хІуши дига
Дубрир духІаон дацІиб.
ХІуши карцІи духІайши
Хивлацад дила уркІи
ДухІунна хІуши карцІи
ХІара кІякІгІуна хІалІун.

Для придания стиху музыкальности Батырай прибегает к консонансам.

Иногда по целой строфе проходит какой-нибудь доминирующий звук:

Далайра сион иша
Дубрибил бидавлаон
Датти дила биркІанти
МиІлиин Идилаон
ДвягІла излумаани
Дила дуцили дели.

Но чаще в строке преобладает какой-нибудь согласный

ДурхІайли дихІиб дига

или:

Дила дига духури.

Мастерски, без злоупотребления, прибегает Батырай к приему повторения:

ГьекІди ахъ дубурташир
 Вава гъанни кьар **дуръар**,
 ХІу гъанни дила **дуръар**
 Чархлизир чакар уркІи.
 Гьихди мурхъ къадурбазир
 Шараб гъанни шин **дилъон**
 ХІу гъанни дила **дилъон**
 Андайлар шараб хІулби.

Как уже было отмечено, Батырай широко пользуется традиционными, фольклорными сравнениями, эпитетами. Однако это не значит, что у поэта нет своих собственных атрибутов стиха. Его поэзия богата оригинальными, смелыми, энергичными чисто батыраевскими сравнениями.

У Батырая много выражений, имеющих точные эквиваленты в фольклоре. В любовных песнях: «Зир-зирдирар дила чарх» («тело трепещет у меня»), «уркІби дикІалли дели» («пусть у нас сердца отдалены»), «чурхри гъарахъли дели» («пусть мы далеки друг от друга»), «андайлар шараб хІулби хІу гъанни диръулину» («ясные глаза сохнут, думая о тебе»), «чархлизир чакар уркІи хІу гъанни дицІулину» («сахар — сердце тает, думая о тебе»), «усал субла асил мас» («у слабого мужа славная жена»). В песнях о герое: «АхІгъвабза адашивад адмакІваб вайна-гъвабза» («пусть у храброго отца не родится робкий сын»), «вайгъвабза адашивад адмакІваб ахІна гъвабза» («пусть у робкого отца не родится храбрый сын»), «азирличи дяв дикъул» («бороться против тысячи»), «даршличи къавгъа дикъул» («бороться против ста») и др.

Поэт создает и качественно новые образы. Так новым является образ героя, который:

Время ль трудное придет,
 Против ста — один пойдешь.
 Взяв египетский клинок,
 Заостренный, как алмаз.⁵⁷

Многие выражения Батырая (особенно из песен «О герое») стали афоризмами: «АхІна гъвабзала гІвямру дирар гъанушура дус» («жизнь героя бывает двадцать пять лет»); «АхІгъвабза адашивад адмакІваб вайна гъвабза» («пусть у храброго отца родится робкий сын»); «убкІул бархІи ахІгъабза балли урчира бибкІаб» («в день смерти храбреца пусть вместе с ним и конь падет»); «убкІул бархІи ахІгъваб-

57 Къийин дибил мусанир
 Азирличи дяв дикъул
 Алмас дархил мисри тур
 Хъадуцили някълизи.

за далли гьалмагъра дибкIаб» («в день смерти храбреца пусть вместе с ним умрет и подруга»); «ибкIалли ахIна гъвабза рази ирар вайгъвабза» («смерти храбреца бывает рад трус») и т. д.. Эти выражения вошли в народный обиход, утратили имя автора.

Гоголь писал о Крылове: «...Его притчи достояние народное и составляют книгу мудрости самого народа». Эти слова вполне применимы к песням Батырая, ибо корни его творчества уходят в народную почву, истоки песен о любви, о герое — народные.

В каждой песне Батырая «словам тесно, а мыслям просторно».

Своими песнями Батырай обогатил поэтический язык даргинцев, этот «первоэлемент литературы», по выражению Горького. В песнях Батырая — все богатство даргинского народного языка, и вместе с тем расширена его лексика, так как им введены новые слова, порожденные новой жизнью.

Так им впервые в даргинской литературе для сопоставления усталости рабочего и беззаботности молодой девушки, используется слово «ялчи» (рабочий) в песне «Дила чархла бячундиш».

Внешность горянки поэт сравнивает с редкостным для тогдашних горцев предметами: «под бумажно-белым лбом...» (кагъалла андайлишир...). Об этом говорит также стихотворение «Телеграфный столб в пути» (Пуш гъуйширти тIул-лион).

Язык поэзии Батырая простой и живой, доступный широким народным массам. В его стихах нет витиеватых слов и арабизмов. Живой язык его любовных песен передает живые чувства. Они производят сильное эмоциональное впечатление и вселяют в душу народа уважение к горянке, ненависть против устоявшихся адатов, унижающих ее достоинство.

Простые выражения, ясные мысли, использование фольклорных образов — вот что характерно для художественного стиля Батырая, воспитанного на традиционной поэтике родного даргинского фольклора. Мастер художественного слова, он отобрал все красочное из устного народного творчества и использовал в своей поэзии. Безжалостны, правдивы и точны суровые слова поэта.

Будь неладен этот свет...
Что за подлая пора!

Соколдохнет на руке,
Мясо ж вороны едят.⁵⁸

Здесь каждое слово на своем месте. Оно не может быть заменено другим. Язык его песен живой, гибкий, сугубо индивидуальный. Поэтому поэзия Батырая способствует дальнейшему росту и развитию даргинского литературного языка.

Поэзия Батырая вызывает интерес не только среди даргинцев; он одинаково дорог и близок всем дагестанским народам.

В лакском фольклоре большой популярностью пользуется песня Батырая «Будь неладен этот свет»:

Да погибнет этот свет,
Что это за жестокий мир,
Который кормит сокола овсом,
А ворона — сахаром.⁵⁹

Лакцы эту песню воспринимают, как свою родную. Об этом говорят также переводы песен Батырая на другие языки Дагестана.

Поэзия Батырая оказала несомненное влияние на творчество советских дагестанских поэтов.

Известный лакский поэт Ю. Хаппалаев — переводчик Батырая на лакский язык — испытал благотворное воздействие поэзии Батырая.

Вот что пишет по этому поводу лакский поэт и литературовед А. Г. Гусейнаев в работе «Лакская советская литература 1941—1960 гг.»: «Равное количество строф и одинаковые сложноподчиненные предложения с условными придаточными и приемы сравнений через гиперболы — не оставляют сомнения в подражении Хаппалаева Батыраю».

Есть общее между песней Батырая и Хаппалаева:

Если б мной ты увлеклась,
Как тобой я увлечен, —
В самый знойный летний день
Льдом покрылась бы река.

58 Ва хIула вархIял вагIибш
Вайна дуне либкьалли,
Някълар къарчигъа гушли
Дугул хъулга къямба диъ.
Там же.

59 Ина оьттун лиевуй
Ва ци оь дунялли,
Къиргъулун хъа бивчуну,
ХъатIун качар бичайсса!

Если б полюбила ты,
Так, как я тебя люблю, —
В самый лютый зимний день
Лед покрылся бы травой.

Хаппалаев:

Я вздыхаю по тебе,
Если бы мой каждый вздох
Тучкой становился вдруг —
Дождик шел бы круглый год.

Ты смеешься надо мной,
Если бы солнечным лучом
Сделалась улыбка вдруг —
Зиму растопила б ты ⁶⁰.

Поэзия Батырая оказала определенное воздействие и на кумыкских поэтов.

Небезынтересно сравнить отдельные стихи батыраевского цикла «Песен о герое» со стихотворением «Красный партизан» кумыкского поэта Б. Астемирова.

У Астемирова мы читаем:

Кунацкой бурка у него была,
Подушку заменял он башлыком ⁶¹.

У Батырая:

Коль в пути застанет ночь —
Вся земля тебе постель,
Одеяло — небеса —
Серебром расшитый шелк.

Батыраевский герой-храбрец стал астемировским партизаном. Батырай пишет:

Время ль трудное придет,
Против ста — один пойдешь.
Взяв египетский клинок,
Заостренный, как алмаз.

Если встретится беда,
Вступишь с тысячами в спор,
Взяв кремневое ружье
Все в насечке золотой.

Не уступишь ты врагам,
Не наполнятся пока

⁶⁰ Ю. Хаппалаев. Лирика, изд. Советская Россия, 1959, стр. 45.

⁶¹ Б. Астемиров. Стихотворения и поэмы. Даггиз, Махачкала, 1961, стр. 33.

Темной кожи сапоги
Красной кровью через край ⁶².

И как бы вторит ему Астемиров:

Взметаёт искры конь из-под копыт,
Клинка сверкает выгнутая сталь,
И звон подков до облаков летит,
Будя Кавказ, несется с эхом вдаль.

Джигит не раз смотрел беде в лицо.
И в бой летел, со страхом не знаком.
Он вражеское крепкое кольцо
Вмиг разрывал стремительным клинком.

Так день за днем он грудью принимал
Дыханье боя, полное огня,
И из стремян он ног не вынимал —
По целым суткам не слезал с коня ⁶³.

Но если Батырай мечтал только о народном герое-освободителе, то новое время подсказывает нового героя-партизана. И поэтому к обобщенному образу народного певца, созданного Батыраем, проявил интерес Э. Капиев — переводчик его стихов. основатель лирической прозы в Дагестане.

Близки батыраевские образы лирического героя Р. Гамзатову — создателю чарующей лирики Дагестана. Особенно родственен ему прием Батырая — рассуждение вслух, разговор на людях.

Новый сборник стихов Р. Гамзатова⁶⁴, получивший в критике название «высоких звезд советской поэзии», как бы вбирает в себя все живительные соки поэзии Дагестана.

В философском осмыслении жизни, в кратком, поэтически насыщенном и лаконичном стихе большую помощь оказала Р. Гамзатову прежде всего реалистически конкретная, романтически возвышенная, философски глубокая и по-человечески лиричная поэзия Батырая.

Все это говорит о том, что дагестанские поэты творят, не замкнувшись в сугубо национальные рамки, не ограничиваясь традициями родной литературы. Поэтам одной народности всегда близки и созвучны лучшие произведения другой соседней народности.

Даргинская советская поэзия продолжает и развивает тра-

⁶² Батырай. Песни, Махачкала, 1958, стр. 31.

⁶³ Б. Астемиров. Стихотворения и поэмы. Махачкала, 1961, стр. 32, перевод Ф. Губер.

⁶⁴ Р. Гамзатов. Высокие звезды. Стихи и поэма, переводы Н. Гребнева и Я. Козловского. М., Советский писатель, 1962.

диции Батырая. Но советские поэты новаторски переосмысливают традицию, сохранив все ценное.

Перелистывая страницы лирики Р. Нурова, все больше и больше убеждаешься в силе воздействия Батырая. Нуров один из первых ввел в даргинскую советскую поэзию жанр элегии.

Элегия Нурова «Правда ли?» посвящена смерти возлюбленной. Здесь обращает на себя внимание образ лирического героя, созвучный батыраевскому. Как и батыраевский герой, он беспредельно искренен, смело смотрит в глаза большому горю, переносит все невзгоды оптимистически, философски смотрит на жизнь. Он понимает, что она сложна, что в ней идет извечная борьба, что тень и свет выступают в ней в своем единоборстве. Характерно отметить деталь, свидетельствующую о близости героев Нурова и Батырая. Как и лирический герой Батырая из цикла стихов «О жизни», герой Нурова стремится заглушить горе песней. Она ему попутчик всюду. С нею он не расстанется в мучительные дни глубоких раздумий о потерянном друге:

В темный день печали
Я пою опять.

Лирический герой Нурова — глубоко эмоциональная цельная натура. Он не знает сомнений, колебаний, верен своему чувству и долгу. Для передачи тончайших переживаний поэт прибегает к ряду образных сравнений: «вянет цветок», «холода стоят», «морозный день», «мрачный стал день», «ночь в горький час». У Батырая мы читаем: «В горах вянут цветы», «льют дожди — ложится снег», «но тяжелой будет ночь, ибо горем я полна» и другие. Для усиления эмоционального воздействия Нуров широко пользуется риторическими вопросами. Такой вопрос уже стоит в самом названии произведения «Правда ли?». Каждый стих заканчивается таким же вопросом. Он стоит после утвердительной формы глаголов и придает стиху как бы оттенок сомнения. Аналогична и форма стихов Батырая, в которой те же риторические вопросы и тот же оттенок сомнения:

Ты, не смевшая поднять
Даже краешек платка,
На кого, подняв глаза,
Смотришь ласково теперь?

Ты, робевшая надеть
Башмачки, что я купил,
В этих красных башмачках
С кем осмелилась уйти? ⁶⁵

⁶⁵ Б а т ы р а й. Песни, Махачкала, Даггиз, 1958, стр. 82.

Интерес представляет и диалог в стихотворении Нурова «Как нас может сжечь огонь, в котором не горят змеи», в котором поставлена выдвинутая Батыраем тема «отцов и детей».

Идеалом девушки становится человек, обладающий высокими чувствами гражданского долга. Ее избранник — борец за народное счастье.

В поэзии Батырая уже был намечен образ народного заступника, смелого, волевого, храброго горца, готового отдать свою жизнь ради народного дела. Но в его поэзии, особенно в стихах о любви, горянка еще не поднималась до сознания того, чтобы этот герой стал ее избранником. Она робко подчинялась своей судьбе, беспрекословно повиновалась воле родителей. Горянка Батырая — цельная, внутренне красивая, сильная, все еще оставалась слабой в решении своей судьбы. И это естественно. Она была дитя своего времени. Нуров жил в другое время, и образ его отражал веяния нового времени.

Следуя правде жизни, Нуров показывает, как его горянка отстаивает не только свое право на свободу чувств, но и стремится занять достойное место в обществе, рядом со своим избранником. Она хорошо разбирается в социальных вопросах времени, знает, кто истинный враг женского равноправия. В прошлом забитая, безграмотная, она знает цену науке и поэтому всем существом своим отстаивает просвещение. Она, больше чем кто-либо опутанная религиозным дурманом, становится ярким врагом религии.

Образ горянки Нурова во многом перекликается с образом, созданным Батыраем. У Батырая она «как в пятнадцать дней луна», как «предвестница зари». У Нурова — она в обличье звезды:

Если бы я, как звезда,
Светлой была и свободной,
Я бы для тебя навсегда
Стала звездой путеводной⁶⁶.

(Перевод А. Тарковского).

Но наибольшее родство мы видим в образах лирических героев обоих поэтов. Герой Нурова, как и герой Батырая, это борец за счастье и свободу своего народа, это такая же, как у Батырая, романтическая натура, глубоко осмысливающая жизнь. Но в отличии от батыраевского образа, в котором происходит разлад между мечтой и действительностью, в образе Нурова побеждает оптимизм, убежденность в силу человеческого разума. Он более настойчив в своих требованиях, более последователен в своих решениях. Создавая в своем во-

⁶⁶ Р. Нуров. Стихи, М., ГИХЛ, 1936.

ображении прекрасный, свободный мир, он полон веры в конечную победу света над тьмой.

Свободную горянку он представляет себе в виде звезды, а самого себя — в облиции светлого месяца, который должен стать ее спутником. Картина прекрасного завтра видется и слышится ему и в шелесте изумрудной травы, и в птичьих трелях, и в пурпурном маке, и в пути, который указывает орлица. Светлые, радостные краски озаряют день. Герой не видит зимы, льда, холода. В его представлении любовь уже не выступает «как вершины снежных гор» (Батырай). Перед ним встают раскрывающиеся алые маки. Такое видение мира предопределяет романтическую приподнятость, а образы — символы усиливают романтический колорит. Герой на необыкновенном подъеме, страсти и бури возвышают его и делают мятежником в борьбе за человеческое счастье:

Острым клянусь я кинжалом,
Быстрым клянусь я конем,
Горе любимой не тронет
Черным отравленным жалом,
Черным вороньим крылом...
Ветер коня не догонит,
Счастливы будем вдвоем...⁶⁷

(Перевод А. Тарковского).

Совершенно очевидно, что романтизм Нурова качественно новый по сравнению с романтизмом Батырая. В поэзии Нурова прием сна способствовал раскрытию романтического видения мира. Желаемое выдавалось за действительное, мечта за реальность. Это была революционная романтика, в которой заложена была вера в прекрасное завтра. Она была проникнута жизнеутверждающим пафосом.

В таком же плане было написано и стихотворение Нурова «Не видели ли вы во сне?».

В этом произведении даны образы-символы зажженного светильника, освещающего аул в темную ночь, и солнца, которое закрыло черную тучу. Нетрудно догадаться, что под олицетворенными образами подразумеваются идеи свободы, света и разума, которые озарили всю жизнь страны гор. Здесь появляется образ светлого цветка — символ возрождения весны человечества, который не может угаснуть, дан образ родника — символ вечно живой неугасающей жизни. Эти и другие образы-символы создают романтический колорит. Они усиливают философское осмысление жизни, придают произведению атмосферу жизнеутверждающего оптимизма, веры в прекрасное завтра.

⁶⁷ Там же.

Немалую роль здесь играют и световые эффекты. В борьбе света и тени, жизни и смерти побеждают первые (темную ночь осветил светильник, черную тучу закрыло солнце).

Романтический стиль произведения откладывает свой отпечаток и на характер лирического героя. Это такая же как у Батырая, влюбленная, страстная, волевая натура. Но в отличие от батыраевского, у этого героя нет места безысходной тоске. Он ясно видит грядущее будущее в восходе солнца, в обновленной жизни, в радости бытия. Все его радует: и то, что к грустным пришла радость, что у замерзших появилось тепло, что на разноцветной лужайке появилась трава, что не высыхает в горах родник. Дыхание жизни, бег времени, быстротекущество явлений он воспринимает со всей полнотой чувств и готов стать частицей прекрасной новизны мира. Итак, взяв все лучшее в поэзии Батырая, советский поэт Нуров пошел своим путем, создал образ, в котором отразились лучшие черты положительного героя его времени, времени развернутого строительства социализма.

Большое влияние оказала поэзия Батырая и на творчество даргинского писателя С. Абдуллаева.

Обратимся к лирической поэме С. Абдуллаева «Рассказ старика». Произведение еще не представляет собою в полном смысле слова поэму. Но весь характер повествования в нем и наличие пяти глав, скрепленных образом лирического героя, позволяют ставить вопрос возникновения лирической поэмы в даргинской поэзии.

При создании «Рассказа старика» Абдуллаев опирался на традиции Батырая и тогда, когда рисовал картины жизни народа, путешествуя из аула в аул, и когда создавал контрастные картины жизни верхов и низов, и когда прибегал к углубленному психологизму в передаче человеческих чувств и даже тогда, когда в горестные минуты обращался к песне — извечному спутнику народа.

Тема поэмы — настоящее и прошлое народа. Пафос ее — в утверждении несметной силы народа, сумевшего отстоять свою независимость в борьбе с врагами. Лирический герой здесь выступает порой очевидцем, а порой и участником всех событий. Явления действительности даются и в плане его воспоминаний о прошлом, и в плане ассоциаций, и в виде прямых высказываний о жизни.

Герой поэмы — представитель старшего поколения, умудренный житейским опытом человек, прошедший через годы борьбы за свободу и впервые осознавший себя хозяином жизни. Лирический герой Абдуллаева — это натура тонкая, поэтическая, склонная к философскому осмыслению жизни. Он умеет увидеть красоту во всех ее проявлениях. Он тонко воспринимает явления природы. Она возвышает его, помогает глубже проникнуть в тайники человеческого сердца, рож-

дает бодрость духа. Природа сопутствует герою всегда и всюду: и тогда, когда он полон воспоминаниями о прошлом, и когда видит расцвет нового. Горы вечные спутники героя, то молчаливые свидетели народного горя, то участники грозных битв, то помощники народа-строителя. На его глазах произошли колоссальные изменения: бывшие угнетенные народы обрели счастье жить в свободной стране, сам переживший трудные годы гражданской войны, он умеет ценить настоящее, в котором созданы все условия для процветания личности.

Лирический герой Абдуллаева, как и герой Батырая, страстный защитник человеческих прав. У него большое сердце, которое он всецело отдает народу. Только в общении с народом он находит радость и счастье. Но в отличие от героя Батырая, в нем исчезают автобиографические черты.

Много общего между поэзией Батырая и Абдуллаева и в обрисовке картин жизни народа. Перед читателями Батырая предстают и запустелые поля у подножья горы, где одиноко трудится крестьянин в рваных чарыках, и поля, где и «зерно не прорастет».

Все повествование — рассказ старика. Замедленный темп рассказа дает возможности вводить детальную обрисовку эпизодов, делать паузы и логические ударения на самом главном. Речь старика течет плавно, спокойно, ровно. В ней нет того страстного, негодующего тона, какой мы встречаем в повествовании Батырая. И это естественно. Все тяжелое кануло в прошлое. Оно только в воспоминаниях. И вместе с тем из рассказа старика зримо проступает волнующая картина новой жизни. Поэма заканчивается описанием строительства электростанции. В некогда заброшенном ауле засверкали огни. Они символизируют победу нового.

В данном отношении мы можем сказать, что традиции связаны с новыми поисками. Преемственность не только не помешала поэту отразить существенно-важные вопросы времени, но и углубила его реализм. Раскрытие явлений действительности, показ жизни в ее революционном развитии, в сочетании с глубоким психологизмом и лиризмом, шедшим от Батырая, позволили советскому поэту подняться на более высокую ступень реалистического искусства даргинцев.

Абдуллаев «не забывал» о Батырае и в суровые годы Великой Отечественной войны, когда он создавал свою патристическую лирику. В ней батыраевская любовь к храбrecу, батыраевская ненависть к врагам народа. Формы использования Абдуллаевым поэзии Батырая самые разнообразные.

Традиции героических песен Батырая особенно заметны в стихотворении Абдуллаева «Думы матери», воспроизводящем тяжелые годы гражданской войны. Об этом говорят хотя бы такие простые сопоставления:

Батырай:

Коротка героя жизнь —
Лет примерно двадцать пять ⁶⁸.

С. Абдуллаев:

Герой живет только
Двадцать пять лет ⁶⁹.

Батырай:

Нет, прославленный герой
На кладбище не лежит ⁷⁰.

С. Абдуллаев:

У героя на кладбище
Могила не бывает ⁷¹.

Но в отличие от батыраевского храбреца, герой С. Абдуллаева наделен более реальными чертами и действует в реальной обстановке гражданской войны.

О близости С. Абдуллаеву традиции Батырая говорят также сопоставление любовных песен, особенно в обрисовке внешности горянки:

Батырай:

Брови я твои люблю,
Словно надпись на клинке
Подо лбом они идут ⁷².

С. Абдуллаев:

На высоком лбу
Красиво нарисованные брови ⁷³.

68

АхІна гъабзала гІямру
Дирар гъанушара дус.

Б а т и р а й. Далуйти, дагъгиз, МахІячкъала, стр. 4.

69

АхІна гъабзала гІямру
Гъану шура дус дирар.

С. А б д у л л а е в. ЧердикІибти, Дагъгиз, МахІячкъала, стр. 28.

70

ХІакъли ахІна гъабзала
АхІдирар хІвябразир хІвяб.

Б а т и р а й..., стр. 5.

71

Хуху, ахІна гъабзала
ХІябразир хІяб хІедирар.

А б д у л л а е в. Там же.

72

ГІурра карціи духъунил
Мисри тулла гавгъаръон
ГъварцІли дилсун нудбаши.
Б а т и р а й, стр. 47.

73

Ахъ хІурхъла андайлиур
Лусули делсун нудбар.
С. А б д у л л а е в, стр. 30.

Или же Батырай:

Под бумажно белым лбом
Брови темны, как агат,
И под тенью от бровей,
Точно яхонты, глаза ⁷⁴.

С. Абдуллаев:

Под белым лбом
Красивые брови,
Под бровями
Черные глаза ⁷⁵.

С. Абдуллаев у Батырая заимствует его распространенный прием: использование условной формы глагола. Это создает возможность для создания отрицательных параллелизмов.

Если бы моя страсть
Была к корану, а не к тебе,
Коран, состоящий из 30-ти книг,
Я бы выучил наизусть ⁷⁶.

(Подстрочный перевод).

С. Абдуллаев:

Если бы моя страсть
Была не к тебе, а к сахару,
Я бы сахар отдал бы девушкам ⁷⁷.

(Подстрочный перевод).

Но в обрисовке горянки С. Абдуллаев пошел дальше Батырая. Образ горянки Батырая носит отвлеченный характер, у С. Абдуллаева горянка Марьям из стихотворения

⁷⁴ Кагъалла андайлишир
Цудара къашла нудбар,
Нудбела дахІяраур
ЛягІлу-якъутла хІулбар.

Б а т и р а й, стр. 21.

⁷⁵ Нудбала дахІяраур
ЛукІули делкІун хІулбар
С. А б д у л л а е в, стр.

⁷⁶ ХІуши духъунти карци
Вай, дила духъалири
Къуръанна табталлиши,
ХІябцІали жузла къуръан
УркІилишир дучІира.

Б а т и р а й, стр. 37.

⁷⁷ Вай дила анцІдукъала
Диалри муръул чакар,
Дила зилан рурсбази
Дукалра дукахъира.

«Песня фронтовика».— это реальный, конкретный образ, действующий в реальных условиях.

Как и Батырай, С. Абдуллаев обращается к силам природы:

Батырай:

Птицы с дальних берегов
Все твердят мне о беде ⁷⁸.

С. Абдуллаев:

...И черный коршун со скалы
Мне горе объяснил... ⁷⁹.

Но в отличие от Батырая, у которого природа всегда является вестником горя, у Абдуллаева она дается в пессимистических тонах только в том случае, когда мысль автора обращается к прошлому.

С. Абдуллаев считал Батырая своим первым учителем. Зная его помнят, как он при первом же удобном случае декламировал стихи Батырая. И неудивительно, что лирический герой С. Абдуллаева также часто прибегает к стихам Батырая:

Тут призадумавшись
Сильно затосковал,
Омара Батырая
Песню я спевал:
«Да померкнет этот свет,
Что за подлая пора...» ⁸⁰

Конечно, воздействие Батырая на С. Абдуллаева не исчерпывается этими сопоставлениями. Влияние Батырая обнаруживается в главном — в способах отражения действительности, в создании характеров.

Оно заметно и в прозе С. Абдуллаева: образ бедняка Запира из рассказа «Жизнь семьи Запира» навеян циклом песен «О жизни» Батырая. Также, как в судьбах героев Баты-

⁷⁸ Арсуллирквял гьунуцли
Дуриб дизи ца хабар...

Б а т ы р а й, стр. 30.

⁷⁹ Шулла цудар хьирхъара.
Набчил децлана биркы...

С. А б д у л л а е в, стр. 8.

⁸⁰ Илав пикриикIули
ХIекъли къакъаулхъаси,
ГIямалла Батирайла
Далай нуни бучIаси:
«Ва хIула вайли вагIибш
Вайна дуне либкъалли...»

С. А б д у л л а е в, стр. 8.

рая, в судьбе Запира отразилась жизнь тружеников деревни, задавленных эксплуататорами, всю жизнь работающих на богачей.

Здесь оба поэта рисуют дореволюционную жизнь даргинского аула и ясно, что здесь больше общности, чем отличия.

Влияние батыраевских традиций на прозу проявляется особенно ясно, когда С. Абдуллаев обращается к страницам прошлого.

В рассказе «Ая-Кака» С. Абдуллаев изображает героическую борьбу красных партизан против деникинцев. Рассказ в целом навеян циклом песен «О герое» Батырая. Главный герой рассказа — народ. Он встал в защиту родины, трудно сломить его веру в победу даже тогда, когда текут реки крови. Народ напоминает батыраевского храбреца, который борется против врага:

«Не наполнится пока
Темной кожи сапоги
Красной кровью через край».

До сих пор шла речь о влиянии творчества Батырая на лирическую поэзию и прозу. Свое воздействие оно оказало и на сатирическую поэзию даргинских советских писателей. Их острое слово направлено против невежественных служителей мечети, против всякой косности и безнравственности.

В стихотворении А. Иминагаева «Труд муллы» высмеяны жадность, скопидомство, страсть к наживе.

Мулла за плату моет покойника,
Приготавливает и заворачивает в саван,
За малый труд присваивает большое добро,
«Какое мне дело до сирот» — говоря⁸¹.

(Подстрочный перевод).

Но это уже не прежний батыраевский богач, уверенно шагающий по земле, уверенный в незыблемости существующего строя и копящий деньги, чтобы умножить свое богатство. Герой Иминагаева — это жалкий представитель уходящего мира. К прошлому нет возврата. Тоска, боль, грусть, желание вернуть утерянное — все это перемешалось в сознании муллы и рождало тревогу. Он мечется, не знает, что ему делать. Вспоминая праздник рамазан, который приносил ему большие доходы, он с ужасом думает о том, что народ отвернулся от него, он чувствует свое бессилие.

81 Маллаани ужралис бибкIа ицу,
ХIядурикьу, кIвиънейс капайзи урцу
Камил кыйиис хволал мас шупгIа бурцу
«Ятимтела нам си хIяжата» или.

А. Иминагаев. Дагъгиз, МахIячкъала, 1959, стр. 67

Здесь мы встречаемся с приемом Батырая — рассуждения вслух, разговором на людях. Иминагаев новаторски использовал этот прием. Это позволило сатирику раскрыть поднятую Батыраем тему разлада между мечтой и действительностью в сатирическом плане. Этот прием создает условия для иронии. Мулла иронизирует над самим собою. Для того, чтобы подчеркнуть эту иронию, поэт вводит в каждый стих рефрен: «Теперь я тоже отрекусь от тебя, рамазан». В серьезной завязке и смешной развязке заложен комизм данного произведения.

Можно было бы продолжить разговор о влиянии Батырая на даргинскую лирическую и сатирическую поэзию. Но достаточно и приведенных примеров, чтобы представить силу поэзии народного поэта, продолжающую жить в творчестве последующего поколения художников слова.

Переводчики Батырая на русский язык — Эффенди и Наталья Капиевы ввели поэта в большой мир и раскрыли его поэзию для широкого читателя. Переводы их сделаны на высоком художественном уровне. Они точно передают сущность оригинала, сохраняя национальный колорит песен.

Адекватность капиевских переводов с оригиналом достигается правильным подходом к этой проблеме — сохранением национального колорита. Переводчикам удалось сохранить традиции горского фольклора, которыми так богата поэзия Батырая и даже стихотворный строй даргинского стиха.

Доказательством сказанного является пример:

Ял дуцили аждагъа
Яйдахъли чабхъундикъул,
БикІдуцили чІичІала
ГІварчимаглис гъакІдикъул.

Гриву чудища схватив,
Без седла летишь в набег,
Вместо плети, сгоряча,
Взяв за голову змею.

Переводчики постарались сохранить по возможности даже количество слогов.

Такие прелестные картины природы, данные Батыраем, как:

...ГъекІди ахъ зубраширхъад
Дикъу мургъила марка,
Гъишди гІвахъти муснаши
Гонза рахІматли булкъан,
Ихъу кІийлалла дига.

в русском переводе соответствуют подлиннику:

С высоты небесной той
Дождь струится золотой,
В лоно впитанный землей,
Насыщает он любовь,
Так любить им суждено.

Отточенные будто ювелиром, любовные песни Батырая также прекрасно и естественно звучат и на русском языке:

Шишимайзи ихьйиби
Ши балтани белири,
УрхІли ши батараши
Балтира шалал дуне.

АнцІукъайзи ихьйиби
БикІ дулъул баласлири,
Дуараши урхІли бикІ
Хъархира цІябил хІвары.

Если б люди от тоски
Покидали свой аул,
Раньше, чем они свой дом,
Я б покинул белый свет.

Если б от любовных дум
Пропадала голова,
Я б, наверное, давно
В землю черную сошел.

В переводах сохранен свободолюбивый, героический дух, присущий батыраевскому герою-храбрецу:

АхІна гъвабзала гІвямру
Дирар гъанушура дус.
Я урхІлиини хъаршу,
Я Сибиллизи архъу.

Коротка героя жизнь —
Лет примерно двадцать пять:
Коль не сгубят чужаки —
Царь на каторгу сошлет.

Безусловно, эти переводы являются плодами большой работы талантливых переводчиков.

Нельзя, однако, утверждать, что переводы полностью соответствуют оригиналу. Как правильно считают многие переводчики, невозможно полное совпадение перевода с оригиналом. В данном случае с уверенностью можно сказать, что Н. и Э. Капиевы сделали все возможное для максимального приближения перевода к оригиналу.

Они обеспечили песням Батырая второе рождение, внесли этими переводами нечто новое, свое в русскую поэзию⁸².

И все же стихи Батырая в переводах теряют многие свои достоинства. Близкие к оригиналу, они вместе с тем, зачастую недостаточно передают музыку, яркость красок стиха, которые так характерны для поэзии Батырая.

Имя Батырая среди даргинцев произносится с особым уважением и благоговением.

В даргинском фольклоре немало сложено песен, свидетельствующих о признании народом своего поэта:

В песне своей Батырай
Славит сильную любовь,
Почему в нашей любви
Нет этой силы? ⁸³.

(Подстрочный перевод).

Или же:

За песню одну
У Батырая резали быка,
Я бы отдал три быка,
Если бы нашелся поэт,
Который мог воспеть нашу любовь ⁸⁴.

(Подстрочный перевод).

Бессмертен Батырай, как и все поэты, кто служит народу!

⁸² А. Тарасенко. Творческие переводы. «Новый мир», 1940, № 10, стр. 247.

⁸³

Батирайла далайли
Дигай чIумали дуру,
ХIулла дилла дигайла
Агу кьадин чIумадеш.

⁸⁴

Унцлизи булхъусири
Батирайла ца далай,
ХIябал унц лугъахъира,
ХIулла дилла дигайла,
ЦIакъдеш дурес виэси
ВакIалри ца далайчи.

СУКУР КУРБАН

(1878—1922)

«Лучше быть слепым на глаза, чем иметь слепое сердце» — эти слова слепого певца Сукур Курбана можно поставить эпиграфом ко всему творчеству высоко почитаемого даргинским народом поэта, творившего во второй половине XIX — начале XX веков.

Знание Сукур Курбаном аварского, лакского и кумыкского языков способствовало его общению с соседними народами и знакомству с их эпическими произведениями. Свои знания Сукур Курбан отдавал народу. Он с большим вниманием слушал народные песни соседей, переводил их на родной язык и пел даргинцам. Благодаря его переводу известный эпико-лирический памятник аварского народа «Хочбар» воспринимается даргинцами как оригинальное свое произведение. Им переведены лакская песня «Мукмухамед Казикумухский», где описаны исторические события времен Шамиля, имевшие место в Кайтаге, аварские исторические песни «Убиение Гамзата», «Смерть хунзахских ханов», дагестанская лирическая песня «Девушка из Азайни и парень из Кумуха» и другие памятники дагестанского народа.

Его переводы сыграли большую роль в развитии духовной культуры даргинцев.

Сукур Курбан знал не только эпические сказания народов Дагестана и пересказывал их даргинцам, он выступал и с собственными песнями на различных праздниках и состязаниях.

Всю свою жизнь Сукур Курбан провел в скитаниях. Песни его — лирическая повесть о жизни и судьбе даргинского народа.

В отличие от других представителей даргинской дореволюционной литературы, ему посчастливилось дожить до той поры, когда горцы освободились от вековой нищеты и бесправья, когда в горах взошла заря новой жизни.

Сукур Курбан¹ родился в 1848 году в семье наемного рабочего. Тяжелые бытовые условия порождали болезни, горе. Несчастье постигло и семью порца Исы из аула Кашаги — отца певца: родился слепой сын, которого называли Курбаном.

В первые же дни весны отец Курбана спускался с гор на равнину в Кизляр или в рыбацьи поселки на берегу Каспия на заработки. А зимой, измученный тяжелым трудом, больной и исхудалый, но довольный тем, что сумел накопить средства на несколько месяцев, возвращался домой.

От Кашаги ныне остались лишь развалины. Но старожилы помнят еще ветхие каменные сакли с плоскими крышами, закопченные кизячным дымом, и одежду живущих на хуторе горцев, сотканную из грубого кишинского сукна или ситца.

Цудахарский участок, куда входил Кашаги, был садоводческим. Часто горцы обменивали курагу и яблоки на хлеб. Так поступал и отец певца. Разъезжая по аулам, он брал слепого мальчика с собой, рассказывая ему об окружающей их природе, о судьбах людей. В зимние ночи отец брал его в соседний аул Тебек-Махи, где в гумахи собирались на досуге почтенные люди обменяться новостями, послушать рассказы, песни. Когда мальчик возвращался домой, он брал в руки палку и, воображая, что это чунгур, водил пальцами по несуществующим струнам и пересказывал услышанное им в песнях. Так начали складываться песни. Однажды, послушав, как поет мальчик, отец повел его к нищим. Но увидев его в толпе обездоленных, он приказал ему больше не петь и не складывать песни. Не хотелось отцу видеть сына скитальцем-певцом, которому может быть суждено умереть на дороге. Но мальчик уже не мог не петь.

В горах вспыхнула холера и унесла много жизней, в том числе и родителей будущего певца. С одиннадцати лет Курбан остался сиротой. Но маленький певец не был брошен на произвол судьбы. Общая беда сплачивала людей. Родные и соседи окружили мальчика заботой. С большим сочувствием отнесся к нему двоюродный брат Эрка-Магомед. Он увез его к себе, в аварский аул Хабши, где будущий певец изучил язык и эпические сказания аварского народа.

Юношей певец вернулся в Тебек-махи, к родным. К этому времени Сукур Курбан стал уже известен, как одаренный певец. Его стали приглашать на празднества не только в своем, но и в другие аулы. Тогда он в основном пел народные песни. Никогда он не разлучался с чунгуром и палкой, которая служила ему проводником. В путешествиях Сукур Курбан не был одиноким: его спутником стала песня. Свободная, при-

¹ Многие биографические факты записаны со слов даргинского поэта Курбана Магомедова, лично знавшего Сукур Курбана.

вольная, она облегчала тяжелую жизнь бедняков. Односельчане брали певца с собой на заработок в Кизляр.

Сукур Курбан был впечатлительным, одаренным поэтическим воображением, общительным. Он не только пел, но и беседовал с людьми, интересовался их жизнью. Поэт не видел лица людей, но ему были слышны стоны рабочих, рыбаков. Односельчане знали, что слепой певец не может работать наравне с ними, поэтому они брали на себя и его работу, лишь бы поэт был с ними. Лишь бы после трудового рабочего дня, они имели возможность услышать голос любимого певца.

Часто бывал певец в Грозном. И всюду он был свидетелем бесчеловечной эксплуатации трудового народа. Свои мысли он выражал в надрывающей душу песне:

Надгробья мне не тешите,
Не правьте надгробный пир!
В могилу меня не кладите —
Могилою стал мне мир.²

(Перевод В. Державина).

Уже в этой песне слышен голос человека, неудовлетворенного существующей действительностью. Здесь еще нет развернутой мысли героя. Но одно ясно: в нем зреет разлад с окружающей средой.

В 1919 году, будучи в Левашах, он узнал, что один из партизанских отрядов, преграждавший путь белогвардейцам в ущелье Ая-Кака, отступает. И тогда он, как боевое оружие, схватил свой чунгур и спел:

Честное дело —
Петь песню славы храбрецу,
Тому, кто не поколебнется
Отдать жизнь за свободу.
У кого львиное сердце
И взор как орла,
О тебе сегодня идет
Молва народная.
Позор трусу,
Кто спину покажет врагу.

² Здесь и дальше цитируются стихи из сборника «Даргала назмурта-ла жуз» (Сборник даргинских стихов), Дагъгиз, 1934, стр. 43.

Мабирхидая гъангус —
Камархъабая хIябла —
Гъангус саби наб хъали,
ХIяб саби наб иш дунъя.

Если и погибнет трус,
Погибнет бесславной смертью.³

(Подстрочный перевод).

Песня вернула отступающих в строй и вдохновила их на подвиг.

Эта небольшая по объему песня вызывает интерес не только своей идейной направленностью, но и близостью с поэзией Батырая. Слова Сукур Курбана «Пусть не родится мужчина, если ему суждено быть трусом» перекликаются со словами Батырая:

Пусть у храброго отца
Не родится робкий сын.

Героем песни выступает свободолюбивая личность, отстаивающая интересы народа, тех «мужественных и стойких», которые никогда не показывали спину врагу. В ней воскрешаются героические традиции горцев. Носителем их становится передовой человек времени, закаленный в борьбе за правое дело. Взятые певцом из фольклора образы «львиное сердце», «взор как у орла» способствуют более глубокому раскрытию образа.

Так уже в ранних песнях Сукур Курбан поднимал социально-значимые вопросы времени.

После Ая-Какинского сражения о Сукур Курбане узнали не только в горах, но и на равнине. В своих песнях он клеймил позором эксплуататоров, изменников, которые продавали интересы народа. Врагов у народного певца становилось все больше. На одной свадьбе врагам удалось отравить певца.

Где могила Сукур-Курбана неизвестно. Одни считают, что он похоронен в своем ауле, другие, что его похоронили у дороги, как он завещал.

* * *

Песни Сукур Курбана не были изданы при жизни поэта. В 1934 году впервые в сборнике «Песни даргинского народа»⁴

3

ХІялал саби ахІгъабзас
Дезала далай белчіни,
Азадешлис жан дедес
Сай гІелумхІелзусилис.
Арсланна уркіла веґІ,
ЧІакала сакъти хІулбар,
ХІечила саби бурул
ИшбархІи халкъла хабар.
НагІна диаб вайгъабзас
Душмайс къакъ чебиахъул,
ВебкІаллира вайгъабза
ХІярам бибкІали убкІар.

Стихотворение записано даргинским поэтом Магомедом Мусаевым.

⁴ Даргала назмуртала жуз, Дагъгиз, 1934, стр. 19—44.

были опубликованы некоторые его стихи. Стихи Сукур Курбана вошли в даргинскую антологию⁵. Впервые его стихотворение «Проданная Меседу» на русском языке в удачном переводе М. Грунина было опубликовано в 1960 году⁶. Это произведение вошло и в сборник «Поэзия народов Дагестана»⁷. В журнале «Дружба» была напечатана небольшая статья⁸ о жизни и творчестве Сукур Курбана. В сборнике «Дагестанские лирики» мы находим несколько стихотворений на русском языке в переводах В. Державина и Б. Иринина⁹.

Сукур Курбан — поэт-лирик. Тематика его стихов мало чем отличается от произведений лакских, кумыкских, аварских дореволюционных поэтов на тему любви. Он в своих произведениях поднимает проблему социального неравенства и свободы чувств.

Песни Сукур Курбана, как и Батырая, тесно связаны с устным народным творчеством. С фольклором его лирику роднят образы, народная символика, композиционные элементы, изобразительно-выразительные средства языка. Как и в фольклоре, в его произведениях можно отметить частое обращение к олицетворенным образам. В них те же зачины и концовки, что и в народных песнях. В них часто появляются символические образы «золотой куропатки» (мургъела къахъба), «коня с золотыми подковами» (къушме мургъела тази), «рыб с жемчужными глазами» (хІулбе лагІлулла бялихъ), «горных джейранов» (ккули чергес мукъара) и т. д.

В своей поэзии он широко пользуется пословицами даргинского народа. Так, например, на основе пословицы «Чтобы торговля состоялась, нужен посредник» («Мас бицес маслигІятчи агІнили сай») создана песня:

Не состоится торговля на рынке,
Если нет между торговцами посредника,
Так давай мы с тобой тоже договоримся
И найдем посредника.¹⁰

(Подстрочный перевод).

⁵ Даргала поэзияла антология, МахІячкъала, Дагъгиз, 1958, стр. 61—69.

⁶ Сукур Курбан. Проданная Меседу, «Дагестан», Махачкала, 1960, стр. 144—148.

⁷ Поэзия народов Дагестана. Антология. М., 1960, стр. 306—312.

⁸ А. Алиев. Сукъур Къурбан, «Гьалмагъдеш», 1959, № 1, стр. 87.

⁹ Дагестанские лирики. Л., 1961, стр. 188—210.

¹⁰ Базарледил вачар
Сади дитгІаргар
МаслихІат баркъише
Гьирав гІайханне,
Раши рурси иргъид
Урккав вашисе.

Даргала назмуртала жуз. стр. 41.

В свои песни Сукур Курбан вводит не только отдельные фольклорные элементы, но и целые произведения. Вот одно из них:

Любовь моя с тобой,
Как град и поле зреющее,
А страсть обоих,
Что ветер и дождь,
На этом белом свете
Подойдем ли мы
друг для друга?¹¹

(Подстрочный перевод).

Не случайно эту широко распространенную в даргинском фольклоре песню часто приписывают Сукур Курбану.

Интересно отметить, что уже в ранних песнях поэта появляются некоторые контуры образа горянки. Портрет ее содержит в себе черты, свойственные фольклорному образу. Она выступает то «золотым амулетом», написанным в Иерусалиме, («ХІяжла хъулид делкІунсе дила мургыла гъайкар»), то «красивым орнаментом на страницах корана» («Шагърустан кагъарлед мар цІуттар накыш»), то «московской водкой на столе султана» («Хункарла устуллед Маскав гІяракы»). Вместе с тем этот образ обогащается и новыми красками. Если в фольклоре горянка сравнивается со «светильником, созданным для освещения рая» («Алжан шала даркыс далкунил чирагъ»), то у Сукур Курбана она несет свет в реальный мир («Дуне шала даркыс далкунил чирагъ»). В фольклорных песнях у горянки «ястребиные глаза» («лачинна хІулбар»), в песнях Сукур Курбана у нее либо просто подходящие к лицу глаза («анталид далгун хІулбар»), либо как виноград («хІулбера тІутІиван»), вместо традиционных глаз из драгоценных камней («лайлу якьутла хІулбар»). И одежда у нее самая обыкновенная, но она очень к лицу ей, украшает ее, как «листья дерева» («чІяхІаядил кІапреван хамххалед далгун палтар»). Иногда белую грудь женщины поэт сравнивает с сыром («михъири нуссиван») вместо традиционного сравнения с серебром («арцла михъири»). Эти сравнения в стихах Сукур Курбана придают произведению реалистическую окрашенность. Обыкновенны также косы, шелковые («чурме чиллала»).

¹¹

Гала дила диккайра,
Дерхъиб хъура хъябхъяра,
Агъ чІелланра карцІайра
ЦІуэрира маркара
Улкас далдичис вара
Айс шаласе дунеллед.

Там же, стр. 43.

Вот как обращается поэт к горянке:

На стройном теле
Новое зеленое платье,
Носи на здоровье,
Моя желанная.¹²

(Подстрочный перевод).

Все эти детали способствуют появлению более зримого конкретного образа.

Образ горянки в песнях Сукур Курбана — не самостоятельный. Он скорее проступает через образ лирического героя. Детально рассказывая о внешней и внутренней красоте горянки, певец создает в нашем воображении целостный характер человека, жаждущего свободы чувств. А зримые, реальные черты, так умело подобранные певцом, делают образ конкретным и близким народу.

Всей своей идейной направленностью и системой образов любовные песни Сукур Курбана вступали в спор с религиозной литературой, унижающей достоинство женщины-горянки. И в этом отношении Сукур Курбан очень близок аварскому поэту Махмуду. Оба они подняли вопрос о раскрепощении горянки и в их произведениях он зазвучал как социальный вопрос.

В портретах горянок, нарисованных обоими поэтами, много общего. И Махмуд и Сукур Курбан показали женщину, которая уже не хочет мириться с устаревшими адатами, борется за свободу чувств. Но в отличие от махмудовского, несколько романтически приподнятого образа, у Сукур Курбана горянка наделена более реалистическими чертами.

Необходимо, однако, отметить, что в самой постановке проблемы раскрепощения женщины Сукур Курбан не смог подняться до уровня Батырая. В его песнях любовная тема подчас замыкается более узкими рамками.

Несомненный интерес представляет лирический герой песен Сукур Курбана. Он выражает мысли и чувства передового горца, высоко развито у него чувство гуманного отношения к человеку. Вот как умеет слепой певец видеть красоту в ее реальном, земном преломлении:

Как горная лань, по дороге
Идешь ты. Тонок твой стан.
И вдруг посмотришь внезапно,
Посмотришь, как джейран.

12

Уздансе чархлиад
Шиниша х'ява,
Чарх арале дуртаб
Дила шалайла.

Там же, стр. 40.

Я золотом покрою
Тропу, где ты пробежишь,
Если моей ты станешь,
Улыбкой меня одаришь.¹³

(Перевод В. Державина).

В песне переданы и чувство любви, вызывающее необыкновенный подъем, и радость земного счастья, и преклонение перед красотой. Вместе с тем его герой подчас окрашен пессимистическими тонами. Он не всегда верит в возможность соединения любящих сердец, и тогда его голос становится грустным. «Неужели нам не придется соединиться на этой земле?» («Айс дунеллед насиб дирхуле кьарде») часто спрашивает поэт. Порой эта грусть переходит в безнадежную тоску, а тоска вызывает раздумья о судьбе родного народа.

В стихах Сукур Курбана, как и в поэзии Батырая, спутником сильной и чистой любви подчас является природа. Перед читателем предстает синее море (хьанцIа урхьу), высокие горы (ахь дубурти), цветы, растущие на торах (дубурла вавне), урожайное поле (дирхьиб хьу), дождь и ветер (цIуэ-рира маркара).

Одним из источников поэзии Сукур Курбана несомненно является творчество Батырая. И это естественно. Сукур Курбан начал петь свои песни, когда в даргинских аулах властно звучал голос Батырая. Время выдвинуло перед певцами одни и те же подсказанные самой жизнью вопросы. Борьба за свободу чувств, скованных вековыми узами социального неравенства, объединила голоса обоих поэтов.

Много общего у Сукур Курбана с Батыраем и в обрисовке отрицательных образов: богачей, невежественных мулл.

У Сукур Курбана мы читаем:

Хитрого человека, подобного черту,
Пусть проглатывает синее море,
А богатого человека
Пусть сжигает красный огонь.¹⁴

(Подстрочный перевод).

13

Рахьаннира хьуннила
Рахьура тья урчиван,
ХIулбе хIардиркьаннера
ХIардиркьу тарланневан.
Тарлан дахьулла хьунбе
Кадурцид цIубил арцеле

Леттиханне дам кьадар
Кьабулле сад гьар гIямал.

Там же, стр. 45.

14

Макру дахьил илбисра
ДиргIаб хьанцIил урхьнале,
Мас хулаал давлачевра
Иккаб хIинтIина цIале.

Там же, стр. 44.

У Батырая:

В поясницу бы тебе,
Сирагинский старшина,
По кривую рукоять
Аль-Асхаба Зулпухар!¹⁵

Схожи у обоих поэтов образные характеристики. Непосредственная подруга у них краснобедрая лиса (Савру хинтлина гурда).

У Батырая:

Знал я, что была ты там,
Знал, что шла ты по жнивью,
Краснобедрая лиса.
Но не знал я, что легко
Может всяк тебя загнать,
Кто охотником слывет.¹⁶

(Перевод Э. Капиева).

У Сукур Курбана:

Глубокие дали исходившая
Краснобедрая лиса,
Высказав тысячу хитростей,
Сумела обмануть и оставить меня.¹⁷

(Подстрочный перевод).

Сукур Курбан пишет:

Чтоб о венчании нашем
Сделать запись,
Неужели у нашего Ханди Мусы¹⁸
Не оказалось куска бумаги.¹⁹

15

ГялесхІябла Зулпукъар
Вайълизегаб хІулану
Сирагъантла юзбаши.

Б а т и р а й.

Далуйти, МахІячкъала, 1954, стр. 80.

16

Арши диршиб сумрашир
Савру хІинтІина гурда,
ХІу лирилкІун балира,
Кони хъунцІбар тулайли
Дурцул балахІбалира.

Там же, стр. 27.

17

Мургъ къаттурбе умцІурсе
Ккули хІинтІина ккуртта,
Даркъибле азир макру.
Вай гъассибле гъавале
Марле вархъатурдану.

Даргала назмуртала жуз, стр. 44.

18

Ханди Муса — реальное лицо, мулла в Цудахарском

районе.

19

ГІалара дилара
Магъар кадалчІис
Кагъар дагІаккуй
ГІанди Мусала.

Там же, стр. 42.

Батырай также упоминает живых людей:

— Ассаламун-алейкум,
Друг мой Минатла-Баганд.²⁰

В обрисовке конкретных образов в песнях Сукур Курбана мы встречаемся с той же портретной живописью, которая так характерна для поэзии Батырая.

При сходстве песен обоих певцов, каждый из них сугубо индивидуален. Читатель помнит, как конкретно и вместе с тем исключительно образно описаны Батыраем места действий. Это хорошо известные и близкие даргинцам аулы:

Оставляя за собой
Злобный крик и суетню,
До Мугри доехал я.

Зол и голоден, один,
Я приехал в Урахи.²¹

В этом отношении Сукур Курбан не пошел по следам своего учителя. В его произведениях место действия конкретно не обозначено и только по подтексту читатель может догадаться, что оно разворачивается в даргинском районе.

Для песен Сукур Курбана также как и для Батырая характерно равнодушие к религии:

Как было бы хорошо,
Если бы те, кто золотыми буквами
Кораны пишут,
Писали бы лучше о нашей любви.
Как было бы хорошо,
Если б те, кто красными чернилами
Стихи свои пишут,

²⁰ Минатли-Баганд — богач в одном из даргинских районов.

— Ассаламу гІялайкум,
Гьалмагъ Минатла БахІянд!

Б а т и р а й, Далуйти, Дагъгиз, 1954, стр. 85.

²¹ Датулли гьилар гъавгъа
Ватихили аира
Мугрила шила дубли.

ХьурахІили вашули
Даргли бугул гурдаон
Саира ну хІурухъи.

Там же, стр. 80—81:

Написали бы песни
О нашей страсти.²²

(Подстрочный перевод).

Два понятия — любовь и свобода, которые уже намечались и в прошлых стихах Сукур Курбана, с особой силой проступают в стихотворении «Удивляющая пророка» («Ибарак ХІяйранил»).

Здесь мы встречаемся с тем же образом горянки, с каким встречались в ранних стихах. Она здесь названа куропаткой (кѡхъба), голубем (лагъа). Как призыв к свободе звучат ее полные мольбы обращения к возлюбленному:

Обрети меня, друг мой,
Продав золотой бубен.

Пропаду здесь я
Если ты меня не приобретешь.²³

Песня интересна и вторым образом. Произведение представляет собой диалог. Спрашивает горянка, и ей дается ответ. В ответах выступает лирический герой — страстный ненавистник произвола. Вместе с тем в этом образе проявляются конкретные черты человека, лишенного всех прав, находящегося в заточении.

Если внимательно вчитаться в строки

Когда я нахожусь
В царской тюрьме.

Когда на моих ногах
Железные кандалы.²⁴

22

Варакъла шанкІале
Къуръан лукІайле
ГІалукІай ва риккай
Нишала диккай?
ХІинтІинил шанкІале
ШурхІре лукІайле
ГІалукІай ва шалай
Нишала карцІай.

Даргала назмуртала жуз, стр. 42.

23

Мургъела ттам дициб
Дуцаба ибле.
ДугІ ардугІара
Д у ц а б а и б л е.

Там же, стр. 42.

24

ГІурусла туснахъле
Ду уциб къалле.

Къушмаяд диханне
ГІурусла къантІ мех.

Там же, стр. 42.

перед нами встает образ свободолюбца. Нам неизвестно, когда эти строки написаны и поэтому трудно судить о том, кто является прообразом этого сильного героя. Но ясно одно, что он перекликается с образом батыраевских песен «О герое».

Жанр песни явился основным в поэтической культуре Сукур Кубана. Однако он стремился и в более широких жанрах отразить волнующий его вопрос, а им всегда оставался вопрос раскрепощения горянки.

Одним из таких произведений, где подняты вопросы неравного брака и свободной любви, является «Проданная Меседу» («Маслис рицай Меседу»). Оно направлено против калыма — продажи девушек. По жанру это произведение приближается к поэме.

Основным героем произведения является горянка Меседу. Поэт наделил ее реалистическими чертами. Читатель видит ее в мучительных раздумьях над вопросом добра и зла, в стремлении вырваться из замкнутого круга в поисках идеала и совершенства. Меседу — цельная, сильная натура. Она не хочет мириться с предрассудками, закостенелыми обычаями старины и бросается в объятия своего возлюбленного, бросая этим вызов тем, кто сковывал веками свободу чувств. В создании этого образа поэт использовал богатства родного фольклора.

Свободное чувство любви прозвучало в устах горянки, как социальная тема свободы. Социальный конфликт времени здесь звучит особенно остро. И это можно проследить и на других образах стихотворения.

Отец Меседу и старый хан, за которого ее выдают замуж, даны не в развернутом плане. О них мы узнаем из страстной, взволнованной исповеди героини. Но и это достаточно, чтобы представить себе всю их отталкивающую сущность.

Поэт на стороне девушки. Он осуждает отца, который променял счастье родной дочери на «арабских жеребцов» и на «ханское высокое родство».

Диалогическая форма произведения позволяет писателю создать яркую картину бесправного положения женщины и нарисовать реалистические образы. Эта форма (диалог героини с матерью, с отцом, с возлюбленным) дает возможность более глубоко раскрыть внутренний мир героев.

Разговор Меседу с матерью позволяет представить тяжелое положение горянки. Перед нами предстают две горянки — представитель старого поколения и молодого. В матери борются два чувства: с одной стороны — любовь к дочери; ей хочется избавить ее от несчастного брака, с другой стороны — она целиком во власти деспота — мужа. Раздвоенность ее души хорошо передана в стихах:

...Что мне делать,
О дочь моя Меседу?
Тебя отец твой запродавал
Себе и мне на беду.²⁵

(Перевод В. Державина).

Девушка не может и не хочет мириться с законами шариата, предусматривающими возможность купли и продажи человека.

Певец мастерски пользуется приемом диалога. Он помогает ему в реалистическом воспроизведении действительности и способствует психологизации образа. В этом отношении представляет интерес диалог между отцом и дочерью. Не внимая мольбам дочери, не выдавать ее за нелюбимого хана, отец отвечает:

Нет, нет ты поедешь!
У нас уже давно
Хану тебя
Отдать решено.
Он дом наш богатством
Своим озарил
Арабских коней
Сыновьям подарил!²⁶

Перед нами встает образ корыстолюбивого отца, отца-деспота, собственника, который ради наживы продает родную дочь. В отличие от матери, в отце побеждает чувство ложной гордости. Ведь он дал слово, а слово для горца превыше всего.

Все части произведения объединены образом лирического героя, осознавшего всю нелепость выдачи замуж девушек за выкуп.

Начало произведения приобретает характер сказа: в спокойном тоне поэт говорит об окружающей обстановке. Мягким лиризмом окрашена его речь и когда он повествует о

25

Дале се баркъедай
Дила Меседу,
Ца гIала ттутешле
Рирцуле сарде.

Даргала назмуртала жуз, стр. 36.

26

Гъай-гъай аркахъутте
АйкI Къарабагъле,
Се гIалуккунсей
Шушила ханнис
Ду кайжибла хъунре
Масле дицIанне,
ХIябанра уршилис
Тай урче кканне.
Там же, стр. 36.

страданиях Меседу. И только в конце произведения он превращается в гневного обличителя существующих порядков. Финал произведения — это суровый приговор существующему строю. В уста Меседу поэт вкладывает слова, полные гнева в адрес общественного уклада, в котором женщина — бесправное существо. Героиня еще не раскрепощена, еще не получила свободу и равноправие, она еще не может распоряжаться своей судьбой, но ее протест это уже шаг к освобождению.

Как по своему построению, так и по содержанию «Проданная Меседу» на первый взгляд напоминает аварскую песню «Бахтику».

Сопоставление этих двух произведений показывает, что Сукур Курбан, используя сюжетную ткань аварской песни, создал совершенно новое произведение. Прежде всего надо отметить, что в отличие от аварской лирической песни в произведении Сукур Курбана ощущается тяга к эпической форме. Об этом свидетельствуют введенные картины жизни. Такие эпизоды, как воспоминания матери и разговор с ней о приездах, желающих купить дочь, картины богатого приданного, разговоры героини с отцом, придают произведению острую сюжетность и строгую композицию. Более законченными выступают положительные и отрицательные образы.

«Проданная Меседу» в те годы прозвучала, как страстный призыв к борьбе за свободную любовь. Поэт здесь во всеуслышание сказал о правах горянки.

Тема свободы чувств становится центральной и в его произведении «Бедная девушка»,²⁷ в основу которого положено предание о злом хане — соблазнителе красивой девушки Баху. Обесчестив, втоптав в грязь ее девичьи мечты и грезы, хан выгоняет Баху. И она приходит к решению, к какому приходили многие обиженные и оскорбленные в том неустроенном мире — покончить жизнь самоубийством.

Взяв за основу этот сюжет, поэт придает ему более острый социальный характер. Если Баху, героиня из предания, не может вымолвить слова упрека и кончает жизнь самоубийством, то героиня «Бедной девушки» Тамара смело ведет борьбу за свое счастье. Тамара не только проклинает хана, этого «хищного волка» и «подлую собаку», который девушек «чистых, как горный воздух» и «красивых, как цветы на горах» топчет в грязь. Она посылает проклятие матери, «родившей такого мерзавца», и отцу, воспитавшего сына таким жестоким и коварным, и тем самым выносит приговор всему существующему строю:

²⁷ Записана в Цудахарском районе даргинским поэтом Мусаевым Магомедом.

Московского царя я,
Что дал вам, ханам,

власть,

И в муках умирая,
Всечасно буду клясть!²⁸

(Перевод Б. Иренина).

Эти стихи заслуживают внимания. Они полны протеста против удушливой атмосферы царизма. В них заостряется социальный мотив. Горянка поднимается до обличителя социальной несправедливости.

В этом произведении лирический герой выступает от имени горянки, осуждающей существующие порядки. Ее меткие характеристики богачам усиливают реализм произведения. Достаточно вчитаться в следующие строки, чтобы зримо предстали образы угнетателей:

Подобно злой ватаге
Разбойников в ночи,
Под кров Шайху-бедняги
Вломились палачи.
Уже мольбы иссякли,
Не тронув их сердца, —
Вон выгнали из сакли
Несчастливого отца.
Не плачь ты, дочь-бедняжка,
В слезах здесь тот же толк,
Как если б на барашку
Напал голодный волк!²⁹

(Перевод Б. Иренина).

28

УркІбайд лагІнат сад
Урусла пачай,
ГІушала някъбацце
Ихтияр биккай,
Мискин-пакъиртая
Гуж-зулму биркъай.

29

Пурман гІябахурле
Салам аккарле,
Саркквале абацІиб
Ханна нукерте.
ХІяя хъямартуле
Ухънацце вявъиб,
Ттураухъен ибле
Ттуттеш ттурагъиб
Чебухъун нукерте
Исбагъиличи,
Пякъир мукъарлия
Гушти буцІеван.

Хорошо показаны ханские прислужники, пренебрегающие элементарными горскими обычаями (входят в чужой дом «без салама», не уважают старших, выгоняют отца). И неудивительно, что поэт называет их палачами. Чтобы показать их звериную сущность, поэт делает сравнение: «напали на нее, как на ягненка волк», используя народную поговорку «у сильного всегда бессильный виноват».

Автор не останавливается на этой характеристике. Дальше мы читаем:

И к ней простерлась властно
Та жадная рука,
Что клял народ несчастный,
Грозась исподтишка.³⁰

Здесь подчеркнута уже ненависть народа к своим угнетателям. Для усиления отрицательного образа поэт сравнивает его с животными, не почитаемыми народом: бешеная собака (къагъси хя), подлая собака (убяхIси хя). Наделяет их эпитетами «подлец», «мерзавец», «хищник». Творчески переосмысливая фольклорный прием, Сукур Курбан проклиняет родителей, родивших и воспитавших его.

Пусть будет мать презренна
За то, что родила
Тебя, злодей растленный,
И грудь тебе дала.
Пускай клеймо позора
Падет и на отца
За то, что хуже вора
Взрастил он подлеца.³¹

Как мы видим здесь уже проявляется много образов, выполняющих подчас функцию самостоятельных. Таковы нуке-ры хана и сам хан.

Стихотворение заканчивается словами:

Где врезан в свод небесный
Высоких гор отрог,

30 Ханни някъ чедяхъиб
Рурсила хъябла,
Хъяб дяхъябну сунна
Буккал ханжалле.

31 Халкъли нагIнат дищиб
Цуттарсе душман.
Глу раркъай абала
Мурад мабагъаб,
Глу арикъай ттуттеш
Жяв-жявли алхаб.

Там образ есть чудесный,
 Красивый, как цветок.
 Позор, что горше смерти,
 Сковал, подобно льду,
 Неопытное сердце,
 Попавшее в беду.
 Хоть солнце и сияет
 Безоблачно вверху,
 Но сердце не отгадет
 У дочери Шайху³².

Эти стихи — свидетельство осознанной борьбы певца против произвола богачей и бесправия родного народа. Но каким путем завоевать свободу поэт не знает. Это придает его стихам подчас печальную интонацию. Вместе с тем печаль Сукур Курбана никогда не переходит в безнадежную тоску. Вера в хорошее будущее не покидает его.

Итак, творчество Сукур Курбана представляет одно из примечательных явлений даргинской дореволюционной литературы.

Из поколения в поколение изустно в дореволюционных даргинских аулах передавались песни слепого певца, образно-обобщавшие тяжелое положение угнетенного даргинского народа.

Одаренный незаурядным поэтическим талантом, Сукур Курбан унаследовал мудрость своего народа, лучшие традиции устного народного творчества и поэзии Батырая.

Всем своим строем, образами, поэтикой, песни его свидетельствуют о углублении и расширении реалистического направления в даргинской литературе.

Заслуга Сукур Курбана в том, что вслед за своим учителем Батыраем он расширил рамки любовной лирики и создал реалистический образ горянки.

Изобразительно-выразительные средства народного творчества, мастерски использованные Сукур Курбаном для разработки социально-значимых тем, были впоследствии восприняты и развиты даргинскими поэтами 20—30 годов XX века. В этом отношении особо характерно творчество Р. Нурова, лично знавшего слепого певца и испытавшего благотворное влияние его песен.

МУНГИ АХМЕД

(1843—1915)

На высоте полутора километров над уровнем моря, на скалистой горе расположен Кубачи — аул прославивших себя в веках мастеров — златокузнецов. Аул с многоярусными саклями из тесаного камня, упомянутый не раз в летописях древних историков, неслучайно привлекал внимание восточных авторов. Самобытная древняя культура воспитала в кубачинцах необычайную восприимчивость ко многим видам искусства, а это требовало постоянной связи с культурой и искусством других народов. Кубачинцы издавна ездили в города России, в Москву, откуда они заимствовали узор «Маскав накыш» (московский орнамент), который более близок по своим живым завиткам к реалистическому рисунку.

Кубачинцы путешествовали по многим странам, перенимая все лучшее в культуре и искусстве народов. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас различные орнаменты: «Паранг-бикI» (французский орнамент), «Мисри-бикI» (египетский орнамент), «Стамбул-бикI» (стамбульский орнамент).

Из поколения в поколение передавалось мастерство ювелиров, как народное богатство, сохранились их изделия, восхищающие и сейчас тонких ценителей искусства. Как свои национальные орнаменты, не могут забыть жители аула одну из свадеб кубачинца Гаджи-Ибрагима Никаева, на которой встретились прославленные даргинские певцы Батырай, Сукур Курбан и кубачинец Мунги Ахмед. Батырай спел песни, восхваляющие горянку, Сукур Курбан — эпическую даргинскую песню «Парень из Казикумуха и девушка из Азайни»; Мунги Ахмед же импровизировал песню о Батырае. Она очаровала кубачинцев и они называли Мунги Ахмеда «победителем Батырая».¹

¹ Б а т ы р а й. Песни, ГИХЛ, М., 1959, стр. 5.

«Победителем Ахмед Мунги был признан за свою скромность и за то, что так хорошо сказал о любви кубачинцев к Батыраю».²

В этом ауле до сих пор помнят прекрасную песню Мунги Ахмеда, посвященную Батыраю:

Звучней песней зазвени,
Неизменный мне чунгур.
Нынче славить я хочу
Батырая от души.

Как целебная трава,
Как целительный бальзам,
Стала песнь твоя для нас,
Урахинский Батырай,
Да продлится жизнь твоя!
Горы в такт поют с тобой,
Море плещется в ответ,
Люди отдают сердца,
Песням радуясь твоим.

Ты у нас желанный гость,
Радость в наш аул принес,
Кубачинцев всех сердца
Озарил ты, Батырай.
Ты с собою унесешь

Наши чувства и тепло,
Навсегда мы сохраним
Песни, спетые тобой³.

(Перевод М. Р. Ибрагимова).

² Н. Капиева. В. Огнев. Вступительная статья к сборнику «Дагестанские лирики», Л., 1961, стр. 34.

³

Гьу гьаре дила чугур,
Балбикахъа гIях ажай,
Укле бучIун либалле
КабилчIилан са далай.
Иццузивлий кьай дикъле,
Дихъайлий мялхIям дикъле,
Ниссий саб ила далай,
ГIумру ила духъин дух,
Дила гьу-хъан Батирай.
Хе ухьулла лумибъа,
КIе гьу-хъла бикIлижибъа,
Бикьул саб ила тIама
Ила букъязиб далай.
ГIугъябиже сакьите
Ниссий цъяхъдихъа сакъиб
Вашилалде у янил
УкIубнея дишдекъиб.
Амма ниссишуб илэ
Катилжилал саб далай,
Удил либил уй дикъле
Илдил уя гапвикуьл.
(Кубачинский диалект).

Записано нами в ауле Кубачи от Патимат и Гусейна Мунгиевых.

Растроганный Батырай не замедлил спеть песню в честь Мунги Ахмеда. В ней он сравнивает его с легендарным ученым Лукманом, который так овладел всеми науками, что он не нуждался больше в книгах и выбросил их в море.

Говорят, Лукман-хаким
В море книги побросал.
Уж не ты ли их достал
Из неведомых глубин,
Мой собрат Мунги Ахмед?
Песне радуюсь твоей ⁴.

(Перевод М. Р. Ибрагимова).

С тех пор Батырай стал частым гостем у Мунги Ахмеда. Мунги Ахмед родился в 1943 году в семье златокузнеца среднего достатка. С детских лет он слыл впечатлительным, любознательным, смышленным мальчиком. Он рано освоил мастерство отца. До сих пор хранится у потомков рода Мунгиевых медный поднос, с вырезанными сложными узорами, сделанными детской рукой Мунги Ахмеда.

В Кубачах в то время имелись три медресе: женское и два для мальчиков. Но обучение в медресе невежественными, полуграмотными муллами не приносило пользы, не давало знаний. Учителя-муллы преследовали лишь одну цель — обучить детей нескольким сурам из Корана, необходимым для молитвы. И дети хором заучивали эти непонятные арабские слова.

Старательному, любознательному мальчику Ахмеду не по душе были эти занятия. Он часто вступал в разговоры с учителями. «Неужели и рабам непонятны эти слова; ведь легче было бы запомнить, если бы мы знали значение слов?» — спрашивал Ахмед у муллы. На что последний отвечал: «Коран написан пророком, чтобы мы молились аллаху». «А почему аллах понимает арабский язык и не понимает нашего языка?» — спрашивал мальчик.

Рано лишился Ахмед матери. Потеря горячо любимой матери оставила в сердце мальчика неизгладимый след. Отец скитался по чужим странам, а сына оставил в Дербенте у родных. Когда Ахмед вернулся в родной дом, отец обзавелся новой семьей. Для будущего певца жизнь у мачехи была тяжелой пыткой. Он научился молча глотать слезы; дом для

него, особенно когда отсутствовал отец, стал тюрьмой, а гу-
махи⁵, куда собирались его сверстники — излюбленным мес-
том. Так появилась песня о сварливой и жадной мачехе:

Ах, как сварлива мачеха,
Ах, как слеп мой отец,
Ах, как мала лепешка
И как тонок кусок брынзы⁶.

(Подстрочный перевод).

В Кубачах существовал древний обычай: аульчане свой досуг заполняли играми; подчас разыгрывались шуточные сцены и пантомимы с участием масок. Можно предположить, что в этих играх и заложены были зачатки театрального искусства. Из года в год проводилось «гулалла акъв булкьун» («шествоие неженатых»). Мунги Ахмеду очень нравился этот веселый, жизнерадостный праздник, где бедняки на время забывали о своих заботах и нуждах.

В Кубачи в четверг на базар стекались люди из разных мест: сирагинцы приезжали продавать молочные продукты — брынзу, творог, масло; цудахарцы — абрикосы, яблоки; кай-тагцы — знаменитую таркаманскую пшеницу, воспетую народом. Многие приезжали сюда просто послушать новости, весело провести время. Во время базаров зачастую демонстрировали свое мастерство певцы. Кубачинская молодежь не раз выводила на состязание с певцами из других аулов Мунги Ахмеда и его нередко признавали за красноречие и остроумие победителем соревнования. Учась мастерству у классика даргинской литературы Батырая, поэт создавал песни (хІябкубти) на самые различные темы. Но произведения Мунги Ахмеда самобытны, в некоторых из них звучат новые мотивы, которые мы не встречаем у Батырая.

* * *

До сих пор имя Мунги Ахмеда мало было известно. Это объясняется тем, что поэт создавал свои песни на диалекте, резко отличающемся от даргинского языка. Этот диалект настолько своеобразен, что подчас учеными рассматривался как самостоятельный язык⁷. Однако сравнительное изучение дар-

⁵ Гумахи — площадь в ауле, где собирается народ.

⁶ Юххе абала хвидихь,
Ие аттала сукьурдихь,
Ие тІулутІла бикІадихь.
Ие ниссалла букІулдихь:

Там же, стр. 1.

⁷ Л. И. Жирков. Язык аула Кубачи. Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока, т. 1, М., 1930.

гинских диалектов показало, что язык аула Кубачи является не самостоятельным, а одним из диалектов даргинского языка, хотя и значительно отличающимся.⁸

Впервые стихи Мунги Ахмеда на русском языке в переводе Я. Козловского были опубликованы лишь в 1960 году к декаде дагестанского искусства и литературы в Москве³. В этом же году в журнале «Дружба» была напечатана небольшая статья о его жизни и творчестве.⁹

Наиболее полное освещение жизни и творчества Мунги Ахмеда мы находим в сборнике «Дагестанские лирики»¹⁰, где в переводе Я. Козловского даны 15 произведений этого оригинального поэта.

Мунги Ахмед — мастер короткого сюжетного стиха, большой эпической и лирической песни.

В его творчестве затронуты самые разнообразные стороны жизни дагестанского аула конца XIX — начала XX веков. Противоречия, вызвавшие, с одной стороны, усиление эксплуатации трудящихся, с другой — протест народа, как в зеркале отразились в поэзии Мунги Ахмеда.

По своей проблематике его песни мало чем отличаются от произведений дореволюционных дагестанских лириков, поднявших свой голос в защиту свободной личности. Он прославляет чувство любви, резко выступая против притеснителей народа. И в этом отношении Мунги Ахмеду особенно близка поэзия Батырая, которого он считал своим учителем. В один голос они восклицали:

Будь неладен этот свет,
Что за подлая пора! —

Этой песне созвучна песня Мунги Ахмеда:

Да погибнет этот мир,
В коем правды ни на грош.
Десять шуб у одного,
У другого — ни одной.

Десять жен у одного
У другого — ни одной,
Ни одной, как у меня.
Будь он проклят этот мир!

⁸ А. А. Магомедов. Фонетический обзор кубачинского диалекта даргинского языка. Иберийско-кавказское языкознание, т. IX—X, Тбилиси.

⁹ Мунги Ахмед. Песня молодых кубачинцев. «Дружба народов», № 4, 1960; Мунги Ахмед. «Литература и жизнь» от 20 апреля 1960 г.

¹⁰ Ф. Абакарова. Мунги Ахмед, «Гьалмагъдеш», № 4, 1960.

Золото у одного
Мастерская мастера.
Я ж на медный перстенок
Блеск фальшивый навожу ¹¹.

(Перевод Я. Козловского.).

При общности проблематики поэзии Мунги Ахмеда с поэзией Батырая и Сукур Курбана они имеют некоторое отличие. Творчески воспринимая все то лучшее, что было создано народом и представителями устной литературы, Мунги Ахмед делает попытки в создании образа труженика.

В его поэзии мы встречаем и простого ремесленника, который думает только о том, чтобы ему «приобрести инструменты», и старика, согнувшегося в три погибели от вечной работы, и борца в кандалах, находящегося далеко от родного Дагестана.

В отличие от своих соратников-поэтов дореволюционной даргинской литературы — Мунги Ахмед выходит за рамки своего аула и округа, затрагивает отдельные вопросы жизни других стран.

Значительное место в творчестве Мунги Ахмеда занимает сатира. Сатирические образы Мунги Ахмеда взяты из реальной жизни. Кунди, Имима и Гаджи — герои его песен — реальные лица, жившие в ауле Кубачи. Сопоставив их с умелыми мастерами, он подчас поднимается до широких обобщений. У отрицательных героев отвратительная внешность: толстые губы, лысая голова, маленькие глаза.

Поэт смело выступал против религии, которая «зрячих делала слепыми». Он писал на страницах корана, поперек религиозных сур свои песни. Народ радовался каждой новой песне Мунги Ахмеда, а местный мулла объявил его «осквернителем священной книги крамольными песнями». В ответ им была сочинена песня о местном мулле:

Днем пусто в желудке,
Ночью кушает трижды,

11

Пяхле бугаб йе дунья
Кипикище либакква,
Са вицІ улгамла вагь сав
Салла сачІу либакква.
Сасалла вицІ хьунул тиб
Дила сачІу лиякква.
Салла муте-ас хял сад
Устабе кабатул саб,
Ду бухале мазгайте
Мутил дикул кижибда.

Рукописный фонд Института ИЯЛ, д. 3058, стр. 3.

Голову об землю бьет
Этот шейтан из нижнего аула ¹².

(Подстрочный перевод).

Поэт видел жизнь служителей мечети, полную лжи и обмана. Смерть в ауле радость для муллы, в то время как певца радует только людское счастье. В одной из песен Мунги Ахмед поэтически противопоставляет муллу певцу:

Рад на свадьбе до светла
Петь я песни о любви.
Рад покойнику мулла,
Нараспев читать коран.

Друг от друга далеки
Стихотворец и мулла.
Никогда своей руки
Пламя не подаст воде ¹³.

(Перевод Я. Козловского.).

Для усиления отрицательных черт муллы, поэт вводит контрастные сопоставления: небо и земля (гванза, ццаб), шербет и водка (шараб, гЯрякъ).

В сатирических стихах поэт рисует отщепенцев, не интересующихся жизнью народа, легкомысленных мужчин, которые видят в любви только удовлетворение своей прихоти, лентяев, пренебрегающих трудом. Они личные враги не только поэта (Ва дила ццутте душман), но и человека вообще.

Мунги Ахмед мастер сатирического портрета.

Вот как рисует поэт односельчан Гаджи и Викалая, которым пьянство принесло дурную славу:

Со ступеньки он упал,
Сорок дней лежал Гаджи.

12

Элий кІулІанаб ккушле,
Дуччилий гЯгна укан,
БикІ ласлицце бишбихан,
Гъай жан хъащалла шетІан.

Там же, стр. 12.

13

Далайче михълий цяхъле
Далай калучІун кигу,
Малла бибкІалий цяхъле
Къуран калучІун кигу.
Далайче бале малла
Гъихъле саб салий салтал
Гванза бале ццаб дикъле,
Гъихъле саб салий салтал
Шараб бал гЯрякъ дикъле.

Там же, стр. 39.

Четыре человека поднимали,
 Не могли поднять Гаджи.
 Викалай пришел, ушел,
 Семеро помогли ему выбраться,
 Он застрял в ущелье.
 Семьдесят — вернуться обратно.²⁴

(Подстрочный перевод).

Основным приемом сатирических стихов его является заострение, гиперболизация отрицательных черт.

Поэт высмеивает односельчанина Кунди, в котором припустились все человеческие чувства. Цель его жизни — накопление богатств. Жадный Кунди берет в жены пожилую вдову, чтобы ее богатство присоединить к своему. Он за всю свою жизнь никого не позвал в гости и никому не дал куска хлеба. В ауле знают, что он низкий человек, но его богатство заставляет односельчан относиться к нему с почетом.

В песне «Бутылка без дна» (Лутіе вибакква шуша) поэт высмеивает лентяев, зазнаек, себялюбцев. Эта песня поражает нас не только своим юмором, но и «лепкой» самого образа:

Бутылка без дна,
 Кувшин без ручки,
 Галоши без верха,
 Кувшинчик без низа.
 Сорочка без воротника,
 Глаза без ресниц,
 Плоское лицо без усов,
 Сывороткой полный бурдюк,
 Шапка без подкладки,
 Карман полный табаком,
 Чунгур без струн,
 Гармошка без полоса,
 Работу не любящий лентяй,
 Гордиться тебе нечем!²⁵

(Подстрочный перевод).

24

Гьухъижил вивакичиб
 АгъвцIале кисла ХIяже,
 Агъвле ахъгыкьбулихIал
 Ахъ гьаммаухла хIяже.
 ВикIаллай, сакъаллай, укъаллай,
 ИкI гьухъацце кавсаллай,
 Велдил винигъакъаллай,
 ВецIалидил какъаллай.

Там же стр. 10.

25

Лутіе вибакква шуша,
 Тііле чибакква къюнне,
 Хъай чидакква қалуше,
 Хъай вибакква хIяряцце,
 Қахалакква авачан,

В этом стихотворении Мунги Ахмед употребляет прием сравнения.

Посмотрите, к скольким образным сравнениям поэт прибегает для того, чтобы нарисовать отрицательный образ.

Как видно по процитированному отрывку, все сравнения взяты из повседневной бытовой жизни, хорошо знакомые горцу. Каждое новое сравнение с нарастающей силой характеризует образ лентяя. Но если бы даже отдельно взять каждое сравнение, оно представляет собою законченный эскиз картины. Все они вызывают зрительное ощущение и запоминаются надолго («бутылка без дна», «кувшин без ручки», «галоши без верха», «глаза без ресниц», «шапка без подкладки», «чунгур без струн» и т. д.).

Уже в этих первых сатирических стихотворениях ощущается стремление поэта живописать характеры людей.

С годами конкретность и предметность в обрисовке человеческих характеров в поэзии Мунги Ахмеда приобретает все новые и новые оттенки в зависимости от объекта изображения.

Вглядываясь в жизнь, поэт все больше и больше искал и находил положительных героев времени. Прежде всего его привлекли труженики — люди, которым принадлежало будущее. Жизнеутверждающая сила труженика — тема стихотворения «Песня молодых кубачинцев». В ней предстает энергичный, трудолюбивый горец, изумляющий мир своим мастерством. Никакие невзгоды не могут сломить его дух. Он верит в то, что труд — источник жизни. Верным спутником его всегда остаются «молоточки и резцы» Умелые руки, сноровка, любовь к родному краю — таковы его основные черты.

Стихотворение написано в бодром духе. Каждый новый стих придает произведению мажорный тон.

Хоть в песне и нет развернутой портретной характеристики, читатель представляет себе полного энергии молодого горца, в котором заложено здоровое народное начало. Последние стихи как бы подытоживают весь рисунок и углубляют характеристику героя.

26а

КІяпикІвне акква улбар,
Ссупил акква ссадап дая,
Нигьад бицІиб кьацІ тахъва,
Бакв бинибакква кьапа,
Тамбакул бицІиб киса,
Дихне чидакква чугур,
Тіамаакква чанагъа,
ГІяче абикку бичча,
Силий ухътан вихулдін!

Там же стр. 40.

Молоды у нас сердца,
И на весь прославлен свет.
Почерк тонкого резца,
Кубачинских мастеров²⁶.

(Подстрочный перевод).

Особенно хорошо поэту удалось показать тяжелое положение кустарей родного аула и жизнь отходников вдали от родины. В этих стихах, в отличие от «Песни молодых кубачинцев», больше философских раздумий над судьбой человеческой. Они подчас окрашены грустными тонами. Нередко труженик поднимается до протеста против существующего строя.

В одном из стихотворений мы читаем:

Пусть рушится этот мир,
Копейка ему цена,
Что из того, что у меня есть родной Кубачи,
А в Кубачах много родных,
Если нет мне возвращения²⁷.

(Подстрочный перевод).

А в другой песне мастер шлет проклятие миру, который так несправедливо устроен, что он

Шесть лет работал на чужбине,
А с семьей был только шесть дней²⁸.

В этих песнях говорится и о причинах, заставивших покинуть родину

Чтобы изменить свою жизнь,
Отправился я в Ташкент²⁹, —

поется в одной песне.

26

ҮкIубне жагьилле сад,
Дунъялий дакIу нусса,
ГIугъбуган асла гIяче,
ГIугъбуган дупла гIяче.

Там же стр. 30.

27

ТIутIу бухаб йе дунъя
Кипиклицце либакква,
ГIугъбугла щей либле,
Шилщиб бикку шантия
Чарухвне дам либакква.

Там же стр. 41.

28

Эк дус тталиви викулий
Эккилла хъилив угад.

Там же.

29

ГIумру дила дасдакий
Видажид ду Ташкентле.

Там же.

В песнях упомянуты разные города, куда забрасывала судьба мастеров: Тула, Ростов, Тбилиси, Ташкент, Бухара и другие. Они отправлялись в эти города и не было конца их мытарствам вдали от родного аула.

Некоторые песни посвящены невестам, женам, ожидающим возвращения любимых.

Говорят, что едет мой любимый домой,
В ауле все ждут его больше, чем я,
У родственников полный мешок
Сплетен обо мне.
Его родные ждут,
Вытряхнуть все, что внутри у них.
Неужели он поверит сплетням,
Думая об этом, все дрожит у меня³⁰.

(Подстрочный перевод)

Эти мотивы не случайны. Нередко длительная разлука приводила к нарушению данного любимому слова, обещания. Прекрасна любовь, но страшен мир, в котором живут влюбленные. Этот мир превращает источник счастья в страдания. Ужасная нищета заставляла горца покинуть родной дом, близких, возлюбленную, а в результате — разрыв с любимой. Поэт психологически верно рисовал переживания человека, объясняя социальные причины, породившие этот разлад.

В одной из песен он правдиво передал надрывающий душу стон мастера, вернувшегося в родной аул, когда его любимую уже выдали замуж за другого.

Я привез тебе
Полный сахаром хурджин,
Я привез тебе
Полный бутылок шербета хурджин,
А ты мне приготовила
Пустой от любви хурджин³¹.

(Подстрочный перевод).

30

Ташал сигьул савя лив,
Къупе дицѣиб гъайя лид,
Пяхкаттакый хѣдурре
Алав-чар тухумя либ,
Дам се ажийва юкѣул
Якв юччул дуя лийда.

Там же стр. 27.

31

Ташал дудил ит сакъад
Чакайле бицѣиб хуржин,
Шарабле бицѣиб хуржин,
Ташал дудил ит сакъад
Удил хѣдурбакъатте
Диккалла бацѣиб хуржин.

Там же, стр. 34.

Таким образом, уже в этих небольших по объему стихотворениях появляется реалистический образ горца-труженика. Поэт правдиво передал его характер: жизнелюбие, трудолюбие, протест против произвола и деспотии.

Намеченный Батыраем образ труженика в цикле стихов «О жизни» нашел свое дальнейшее развитие в поэзии Мунги Ахмеда. Это были первые реалистические образы горцев-тружеников в даргинской дореволюционной литературе. Они встали в один строй с образами передовых горцев, созданных аварскими, лакскими, кумыкскими и лезгинскими поэтами конца XIX—начала XX веков.

Несомненный вклад внес Мунги Ахмед и в разработку образа горянки, символизирующей собою новый тип человека.

У поэта много лирических четверостиший (хIябкубти), воспевающих красоту горянки. Горянка у него, так же как и у Батырая, носительница прекрасных внешних и внутренних качеств. В создании этого образа поэт следовал романтическим и реалистическим традициям даргинской литературы. Живой портрет предстает, когда читаешь стихи:

Очи, как черный горох,
Пальцы тонки, как тростник,
Красивый цветок в зеленой траве,
Луна, освещающая ночь,
Луч теплого солнца,
Освещающего бездонные моря,
Безоблачное небо
Бесконечных просторов³².

(Подстрочный перевод).

В данном случае приподнятые образы-символы окрашивают образ романтическими красками. Взятые из фольклора развернутые сравнения усиливают эмоциональность образа.

Так же, как и Батырай, Мунги Ахмед выступает против диких обычаев, калечивших судьбу горянки. В стихах на эту тему поэт меняет всю палитру красок. Мягкая задушевность сменяется гневным обвинением в адрес тех, кто калечит человеческие жизни. В этих стихах звучит протест против социальной несправедливости. Повелительная форма глагола усиливает атакующий тон стиха.

Эта песня по своему содержанию, по использованию художественно-изобразительных средств перекликается с песней Батырая «У бородатого старика» (Хьунцла муцIур мужукь-ла). У Батырая горянка, вышедшая замуж за старика, сравнивается с робким ягненком, у Мунги Ахмеда — с засохшей травой, цветком.

Пусть не вырастет трава,
Если ее будет топтать осел,
Пусть не вырастут цветы,
Если они засохнут под зноем.
Пусть не родится дочь,
Если она должна быть женой старика³³.

(Подстрочный перевод).

Мунги Ахмеду, как мастеру, часто приходилось вместе с другими кубачинцами сбывать свой товар на рынках Европы. Описывая лично пережитое, поэт дает реалистическую картину жизни кустарей.

Результатом его поездки в Париж явилось стихотворение «Поехал я в Париж» (Видажид ду Пагьрижле).

В Париже прямой, не терпящий лжи поэт был обманут француженкой. Разврат, моральное разложение, обман, буржуазная прогнившая цивилизация — таким предстал перед ним Запад. И тогда сильнее заговорила в нем любовь к Родине и целомудренное отношение к простой, честной, доброй, нравственно чистой горянке. Прием сопоставления, мастерски использованный поэтом, дал возможность нарисовать конкретные образы двух женщин:

Белотелую мадам
Я, оставив для мусье,
Посоветовал друзьям
Ум в Париже не терять.
Есть у нас свои мадам
В Дагестане среди гор.

Дикъанад къая мадакI
ХIямхIядил хьардакъахъий,
Къайлид уггея мадакI
Ттуршил шавла дакъахъий,
Абадил юссе якъмакъ,
Ухънай къадар юахъий.
Там же, стр. 30.

И любовь не носят там
Для продажи на базар³⁴.

(Перевод Я. Козловского).

Если в предыдущих произведениях образ горянки только был намечен отдельными штрихами, то в стихотворении «Кубачинка молодая» он получает свое завершение.

Пафос этого стихотворения в утверждении земной красоты, в возвеличивании человеческого «я». В нем воедино соединяются гражданские и личные мотивы. Поэт поднимается до понимания величия Родины и преклоняется перед человеком чистым и гуманным. Лирически взволнованный рассказ о тоске по Родине и любимой перемежается с описанием женщины гор.

Перед читателем предстает реалистический портрет внутренне чистой и внешне красивой горянки. Она дана в различных аспектах. Мы видим ее, «хрупкую, добрую, молодую», то сидящую задумчиво у окна, то идущую с кувшином к роднику, то глядящую на дорогу.

Нельзя сказать, что картина завершена. Но достаточны и эти броские мазки, чтобы представить нравственно чистый образ женщины гор.

Образы тружеников и горянок подготовили поэта к созданию образа народного заступника. Этот образ уже был разработан Батыраем в цикле стихов «О герое». Мунги Ахмед творчески переосмысливает его, придавая ему более реалистические черты.

После пленения Шамиля в горах усилили свои действия царские сатрапы. Любая попытка храбреца-одиночки восстать против произвола царских ставленников кончалась тем, что у матери, жены, детей отнимали кормильца и закованного в кандалы ссылали в далекую Сибирь.

Слово «Сибирь» для горцев стало синонимом слова «каторга». Здесь, в неизмеримых пространствах сибирской тайги погибло много сынов гор.

Горькой судьбе каторжника посвящает поэт песню, полную гнева и ненависти к царским палачам:

Тяжела жизнь в неволе,
Ложусь я на голой доске,
Накрываюсь рваной шинелью,
А под голову кладу

Даше, юлдаше, бате
Мусётаддий мадамте,
Нахътте дихва йиштталла
Чулла гуда ламардте,
Ниссий гьегьёкабжиб саб
Ниссилаъал «мадамте».
Там же, стр. 33.

Пучок гнилой соломы.
 Если выведут во двор,
 На ногах звенят кандалы,
 Кружатся вокруг меня,
 Как вороны у падали,
 Пятьдесят царских солдат
 С берданками в руках.
 Как камень в реку,
 Я попал в их руки,
 Но есть надежда,
 Что вырвусь отсюда так же,
 Как барс из черной пещеры³⁵.

(Подстрочный перевод).

Поэту удалось реалистически изобразить жизнь арестанта. Правдизы детали, говорящие о его тяжелой жизни: солома — подушка, рваная шинель — одеяло, голая доска — постель.

Пусть тяжела жизнь арестанта, пусть сторожат его «пятьдесят царских солдат», он не падает духом. Его не покидает вера в то, что настанет час и он вырвется на свободу, «как барс из черной пещеры».

В этом стихотворении выступает новый человек, порожденный временем, выражающий мысли и чувства сынов страны гор — борцов за свободу.

Поэт не пошел по пути создания идеального героя. Он показал надлом его души и горечь расставания с родным краем и ненависть к палачам. Но сильнее всего в нем жизнеутверждающая оптимистическая вера в светлое будущее. Характерно и то, что в герое ни разу не возникает сожаление по поводу того, что он совершил. И это придает его характеру

Гумру-гумру дихвайъий
 Ду бухужубла гумру,
 Гъаналже квикилсунда,
 Буттиб палас чикахъуб
 КквагI духуб никла бикIа
 БикIлигуя викахъуб.
 Азбарле ттаигъахан
 ЗанхъярдукIай яхасте,
 Къаркъара биччиб мутил
 ЦIуттежуд къюнбе дикъле,
 ХъуцIал пачала солдат
 Дам алав ччурсабигу.
 АкIвлище къакъа дикъле
 Вичибда ду йишттацце
 Амма укIе биххул саб
 Павиццил сартлан дикъле
 Ахир беа йишттаццил
 Йе дуя весилалда.
 Там же, стр. 42

ту целенаправленность и стойкость, что так характерны для плеяды первых революционеров. Герой знает, за что он попал, «как камень в реку». Подобные образы свидетельствуют о крепнущем реалистическом мастерстве поэта.

В поэзии Мунги Ахмеда встречаются и философские раздумья о жизни и смерти, раздумья о смысле существования человека.

В стихотворении «Дерево» («Тутта») символический образ дерева уподобляется человеку. Дерево гордо стоит в большом лесу, но вот приходит смерть. Его не оплакивает никто, хотя его «родня» так многочисленна. Дерево, окруженное «родственниками» — деревьями, в итоге одиноко.

У бедного дерева
Много родственников,
Но смерть без панихиды³⁶.

Чтобы показать одинокую старость, поэт находит предельно яркие параллелизмы:

Народ спит, а я плачу,
Народ трудится, а я болен
До каких пор мне так оставаться?³⁷

(Подстрочный перевод).

В этом произведении поэт поднимает вопрос трагедии одиночества. Только жизнь, отданная народу, может приобрести истинный смысл — к такому выводу поэт подводит читателя. Эти раздумья и привели Мунги Ахмеда к стихам о храбрцах, тесно примыкающих к «Песне о Сибири» Ирчи Казака.

В стихотворении «Чем прочнее гвозди» поэт славит подлинную храбрость в бою:

Чем прочнее гвозди, тем
Служит скакуну верней
Каждая из четырех
Крепко пригнанных подков.

Чем подкованней скакун,
Тем надежней он в бою.

36

Лутибугла тутталла
Тухум хял бухалия
Яс акква бебкIабихва.

Там же, стр. 5.

37

ГIялям бусун ду висул,
ГIялям буццул ду иццул,
Кватте ватузивдава?

Там же, стр. 16.

Чем надежней конь в бою,
Тем уверенней седок.
Чем уверенней в бою
На лихом коне седок,
Тем печальнее удел
Ждет противника его³⁸.

(Перевод Я. Козловского).

Читая эти строки, мы вспоминаем батыраевского храбреца. Здесь тот же крепко подкованный конь — верный спутник храбреца, тот же уверенный в своей победе седок.

Такие песни помогали народу в борьбе с врагами.

Стихи Мунги Ахмеда близки, родственны стихам Батырая. В его поэзии, так же как у Батырая, художественно-образительные средства не существуют сами по себе, ради красоты формы они помогают более полно и ярко выразить мысль поэта. Говоря о художественных особенностях поэзии Мунги Ахмеда, прежде всего необходимо обратить внимание на рифму.

У Мунги Ахмеда встречается созвучие всех последних слов строки:

Талла замана биччид,
Таллаллизив ду виччид,
Тпуме кукле у йиччид,
Атталай йибчиб биччид,
Кадабахуул кьюл биччид.
Ттатнад гьаяхуул биччид!

Часто в его стихах рифмуются в строфе три строки:

Ахтарак дикъле ахъсий,
Нюхъбе цуб, михъай таквсий,
Суратицизий дикъле
Юкъязий бале паксий.

Рифма в его стихах основывается на созвучии близких по звуковому составу слов:

Гпялям бусун — ду висул,
Гпялям буццул — ду иццул.

Гьюлме дибгал духале
Лутимия дибгал дихва,
Лутиме дибгал духале,
Учия дибгал бихва,
Уче дибгал бухале,
Муттая дибгал вихва,
Мутта дибгал ухале,
Душманий эххе бихва.
Там же, стр. 38.

Иногда рифма основывается на созвучии близких согласных:

УкIе бучIун либалле
ҚабилчIилан са далай.

или же:

Пяхле бугеб хе дунъя
Қипиклицце либаква.

Аллитерацией создается гибкость образов:

Чадину видагузив
Ажилалий тIашкиций,
Чадину тIашкиццузив
Ажилалий гъай гъаьий?
Ахъ гъухъацце укьяхат
Ицце гъаьилазиб либ,
Гъалак училла мутта,
Ицце дила чише либ.

Здесь повторением звонких «з», «ж», геминацией согласного «ц» подчеркивается живость образа всадника.

Гибкость, динамичность образов создают также ассонансы. Такие рифмы придают стихам Мунги Ахмеда удивительную легкость, певучесть.

Умело пользуется поэт красочными эпитетами: «гороховые глаза» (хъа улбар), «ясный месяц» (шала бац), «красивый тополь» (асил ахтарак) — подчеркивают нежность и любовь.

Природа в поэзии Мунги Ахмеда, так же как у Батырая, олицетворяется; она живет жизнью людей. Родник грустит, подобно человеку, но родник нужен поэту, чтобы сравнить его с молодой горянкой, с ее настроениями, чувствами.

Мунги Ахмед оставил нам чудесное поэтическое наследство. Его стихи носят самобытный характер. Он один из первых даргинских дореволюционных поэтов заговорил о жизни кустарей-ремесленников. Его произведения были направлены против существующего строя, который уродовал человеческие жизни, нес горе и слезы миллионам тружеников. Песни, в которых выражено критическое отношение к действительности, переполнены жгучей ненавистью к угнетателям народа. Но поэт оптимист, он уверен в том, что наступит и для трудового народа светлая, счастливая жизнь.

ЗАРОЖДЕНИЕ ПИСЬМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ АБДУЛЛА-ГАДЖИ

(1870—1917)

Одним из первых представителей письменной даргинской литературы является Абдулла-Гаджи.¹ Этот «своеобразный даргинский Симеон Полоцкий, которому принадлежат непревзойденные по красоте, образности и изяществу поэтического стиха религиозно-мистические трактаты».²

Они написаны на урахинском диалекте даргинского языка и изобилуют арабскими словами.

Абдулла-Гаджи родился в селении Урахи в зажиточной семье кадия. После получения религиозного образования стал кадием.

Абдулла-Гаджи объездил все страны Ближнего Востока, хорошо овладел арабским языком. Его современники рассказывают о большом интересе поэта к арабской литературе. Он даже пробовал писать стихи (религиозного характера) на арабском языке.

По рассказам стариков, знавших Абдулла-Гаджи, он рано познал красоту родного слова. Он завел большую тетрадь, куда заносил наиболее заслуживающие, по его мнению, внимания песни из даргинского фольклора. Эту тетрадь Абдулла-Гаджи охранял очень ревностно, т. к. такое занятие считалось недостойным для религиозного лица.

По жанру стихи Абдуллы-Гаджи представляют собою «турки» — четверостишия, в которых рифмуются первые три строки, и через все стихотворение проходит повторяющийся редиф. Выбор этой трудной формы свидетельствует о том, что он был одарен большим поэтическим мастерством и хорошо знал восточную поэтику.

¹ Г I а б д у л л а - Х I я ж и. Таргъибу ссаликин ила матIалаби раббил гIаламин, типография Магомед-Мирзы Мавраева, Темир-Хан-Шура, 1913.

² У. Б. Далгат. Фольклор и литература народов Дагестана. ИВЛ, М., 1962, стр. 85.

В четверостишии он пользуется большей частью двумя видами силлабического стиха: одиннадцати- и четырнадцатисложным размером.

Большей частью в заключительной фразе стихотворения автор упоминает о себе. Причем, каждый раз к своему имени прикрепляет эпитеты «мискин», «пакыр» (бедный, жалкий). После высказывания своего мнения по тому или другому вопросу поэт употребляет такие слова, как: «аллаху знать», «аллах лучше знает» и т. д. Эта форма характерна для восточной мусульманской поэзии.

Вместе с тем Абдулла-Гаджи широко пользовался и фольклором. Из фольклора он заимствовал различные образительные средства (сравнения, параллелизмы, эпитеты и т. д.). Во многих его стихах преобладают мистические мотивы.

Но до нас дошло его произведение «Прощай, будь счастлива, родина-Дагестан» («НахIа ахIли хьалин дару Дагъи-стан»), свидетельствующее о поисках поэтом социально-значимых тем.

В данном стихотворении впервые в истории даргинской литературы широко и многопланово поставлена тема родины.

Это стихотворение написано поэтом перед его уходом в паломничество. В нем переданы переживания человека, расстающегося с самым для него дорогим — родиной. С родиной поэт связывает все святое и возвышенное.

Мужество, достоинство, храбрость, честь — в тебе,

Лучшие обычаи, традиции — все в тебе,

Прощай, будь счастлива, родина Дагестан!³

пишет поэт.

Олицетворенный образ родины проходит через все стихотворение, символизируя собою свободу, разум, прогресс.

Такие поэтические обобщения, как совесть, честь, рай, свет, обилие, характеризующие величие родины, придают стихотворению большое патриотическое звучание.

Произведение обращает на себя внимание и своими просветительскими мотивами. В нем слышен гимн в честь «ученых-мужей», прославивших родину своими открытиями. В строках этих видна непоколебимая вера поэта в будущее его страны.

Лирическим героем стихотворения является человек, ищущий ответ на вопрос: в чем счастье? Мучительные терзания и колебания, связанные с поисками своего идеала, приводят его к ясному пониманию цели. Ему еще трудно порвать со своей верой в бога и сверхъестественные силы, но он уже начинает понимать, что счастье надо искать в земном.

Это и приводит его к обновлению, хоть груз прошлого еще давит. Вот почему, он, как к прожектору, который должен ему осветить путь, взывает к родине с мольбой: не забыть его — блудного сына. Этим и объясняется то, что каждое четверостишие заканчивается стихом «Прощай, будь счастлива, родина Дагестан». В нем слышен крик взволнованной души человека, ищущего опору в своем нелегком пути.

В этом герое мы усматриваем типический образ эпохи конца XIX — начала XX века, просвещенной личности, у которой уже намечился разлад между мечтой и действительностью. Пусть протест его еще слаб, но сами поиски заслуживают внимания.

Обилие эпитетов, частые обращения придают произведению возвышенность и эмоциональную напряженность. А частые употребления слов, встречающихся в обыденной речи даргинцев («мискин», пакьир, «гъариб»), свидетельствуют о стремлении придать произведению реалистический характер.

В его произведениях пессимистические мотивы, характерные для религиозной литературы, уступают место жизнеутверждающим тонам.

Они проникнуты бодрым духом и верой в человека.

ЗИЯУТДИН-КАДИ

(1877—1924)

Зияутдин-Кади родился в ауле Куппа, в зажиточной семье, в медресе он получает религиозное образование, после чего его назначают кадиом в Даргинском округе. Объездив все страны Ближнего Востока, Зияутдин-Кади овладевает арабским языком, увлекается восточной литературой и сам пробует писать стихи на арабском языке.

В первые годы установления Советской власти в Дагестане Зияутдин-Кади работал начальником Даргинского округа.

Он принадлежал к тем дагестанским писателям, которые сразу не смогли разобраться в революционных событиях. В первые годы Октябрьской революции Зияутдин-Кади — в лагере врагов советской власти. Ошибку он осознал, когда увидел, как расправлялась контрреволюция с мирным населением, как сжигались сакли в аулах, уничтожались мечети. Он порывает с ними и присоединяется к отрядам красных партизан, организованных в Левашах.

Несомненно, пребывание в отрядах красных партизан помогло Зияутдину-Кади разобраться во многих событиях. Но прозрение поступало медленно. Активным борцом за Советскую власть он так и не стал. Подобно кумыкскому поэту Абдурахману Атлыбоюнскому, Зияутдин-Кади уединяется.

Творчество Зияутдина-Кади противоречиво. Здесь и религиозные стихи, где доминируют мотивы тоски и уныния, и переводы (он перевел на даргинский язык отдельные суры Корана, ряд религиозных книг, из которых до нас дошла «Бустани цудахари»), и прекрасные лирические стихи, где побеждают мотивы гуманизма и жизнелюбия. Именно эта сторона его лирики представляет большую ценность для исследователя.

Часть из них опубликована в сборнике «Песни даргинского народа»,¹ а многие, как считают современники поэта, подверглись фольклоризации. Он, как слугитель мечети, избегал

подписываться под своими произведениями, т. к. в те времена литературная деятельность считалась занятием, не заслуживающим уважения, а для кадия и вовсе позорным.

В центре этих песен — образ любимой. Как рассказывают, он всю жизнь любил женщину, на которой не мог жениться, т. к. она была из простой бедной семьи. Этой неразделенной любовью и проникнута вся его поэзия. В изображении возлюбленной заметно влияние арабской любовной поэзии. Образ дан в отвлеченных тонах и носит подчас условный характер. В одном из стихотворений мы читаем:

Ты монета паранга,
Перед которой теряет блеск
Шахская монета.
Ты для меня вдохновенье,
Ты, хиндустанская куропатка,
Видеть которую мечтают все².

(Подстрочный перевод).

Любимая у него — «сокол, родившийся в Аварии» («гъа-рабустанниад гъаклубсе лачин»), «золотая куропатка» («мур-гъела къакъба»), «на цудахарском рынке портрет из серебра» («цлудхурла базарлид цлуб арцла сурат»), «выпускаемый в Москве шелк с печатью» («маскавлед кадирхъу дарайла мугъ-ру») и т. д.

У любимой «стан стройный» («куц исбагъи»), «белосеребряные груди» («цлуб арцла михъири»), «пальцы, как карандаши» («къаламла тлулби»), «жемчужные зубы» («цлуб мар-жанна цулби») и т. д.

В стихах Зияутдина-Кади так же, как в песнях Батырая, показана всемогущая сила подлинной любви. Но в отличие от Батырая он расширяет свой идеал. Женщина не только кра-

¹ Даргала назмуртала жуз, Дагъгиз, Махлячкъала, 1934. (Все цитаты в работе приводятся по названному сборнику, куда в числе произведений других даргинских поэтов вошли произведения и Зияутдина-Кади).

²

Шагъла нур дулгахъай
Паранг-гъяббаси
Глу дила нигматти
Диккайла юлдаш,
Хлясрат халкъ хляйранил
Гьиндустан къахъба.
Там же, стр. 50.

сива, но и образованна и умна. Созданный им образ горянки является шагом вперед по сравнению с образами, созданными его предшественниками. Поэт прославляет знания, разум. Если у Батырая горянка поражает своей красотой, то любимая Зияутдина-Кади привлекает своим образованием, знанием разных наук, искусства, особенно арабской литературы. Поэт мечтает обладать такими же знаниями, какими обладает она:

Ты мудрость арабских наук изучила,
Чужим языком овладела вполне,
Ах, если бы передать пожелала
Немного такого богатства и мне³.

(Перевод М. Грунина).

Чувство любви не покидает героя Зияутдина-Кади ни при каких обстоятельствах. Он много говорит о внешности возлюбленной, о ее положительных качествах. Часто обращается к ней с просьбой, чтобы она облегчила его участь, ответила на любовь.

В передаче переживаний человека Зияутдин-Кади близок аварским дореволюционным поэтам Чанке, Эльдарилаву и Махмуду. Можно предположить, что он был знаком с их творчеством, и оно оказало на него некоторое влияние.

Любовь у Зияутдина-Кади, как и у Махмуда, постоянна, даже и в том случае, когда любимая выходит замуж.

У Махмуда мы читаем:

Разводись ты каждый день
И рожай ты еженошно,
На тебя не ляжет тень:
Ты чиста и непорочна.

У Зияутдина-Кади:

Я не тревожусь,
Что ты замуж вышла,
Без тревоги и печали
Никогда не было жизни,

Айт гIарабла гIилму
ГIаделгуналле:
ГIараб мезли ручIис
ГIаделгуналле:
Дам гIилму дахахъис
Насиб рихатле.

Там же, стр. 46.

Я тревожусь только тогда,
Когда не вижу тебя⁴.

(Подстрочный перевод).

Но поэт не замыкается узкими рамками любовных переживаний. Говоря о любви, он затрагивает и социальные вопросы.

Какая же любовь быть может
В этом жалком мире?⁵

(Подстрочный перевод).

спрашивает поэт.

В свои стихи поэт вводит иногда и антирелигиозные мотивы. Ради любви, ради любимой он готов жертвовать всем тем, что так было дорого даже каждому простому мусульманину: Меккой и Кораном.

Был бы я уверен,
Что ты будешь моей,
Я был бы не прочь принести в жертву
Священную Мекку⁶.

Или же:

Постигнув чудесные знания эти,
Увидев наук удивительный свет,

4 Пу хъалла рихнилис
 Ду кьакьа гъайклуд,
 Кьакьаси аккарле
 Дунера гъаччиб.
 Кьакьа диклур урчи
 Чигъярагатле.

 Там же, стр. 49.
5 Диккайра се садей
 Пана дунелед?

 Там же, стр. 49.
6 Дубанил тIалаблис
 Рихатле тIалаб,
 ХIяжла хъали чарле
 Диркьаде тIавап.

 Там же, стр. 48.

Украсил бы смело я стены мечети,
На них начертал бы твой чудный портрет⁷.

(Перевод М. Грунина).

Земному, естественному чувству любви Зияутдин-Кади подчиняет любовь к всевышнему:

Поверь, если бы ангелы, страждущим внемля,
Узнали о чувствах моих до конца,
Они бы с небес опустились на землю,
Чтоб слить одинокие наши сердца⁸.

(Перевод М. Грунина).

Такие стихи не только противоречили мусульманской морали, но и являлись откровенным вызовом религиозному учению, по которому женщина считалась недостойным существом.

На творчество Зияутдина-Кади, несомненно некоторое влияние оказала арабская любовная поэзия, с которой автор хорошо был знаком, но ближе ему было устное народное творчество. Об этом свидетельствуют изобразительные средства, почерпнутые им из фольклора, которыми он широко пользовался.

Часто встречающиеся в фольклоре эпитеты, как «черные глаза» («цІуттара хІулби»), «светлый мир» («шалал дуне»), «белый сахар» («Іуб чакар»), «красная кровь» («хІинтІин хІи»), «синее море» («хьацІ урхьу»), «ясный месяц» («шалал бац») часто встречаются в его стихах.

Он вводит целые строки из народных песен, творчески переосмысливая их. Вот некоторые из них:

7 Дам гІилму дахахъис
 Насиб рихатле,
 Шилла музалидил
 Къугъасе миржит
 КалукІаде сурат
 Айт миржитище,
 ГІу гІаракІай бири
 Къугънас халдиркъис.

Там же, стр. 47.

8 ГІалара дилара
 Диккайла хабар,
 Дакъбандале гІаршле
 Малаикунас,
 ХІис-хІисил халкъище
 Бусрав бикІуле
 Дут гІаргахъиялле
 Нишала мурад.

Там же, стр. 47.

Песню твоей и моей любви
Могут понять только ангелы⁹

— читаем мы у Зияутдина-Кади.
В фольклоре:

Песню твоей и моей любви
Могут понять только влюбленные¹⁰.

Или же:

Матери, родившей тебя,
Да будет рай подарен,
Тебя, божественную красу,
Не с неба достала, а родила¹¹.

В фольклоре:

Матери, родившей тебя,
Пусть будет хлев, полный коровами, подарен,
Отцу, воспитавшему тебя,
Пусть будет двор, полный лошадьми,
подарен¹².

Некоторые параллелизмы, которыми пользуется поэт для сопоставления явлений, также заимствованы из фольклора:

Разноцветная одежда
На твоём теле,
Разноцветное горе
На моём теле¹³.

9 Галара дилара
Диккайла хабар,
Дакъандаде гIаршле
Малаикунас.

Там же, стр. 47.

10 ХIелара дилара
Дигайла хабар
Дигайли бицIибта
Бурули саби.

11 Алжанра хIялал сад
ГIу раркъиб нешлис
Пирдавсла хIурулгин
Канили раркъай.

Там же, стр. 48.

12 ХIу раркъибил абала
Дурхъби къулани дицIаб,
ХIу арикъур адала
ГIяйни ябнани дицIаб.

13 Хамхале гьалхунил
Ранг-рангла палтар,
Ранг-рангла балагъ сад
Дила къаркъаллед.

Там же, стр. 48.

В фольклоре:

После дождя возникающая
Разноцветная радуга,
Разноцветной не делай
Ты мне могилу¹⁴.

Благозвучию его стихов содействуют аллитерации и ассонансы, воспринятые им из фольклора. Обратите внимание на них:

Цуба михъирлияд
Цуб арцла магІдан,
Цуб набтла цІа сади
Айс дила чархлид.

Или же:

Диккайра се садей
Пана дунеллед,
Парижла улкалед
Панарла чирагъ.

Но в поэзии Зияутдина-Кади мы встречаем и новаторские изобразительно-выразительные средства.

Редко, кто из даргинских дореволюционных поэтов мог так своеобразно описать любимую:

Стройное твое тело сладко,
Как сахарный тростник,
Любовь к тебе заставила
Забыть все вкусы на земле¹⁵.

(Подстрочный перевод).

сравнить ее с:

Яхонтовым узором украшенный,
Самовар из желтой меди¹⁶.

(Подстрочный перевод).

14 Заблис эргъи башул
 Ранг-рангла зурхІяб,
 Ранг-рангла мадулгад
15 ХІуни наб цІяб хІяб.
 Чакарла ттулттаван
 ЧугІебсе ххамхха,
 Музудихъ хъумІарту
 Пала диккайла.

16 Там же, стр. 49.
 Якьут чедилКІунил
 ДухъутІ самавар.
 Там же, стр. 51.

назвать ее:

Светящим фонарем
Города Парижа¹⁷.

Среди даргинских дореволюционных поэтов Зияутдин-Кадди занимает особое место. Его творчество свидетельствует о том, что в самой религиозной среде происходила борьба. С одной стороны, он автор произведений, насквозь проникнутых мистицизмом, с другой стороны — он лирик, чьи стихи до краев переполнены земными чувствами.

17

Парижла улкалед
Панарла чирагъ.
Там же, стр. 49.

РАБАДАН НУРОВ

1889—1942 гг.

Творчество поэта-революционера Р. Нурова не укладывается в одном жанре литературы. Он проникновенный лирик и один из основоположников советской даргинской драматургии. «Айшат в когтях адата» и «Разоблаченный шейх», автором которых является Р. Нуров, — первые пьесы в даргинской литературе.

За годы творческой деятельности Нуров создал много лирических стихов, отражающих сложные вопросы времени. С его приходом в литературу связано и появление нового вида поэзии — пейзажной лирики.

Рабадан Нуров родился в 1889 году в селе Санамахи Даргинского округа (ныне Левашинский район), в семье крестьянина-середняка. Первоначальное образование он получил в медресе. Юношей ему пришлось оставить родной аул и отправиться на поиски работы. Он испытал всю тяжесть труда и лишений наемного рабочего. Здесь и решился вопрос, с кем быть, определилось его классовое мировоззрение. Навсегда он остался с теми, кто отдал жизнь народу.

Нуров становится большевиком, членом революционной подпольной организации. За активную революционную деятельность Нурова подвергают преследованиям, аресту. Три года он провел в царской тюрьме (1914—1917 гг.). После освобождения Нуров возвращается на Майкопские нефтяные промысла. Рабочие его избирают вначале членом исполнительного комитета, а затем его председателем.

С 1918 года Рабадан Нуров — вновь в Дагестане и вместе с дагестанскими революционерами принимает активное участие в борьбе за Советскую власть.

Когда Советская власть временно пала, Р. Нуров ушел в подполье и готовил горцев Даргинского округа к восстанию против Деникина. В ущелье Ая-Кака горцы под руководством

Р. Нурова и О. Османова одержали блестящую победу над белогвардейцами. С этого времени Р. Нуров в качестве командира партизанского отряда принимал активное участие в борьбе против внутренней и внешней контрреволюции¹.

За боевые заслуги Р. Нуров был награжден орденом Красного Знамени.

После установления Советской власти Р. Нуров работает на различных ответственных должностях. Он председатель исполкома вначале Гунибского, а затем Даргинского округов, управляющий Дагестанского государственного издательства, директор сельхозинститута.

В период культа личности Р. Нуров подвергся репрессиям и творческая деятельность его прекратилась.

Незаслуженно забытый, вычеркнутый из истории революции и гражданской войны, из даргинской литературы, Р. Нуров сейчас обретает как бы второе рождение. Он реабилитирован и его произведения возвращены народу.

Однако творчество Р. Нурова должным образом еще не изучено. Нет ни одной монографии, посвященной жизни и литературной деятельности Р. Нурова. Мы располагаем только небольшими журнальными и газетными статьями о нем².

Первая книга стихов Р. Нурова, ставшая теперь библиографической редкостью, издана в 1920 году. В 1928 году Даггосиздатом издана его пьеса «Айшат в когтях адата». В 1933 году были отдельными сборником изданы его стихи, посвященные гражданской войне в Дагестане.⁴ В 1934 году — две пьесы «Гнет» и «Разоблаченный шейх».⁵ Был издан также и сборник его избранных стихов.⁶ Отдельные стихотворения Р. Нурова вошли в «Сборник даргинских стихов»,⁷ в антологию даргинской поэзии.⁸ Первый сборник стихов Р. Нурова на русском языке был издан в 1936 году.⁹

Последний сборник стихов Р. Нурова был издан Даггизом в 1960 году.¹⁰

¹ Борцы за власть Советов в Дагестане, Махачкала, 1957, стр. 48.

² Э. Капиев, Р. Нуров. Неизданное. Даггиз, 1959, стр. 130—133; М. Р. Расулов, Поэт и драматург. «Гьалмагъдеш», № 1, 1962; З. Абдуллаев. Р. Нуров ла назмуртала жузличила. «Колхозла байрахъ» от 9 июня 1960 г. и др.

⁴ Р. Нуров. Граждан дургъбала хIякьицидсне дучIбе, Дагъгиз, МахIячкъала, 1933.

⁵ Р. Нуров. Зулму. Дагъгиз, МахIячкъала, 1934; Р. Нуров, Пучиуб шейх, Дагъгиз, МахIячкъала, 1934.

⁶ Р. Нуров. ЧеддичIб дучIбала жуз. Дагъгиз, 1934.

⁷ Даргала назмуртала жуз. Дагъгиз, 1935, стр. 52—61.

⁸ Даргала поэзияла антология. Дагъгиз, МахIячкъала, 1958, стр. 73—78.

⁹ Р. Нуров. Стихи, М., 1936.

¹⁰ Р. Нуров. Назмурти, МахIячкъала, 1960.

Ранняя поэзия Р. Нурова возникла под сильным воздействием фольклора. Он вводит в свои стихи фольклорные приемы и образные средства, отдельные отрывки произведений, подчас не подвергая их изменениям. В одном из первых стихотворений «Тоска в груди» (Урчи кыакала) 1910 г. им введено широко известное в даргинском фольклоре так называемое «завещание» влюбленных.

Когда будете саван мне шить, портные,
Шейте так, чтобы на шее было тесно.
Шея моя, что не была обвита ни разу
любимой,
Пусть хоть саваном будет обхвачена покрепче³.
(Подстрочный перевод).

Первые произведения автора были близки народным лирическим песням. В центре внимания поэта большей частью горянка с ее переживаниями и думами. Почти всегда ей не удается выйти замуж за любимого. Ее счастьем мешает социальное неравенство; ее выдают замуж за старика. Такой жизни она предпочитает смерть.

В ранних произведениях Р. Нурова очень много сравнений и традиционных эпитетов: «индийская куропатка» (гындустан кяхъба), «индийский виноград» (гындустан тутин), «финиковое дерево» (чимистаг чалга), «ясный месяц» (шала бац), родник из шербета (шарабла иниц), стан стройный, как первая буква арабского алфавита (алипла хамхха), губы тонкие, как лист корана (шагърустан кагъарван дукIулти кIунтI-би) и многие другие.

Это, однако, не значит, что Р. Нуров не выступает как самобытный поэт. Наоборот творческое переосмысление фольклора помогло ему сформироваться как поэту-реалисту.

Интерес в этом отношении представляет стихотворение Нурова «Жалоба девушки» («Рурсила щикаят»). В даргинском фольклоре есть песня, в которой повествуется о том, как дочь просит мать не выдавать ее замуж за нелюбимого. Горянка подавлена и беспомощна. Она полностью подчинена родительской воле, но все еще верит, что сможет уговорить родителей не выдавать ее замуж за нелюбимого и обращается к матери с просьбой не губить ее. В произведении Р. Нурова «Жалоба девушки» та же тема. Но перед читателем встает уже образ горянки, вступающей в борьбу за свое счастье против старых жестоких порядков, которые мешают ей самой

решить свою судьбу. Нелюбимый напоминает ей черного паука (цIуттар хьисхъа) и ядовитую змею (загьрулла чIичIала). И она предпочитает скорее умереть, чем жить с ненавистным ей мужем. В ее обращении к матери:

Не наводи меня, мать,
На мысли грустные,
Не говори мне про того,
Кто мне ненавистен.

Не давай, чтобы мое сердце съела
Жгучая, как иней, змея,
Не давай, чтоб выпил мои глаза
Черный, как ночь, паук¹¹.

подчеркнута ее решимость бороться за свое счастье.

В этом герое-черты нового человека, вступившего в конфликт со старыми предрассудками. Поэт переосмысливает здесь традиционный обычай: уважение к старшим. Горянка выступает против «отцов», когда их взгляды расходятся с моралью нового времени.

Лирика Нурова глубоко человечна. В сознании поэта жила мечта о счастливом человеке, о жизни кипучей, созидательной, в которой человек предстанет во всем своем величии.

Человек с гордо поднятой головой — идеал поэта. И хотя открыто поэт этого высказать не мог в тех условиях, он создавал свою любовную лирику.

Лирический образ, созданный Нуровым, полон страстной жизнеутверждающей силы, солнечной радости, восторга и пыла. Порой мечты поэта сталкивались с безжалостной реальностью и тогда возникал конфликт трагичный, но не пессимистичный.

Любовь у Нурова чувство свободное, а девушка, которую он любит, становится символом свободы.

Так в стихотворении «На теле стройном твоём» («ГIалаван чIугIебсе чарх гIабажибда») передано настроение человека, впервые ощутившего большое чувство любви. Любимая представляется автору и в виде «блестящего камня», и «белым жемчугом», и «перламутром» и «волшебной феей». Но первые восторги и удивления, вызванные фантастическими яв-

лениями, сменяются постепенно реальными конкретными деталями, образными сравнениями. Он замечает туго заплетенные косы и проворные пальцы, что, «накручивая на веретено нити, сукно для черкески ткут».

Произведение представляет интерес не столько проявившемся в нем образом горянки, сколько общим настроением лирического героя, в котором живет вера в возможность обрести желанное счастье. И если у даргинских дореволюционных поэтов ощущается тревога, сомнения, а порой неверие в возможность избавления от тягот жизни на этом свете, то у Нурова в стихах звучит вера в радостное бытие, в победу добра над злом.

Оптимистическая и гуманистическая направленность поэзии Нурова прослеживается и в стихотворении «Умру ли, не достигнув цели» («Мурадле гадегъиб улххадай», 1910 г.), названная переводчиком В. Бугаевским «Родник». Пафос произведения в утверждении величия человека, способного увидеть в жизни прекрасное и возвышенное. Ряд пейзажных зарисовок способствуют углублению психологизма произведения в передаче человеческих переживаний.

Перед читателем предстает радостный, освещенный лучами солнца горный пейзаж:

И стремительный и звонкий,
По аулу ключ бежит...
Светлой влагой он сверкает,
И твержу я о тебе.

Рассыпаются, играя,
Брызги ключевой воды...
Не засохнет ключ, покуда
Жажды я не утолю.
В темной зелени сверкая,
Виснут спелые плоды...
Не завянет лист, покуда
Голода не утолю¹².

(Перевод В. Бугаевского).

¹² Нуров. Стихи. М., 1936, стр. 5.

Никласе шилищед
Шарабла иниц,
Ца глу гьаберттибла
Урчи гаятте.
Шилла музалидил
Шарабла иниц,
Ду шинне уччара
Дайкъ дичисвара?
Иницла музалед
Чимистаг мархӀя
Дале сердаркъара
Кадерсисвара?

Даргала назмуртала жуз, стр. 60.

Посмотрите, сколько здесь света и красок, передающих настроение человека. Ручей стремительный и звонкий, влага в нем светлая и сверкающая. Брызги ключевой воды рассыпаются, играя. Плоды поспели и они сверкают. Человек мог бы быть счастлив, наслаждаясь красотами жизни. Он тянется ко всему прекрасному и возвышенному, верит в разумное и светлое начало. Его веселое бодрое настроение согревается большим и чистым чувством к такому же чистому существу.

Гармония человека и природы — основной мотив, пронизывающий все произведение. Прекрасна природа, — прекрасен и созданный ею человек. Необыкновенна красота возлюбленной: «она затмит почесть, знатность и богатство». Ее стан прямей кипариса. Она красивей спелых плодов пальмы.

Читая эти строки, создается впечатление, что герой нашел себя, свое счастье, свою путеводную звезду. И вдруг появляются финальные строки:

Сладкоструйными ключами
Жажду утолить хотел:
Много дней меня манила,
Но напиться не дала.
Пальмы спелыми плодами
Я насытиться хотел:
Много дней меня морила
Голода не уняла¹³.

На первый взгляд может показаться, что эти строки не вяжутся со всем предыдущим повествованием. Но это не так. В том то и сила Нурова — реалиста, что он показывает, как нарушается гармония человека и среды в мире, где господствует социальное неравенство. Стих «Род твой знатен и богат» дает ключ к раскрытию идейного замысла произведения: Чем больше вчитываемся в строки «Родника», тем становится ясней, что поэт стремился показать гармонию человека и природы. Не может быть личного счастья, когда нет свободы — таков вывод, к которому подводит Нуров.

Эти мысли навлекли и воспоминания о печальной судьбе влюбленных и в другие времена. Тогда поэт обращается к образам Тахира и Зухры, Лейлы и Меджнуна. Надо сказать, что Нуров первый вводит в даргинскую литературу эти образы. Повествуя о печальной судьбе Тахира и Зухры, Лейлы и Меджнуна, так и не познавших радость свободной любви, показывая их печальные судьбы, поэт как бы подчеркивает трагизм положение человека настоящего. Произведение звучит,

¹³ Р. Нуров. Стихи, М., 1936.

как призыв к освобождению, призыв к тому, чтобы не повторилась история прошлого. В нем протест против тех, кто сковывает свободу личности.

Уже в ранних произведениях Р. Нурова любовные мотивы начинают звучать, как социальные. В стихотворении «Тоска в груди» («Урчи кьакьале») любовные переживания даны в другом аспекте: поэт повествует о тяжелой жизни на майкопских нефтяных промыслах, где ему пришлось работать чернорабочим. Вот они живые картины подневольного труда:

Грустно мне и тяжело,
Находясь на майкопских горах,
В ожидании ответа на письмо,
Что я любимой написал.

Трудно, очень трудно
На работе, где нефть добывают,
Куда не поступают письма,
Куда не приходят вести.

Не видя любимую свою,
Не ведая о жизни в родном краю.
И днем, как ночью, черны
Майкопские красивые горы¹⁴.

Читая эти строки, перед нами встает образ горца, оторванного от родных, от родины. Здесь удивительно красивая природа, но жизнь настолько тяжела, что «и днем, как ночью, черны Майкопские красивые горы». Нет предела людским страданиям.

Лирический герой этого произведения сильный в труде и мужественный в борьбе. Он поднимает свой голос против существующих порядков, за что и был посажен в царскую тюрьму.

ХІябра кьакьале левда
Майкупла дабурлицев,
Риккайла хабар делкун
ГагІунне цІуба кагъар.
ХІябра язухъле левда
Щуттар набтла мягІданнев
Кагъарра гадахуле
Хабарра дагІаккарле.
Риккайра гІаригуле,
ХІял-хІукму гІадалхунне,
Дуччилиргъар цІябле сад
Майкупла къугъа дабур,
Щалиргъар дуцІарле сад
Щуттар набтла мягІдунте.
Там же, стр. 53.

Словно пламя огня, тебя окружают
На промыслах, где нефть добывают,
И на сердце тяжело, как будто
Ты вновь в царской тюрьме¹⁵.

Вопросы, поставленные в данном стихотворении, свое дальнейшее развитие получили в последнем дореволюционном произведении Р. Нурова «Три года» (ХІябал дус) 1914 г.

Как уже отмечено, Р. Нуров, работая на майкопских нефтяных промыслах, участвовал в революционных выступлениях рабочих, за что и был арестован.

В произведении «Три года» изображены годы, проведенные поэтом в царской тюрьме. С этой точки зрения стихотворение носит автобиографический характер, но оно далеко выходит за рамки биографии. Поэт в нем поднимается до обличителя общественного строя. Он понимает, что царизм, угнетающий народы, общий враг всех трудящихся, и русских и дагестанцев. Царизм довел народ до нищеты и бедствия. Единственный выход из такого положения — революционное преобразование — таков вывод, к которому подводит поэт.

Пафос произведения в утверждении народа, как основной движущей силы истории. Мотивы недовольства старой жизнью слышатся почти у всех дореволюционных поэтов (Батырай, Сукур Курбан, Мунги Ахмед, Зияутдин-Кади). В постановке этого вопроса Р. Нуров идет дальше. Он не ограничивается констатацией фактов, а доводит до призыва к уничтожению царского самодержавия. В этом и заключается сила стихотворения «Три года». Говоря об этом произведении, необходимо отметить благотворное влияние на Р. Нурова великих русских революционных традиций. Его умный и храбрый борец, отстаивающий счастье своего народа, был рожден революционной Россией.

В стихотворении «Три года» предстают два образа: горянка и лирический герой.

Образ горянки мало чем отличается от фольклорного. При создании его поэт пользуется традиционными образительными средствами: у нее черные глаза (цІудара хІулби), ясный лоб (шаласи анда), жемчужные зубы (цулби цІуб маржанна), губы тонкие, как лист корана (шагърустан кагъ-арван дукІулти кІунтІби), голова ястребиная (къярчигъгала беКІ), сахарная грудь (михъири чакарла) и др.

Новаторство поэта сказалось в создании образа лирического героя, выражающего мысли передового человека эпохи. Он политически созрел и понимает, что его долг служить народу, бороться за его счастье. Вот строки, написанные Р. Нуровым в 1914 году:

Будь проклят этот русский царь,
Пусть царский трон падет,
Пусть скинет и богов алтарь,
И произвол, и гнет!¹⁶

Эти мысли автора несомненно навеяны революционной Россией. Герой Р. Нурова понимает, что кроме царской, колонизаторской России существует и Россия русских революционеров, Россия простого русского народа. А царское самодержавие — общий враг горцев и русских.

Герой Р. Нурова это уже новый образ, порожденный временем, не смиренный и покорный судьбе человек. Этот герой шире смотрит на жизнь, он рвется на простор, мечтает о свержении власти насилия, которая несет столько бед народу.

Новаторство поэта сказалось и в самой «лепке» образа. Перед читателем предстает человек, оторванный от родины, близких и любимой. В изображении настроения, хода мыслей, рассуждений с самим собой поэт достиг высокого мастерства. Вчитайтесь в отрывок. Здесь герой со своими переживаниями, думами о родине, о любимой дан в реалистическом плане. Поэт вникает во внутренний мир его и передает тончайшие оттенки его переживаний:

Шагаю от стены к стене,
И думаю о ней,
И от воспоминаний мне
Тоскливей и тесней.

И сердце все сильнее горит
Пурпуровым огнем,

И все один и тот же вид
За узеньким окном¹⁷.

Здесь правдиво переданы и трагедия одиночества, и чувство любви, которая помогает человеку жить.

Р. Нуров создает и реалистически предметные картинки. Вдали от родных мест герой не перестает думать о горах, которые так близки ему:

Я из окна своей тюрьмы
Гляжу в степной простор.
За гранью луговой каймы
Белеют цепи гор.¹⁸

Природа в творчестве Р. Нурова гармонирует с настроением героев, подчеркивая их переживания:

Взгрустнула туча над травой,
Над буйным ковылем
И с музыкою грозовой
Расплакалась дождем.

И стала ярче зелень трав
И пестрота цветов.

17

КъунзикIес кайрусра
Къакъа туснакълав,
Игули цIакъ цIали
Чакарла уркIи
УркIилизирти цIа
Дишахъес или.
Сагали хIеръирис
Гъарза авлахъле
Гуррара чедиур
Байгъи шиниш къар.

Р. Нуров. Назмурти, Дагъгиз, 1960, стр. 10.

18

Туснакъла улкъайчи
Ну тIашилзасра,
ХIеръирисра нунн
Дянг-авлахъличи.
Авлахъ кIапбуцили
Берхъиб шиниш къар,
Чедиур къарлизир
Ранг-рангла вавни.
Там же, стр. 7.

Плывут на солнце, заиграв,
Обрывки облаков¹⁹.

Создание Р. Нуровым конкретных картин, особенно картин природы, является новаторством в даргинской дореволюционной литературе.

В стихотворении встречаются элементы символики, которые помогают более полному раскрытию образов. Поэт дает образы своих голодных братьев, братьев-сирот. Эти образы символизируют пробуждающийся народ.

Обилие эпитетов, сравнений, приемы повтора, контрастные сопоставления и другие средства художественного изображения способствуют гибкости, плавности стихов Р. Нурова. Его стихи доступны всем даргинцам. Для его стихов характерна простота без упрощенства.

Итак, Р. Нуров явился одним из зачинателей даргинской письменной литературы. В его творчестве впервые воедино соединились любовная и гражданская лирика. Большое влияние на его поэзию оказало устное народное творчество. Заимствуя все лучшее из фольклора, поэт создал реалистическую поэзию, в которой нашли отражение социальные вопросы времени.

Большое политическое значение приобрел созданный поэтом лирический образ, воплощающий в себе передовые идеалы эпохи.

Р. Нуров — первый дагестанский поэт, создавший пейзажную лирику. Картины природы, созданные Нуровым, служат более глубокому раскрытию внутреннего мира человека.

Язык и поэтика стихов Нурова отличаются от поэзии его предшественников. Он писал стихи на цудахарском диалекте даргинского языка. Особенности этого диалекта (обилие генинированных согласных и долгих гласных) делают произведения Р. Нурова особенно звучными.

Баягъи шиниш кьар
ХӀунтӀена берхӀили
ЦӀухкадиркьули,
Милигла цӀакьдешли
Сари дурьули.
Кьарличи уркӀеци
Чула духьунти
Зубри капкадариб
ЦӀудар дирихьма,
ЧахӀ или чедашар
Цакамти чахӀизаб;
Кьугьали гӀашдилзан
Шинишати кьар.

Там же, стр. 10.

Р. Нуров был уроженец Цудахарского района, откуда происходил и певец Сукур Курбан. И Нуров высоко ценил своего земляка-учителя. «Без Курбана, моего уважаемого и любимого учителя, не было бы из меня поэта»²⁰ — часто говорил он в кругу своих друзей.

Гражданский пафос поэта, его смелое вторжение в жизнь — гуманизм и оптимизм — черты, столь характерные для реалистического искусства, были подхвачены даргинскими советскими поэтами.

²⁰ Записано со слов К. Магомедова.

АЗИЗ ИМИНАГАЕВ

(1896—1944)

С именем Азиза Иминагаева связано развитие сатирического направления в даргинской дореволюционной литературе.

Критическое осмысливание действительности позволило поэту правдиво отразить классовые противоречия времени. На примере жизни даргинского аула он раскрывает типичные явления действительности.

Творчество Иминагаева обогатило дагестанскую литературу сатирой и первым произведением о тяжелой жизни рабочего.

Азиз Иминагаев¹ родился в селении Аймау-Махи Сергокалинского района, в бедной крестьянской семье. Его родители, мечтая сделать из сына служителя мечети, отдали мальчика учиться в медресе. Религиозная покорность и смирение, которые стремились там привить ученикам, вступили в противоречие с веселым и озорным нравом будущего поэта. Но ученье в медресе для Иминагаева не оказалось бесплодным. Он изучил здесь правила шариата, но не для того, чтобы стать муллой, а чтобы разоблачать это учение, бороться против него. Он обладал незаурядным поэтическим талантом, живым, острым умом.

Первая полудетская попытка сочинить песню была связана с системой наказания учеников в медресе. О мулле, который любил бить по рукам своих непослушных учеников, рассказал Иминагаев в своем первом четверостишии:

У тебя большое старанье
Бить нас по рукам,

¹ Биографические данные взяты из предисловия составителей (Х. Сулейманов, Г. Османов, З. Абдуллаев) всех трех сборников А. Иминагаева.

Если еще раз ударишь,
Пусть отсохнут твои руки.²

(Подстрочный перевод).

Молодые годы будущего поэта прошли в бедности.

Убогая жизнь деревни заставляла безземельных крестьян спускаться на заработки с гор на равнину. А. Иминагаеву, подобно Р. Нурову, пришлось в поисках работы побывать в городах Дербенте, Кизляре, Петровске, Грозном. И всюду он был свидетелем жестокой эксплуатации и несправедливости. Будущий поэт работал наемным рабочим. Эти трудные годы не прошли бесследно для него: они были школой мужания поэта.

Тяжелая жизнь наемного рабочего послужила темой для стихотворения «Жизнь рабочего» (1911), которое имело большое значение не только для даргинской, но и для всей дагестанской литературы.

С первых же дней Великой Октябрьской социалистической революции поэт принимает активное участие в строительстве новой жизни. А в годы гражданской войны он — в первых рядах борцов за Советскую власть.

В годы мирного труда А. Иминагаев работает учителем, одновременно занимаясь литературной деятельностью. Когда уже начала выходить литературная газета на даргинском языке (1925 г.), поэт переходит на работу в редакцию. В 1941 году поэт меняет перо на винтовку. Но ему не пришлось увидеть победу. На фронте А. Иминагаев заболел, вернулся домой и через три месяца скончался (1944 г.).

Первый сборник стихов А. Иминагаева «Голос сердца»³ был составлен Х. Ш. Сулеймановым и издан в 1941 году, второй⁴ — Г. Османовым в 1954 году. Последний,⁵ более полный — З. Абдуллаевым (1959 г.). Составители второго и третьего сборника написали к сборникам предисловия.

Ранние стихотворения А. Иминагаева — поэтические четверостишия относятся к 1910 году. Они носили сатирический характер. Уже в этих юношеских произведениях поэт с необычайной смелостью разоблачал служителей мечети. Он рано стал подмечать уродливые стороны жизни духовных лиц и не мог равнодушно пройти мимо корыстолюбивых и лицемерных мулл, которые «в хитрости подобны шайтанам» («чу-

ла чурхразир сари шайтунтала г'ямулти») и думают только о личной выгоде. Их жадность переходит все границы нравственности. Они не только «стараятся обокрасть бедняков» («Халкыла мискин деш бирквис бируцад к'айг'и бик'у»), но даже из смерти человека пытаются извлечь выгоду, их не трогают слезы сирот. В ряде стихотворений поэт прибегает к гиперболизации. Этот широкоизвестный сатирический прием позволяет автору реальной очертить отрицательный образ. Читая четверостишие:

Они присваивают себе
Имущество умершего,
Уносят даже одежду,
Заставляя плакать сирот.⁶

Мы себе ясно представляем алчного муллу. В каждом четверостишии подчеркивается какая-либо одна отрицательная черта, все вместе они создают реалистический портрет служителя ислама.

Поэт пародирует религиозные обряды, реалистически изображая жизнь тех, кто

«Переходят из аула в аул,
Чтобы покушать, попить».⁷

Четверостишья подготовили поэта к созданию большого сюжетного произведения, в котором уже был создан обобщенный сатирический образ служителя религиозного культа.

В произведении «Ишки», написанном в 1912 году, автору удалось показать мерзкого, разложившегося типа, представителя эксплуататорского класса. Стихотворение — правдивый рассказ о мулле, потерявшем человеческий облик.

«Ишки» — кличка муллы Магомеда из села Урахи, который после некоторого уединения объявил себя шейхом, заявив, что ему известны божьи тайны, что по ночам к нему являются ангелы, которые приносят ему райские кушанья, и что он поднимается на небо к аллаху с разными просьбами. Темные аульчане, поверив обманщику, приносят ему подарки — так завязывается сюжет произведения.

6

Ибк'урала мас бука
Бисух'ули ятимти.
Арди ху чархла палтар
Ваг'и ибк'или х'ал'унти.

А. И м и н а г а е в. Даг'гиз, Мах'иач'кала, 1959, стр. 110.

7

Букис, бужис арбашар
Шилизи, мах'илизи.
Там же, стр. 109.

В нем шаг за шагом раскрывается вся внутренняя суть этого шейха. Если из первых строк мы узнаем, что жажда обогащения является целью жизни Ишки, то в последующих предстает заверченный проходимец. Для более глубокого раскрытия образа поэт вводит следующие детали: посещая духовные места, Ишки крадет ковры, войлок. Нередки случаи, когда из его дома извлекают краденые мечетские вещи. Стяжательство доводит его до того, что он готов обокрасть даже родных братьев и сестер. Под видом назру (религиозный акт) он лишил их имущества, захватив наследство родителей. Озлобленный брат убивает ненасытного Ишки со словами: «Ты можешь наесться только землей» («ГІянжилехІи ахІулкѣадра хІу или»).

Обращает на себя внимание и сам автор, выражающий мысли передового горца. Он не сторонний наблюдатель, а человек, страстно заинтересованный в победе разума над тьмой. Кропотливо и настойчиво он разъясняет вред религиозного дурмана. Поэт не «прямо в лоб», а очень тонко вскрывает несостоятельность религиозного учения о райской жизни на том свете. Его оценки действий «новоявленного шейха» носят подчас прямой публицистический характер.

Иронизируя над простаками, доверившими свою судьбу проходимцу, поэт вместе с тем сочувствует горцам и стремится их вывести из заблуждения. Отцовские наставления, пожелания добра народу перемежаются с гневными обвинениями в адрес той реакционной части мусульманского духовенства, которая держала горцев в повиновении, отвлекая от политической борьбы, затуманивала их сознание.

Различные формы повествования придают большую живость языку и способствуют углублению психологизма в передаче характеров героев.

По своей идейной направленности, системе образов «Ишки» близка к системе образов, которую создал задолго до него аварский поэт Г. Цадаса.

От обличения отдельных образов служителей церкви поэт переходит к отрицанию всего схоластического учения ислама.

В стихотворении «Что сделал мулла с Мусой» («Малаани Мусас се бариба») автор разоблачает реакционные методы обучения в примечетских школах, которое велось на непонятном для детей арабском языке. Обучение проходило таким образом: мулла вслух читал Коран, ученики, не понимая значения, повторяли за ним слово за словом и механически вызубривали не имеющие никакого жизненного значения суры корана.

Или такая живая картинка предстает в стихе:

Из аула, что сплетен был, как пчелиные соты,
Слышно было постукивание мастеров,
Прерываемое иногда сумасбродным криком —
«Алипла кибли а... убли и...»⁸

На смену ей приходит другая:

В холоде, дрожа, проводили дни
И каждый день мулла избивал детей⁹

Картина жизни детей в медресе — одна из удач автора. В этом отношении поэт следовал реалистическим традициям представителей устной литературы. Намеченные Батыраем, Сукур Курбаном и Мунги Ахмедом отдельные зарисовки из быта народа помогли Иминагаеву-сатирику создать завершённые картины из жизни молодого поколения, обучающегося в медресе. Это было шагом вперед в овладении реалистическим стилем письма.

Расширяется и углубляется в «Что сделал мулла с Мусой» и образ слугителя ислама. Для обрисовки его автор находит все новые и новые краски. Если в предыдущих произведениях реакционное духовенство рисовалось алчным, жаждущим наживы чего бы это ни стоило, то в данном образе подчеркнута еще и бесчеловечность их, доведенная до крайних ее пределов.

Что может быть более жестоким, чем то, что описывает Иминагаев:

Безжалостный и жестокий мулла, ткнув палкой в глаз, ослепляет Мусу. А жена муллы, как бы злорадствуя над горем маленького Мусы, объясняет это божьей волей («Аллагъла къадарну шивирхи или»).

Сильное воздействие на читателя оказывают и те строки, где поэт говорит о родителях Мусы, кротких, бедных горцах, которые молча глотают слезы.

В основу этого стихотворения был положен реальный факт. До сих пор живы свидетели этого гнусного злодеяния.

В данном произведении, в отличие от предыдущих, сатира окрашена лиризмом. В нем лирический герой выступает заботливым отцом и наставником. Мы слышим его участливый голос, ясно представляем себе человека гуманного, страстно

8

Мирхъила шалион билшунил шила
БухІнабад тІамари устнела къутІла
Ургади иргъулли ца абдал яввела —
Алипла кибли «а» убли «и» или.

Там же, стр. 70.

9

Дугляан бубкІули дуркІули бурхІни.
БархІилис маллаан итулли дурхІни.

Там же, стр. 71.

заинтересованного в изменении всего уклада жизни. Проблеме просвещения он рассматривает как звено в общей цепи социальной жизни. Вот почему гуманистические и просветительские взгляды поэта образуют одно целое.

Забываясь об эстетическом воспитании подрастающего поколения, поэт страдал от сознания того, что старшее поколение уже искалечено. И ему видится то прекрасное завтра, в котором человек займет достойное место.

Образ мальчика Мусы не дан в развернутом плане. Но все события концентрируются вокруг него. Стихи о переживаниях родителей Мусы и о жизни самого мальчика — это лирическая исповедь страдающего горца, стремившегося всего себя отдать служению народу.

Совершенно в другом аспекте раскрыты злодеяния религиозных лиц. В этих стихах лирический герой перед читателем предстает как судья, обличитель религиозного дурмана.

Итак, описывая отдельные факты, поэт создает обобщенные образы прислужников мусульманского духовенства и выступает против темных сторон жизни аула. Иминагаев выносит суровый приговор мусульманскому духовенству, которое помогало имущим держать народ в темноте и невежестве.

В 1914 году Иминагаевым было написано стихотворение «Судьи» («Судьяби»). Оно носит ярко выраженный протест против взяточничества. Развивая дальше реалистические традиции в создании отрицательных образов, Иминагаев создает правдивые типы судей-взяточников.

Удивляет бесстрашное мужество поэта. Не так-то легко было в те годы выступить открыто с критикой судей или религиозных лиц. Прототипами произведения «Судьи» явились реально существующие лица. Здесь и судья Султаммут, который стремится получить большую взятку, и судья Амази — всем известный обманщик, «на лице которого нет ни капли стыда» («Агу сунна гъеч дяхИлизир уризи»), и судья Ибра, безучастный к чужому горю. Излюбленным его вопросом является: «А что я буду от этого иметь» («Нам аголла гъишдилис рушбат»). И судья Багомед, которого поэт прямо называет отъявленным жуликом («Симсир жулик Адалайла БахИямед»). Обобщая все сказанное о них, поэт писал:

Судьи коварны и очень жадны,
Ходят в аулы и хутора — ищут,
Не пригласит ли кто-нибудь в гости,
Чтобы прихоть живота удовлетворить.¹⁰
(Подстрочный перевод)

10

Судияби сари гъар макрулизиб,
КъунзбикIули шилизиб, махъурбазиб,
Кумми дахис мурталла къайгъилизиб,
«АхIисара нуша духъсил-или.

Там же, стр. 32.

Заостряя и преувеличивая отрицательные черты образа, поэт создает комические сцены, в которых обнажаются проделки судей. В одной из них говорится о том, как сами судьи ищут повода, чтобы придрататься к честному человеку и путем шантажа забрать у него последние средства. В другой показана связь судей с богачами и как, объединяясь, они совместно грабят народ. В этих исполненных драматизма сценах поэт рассказывает о тяжелой, безрадостной судьбе горца.

Глубоко трогательно начало стихотворения, где описано горе простого бедняка:

Страшная беда нависла над аулом,
Горе тревожит сердца людей,
Ни беда и ни горе людей судей не тревожат,
Если только им взятка будет дана.¹¹

Сколько в этих строках (русский подстрочник не полностью передает оттенки) горя и боли поэта в связи со страшным злом, царящим в ауле. Какая сила протеста против врагов простого люда.

Произведение «Судьи» — это и стихотворный памфлет, и лирическое раздумье. В нем, как и в предыдущем произведении, выступают два образа, дополняющие друг друга. Один из них — обвинитель, грозный судья произвола и деспотии, другой — гуманист, сын народа.

На первый взгляд может показаться, что основным действующим лицом является судья-взяточник. Но, вчитываясь в произведение, мы замечаем, что истинным героем, судьей, обличающим весь общественный строй, является представитель народа, который предсказывает будущее народу, восставшему против своих угнетателей.

Суд истории, суд народа — таков олицетворенный образ главного героя произведения. Лжецам, хитрецам и обманщикам грозит заслуженная кара народа — таков вывод, к которому подводит автор в произведении «Судьи».

В последней строфе поэт, используя прием устной народной поэзии, обращается к жителям аула Урахи с восклицанием:

Что это избрали в ауле самых плохих,
Или остальные тоже такими должны быть?

Неужели до смерти нас не избавят они,
Подумайте же наконец, жители Урахи.¹²

Здесь обличающий голос поэта достигает своего апафеоза. Стих «Подумайте же наконец, жители Урахи» — это прямой призыв к борьбе с врагами.

Истоки сатирических стихов А. Иминагаева уходят вглубь даргинского фольклора. У даргинцев много песен, сказок, пословиц и поговорок, высмеивающих алчность, жадность, притеснителей народа.

Близки к народной поэзии и художественно-изобразительные средства, которыми пользуется в своих стихах поэт.

Стремление к острому афоризму — характерная черта стихов А. Иминагаева. Язык насыщен оборотами народной речи, пословицами и поговорками.

Поэт прекрасно владеет искусством даргинского стихосложения. Он пользуется семисложной строкой, где рифмуются вторая и четвертая строки:

Супнела хІял-гІямулти
Дурихъаяго дизи:
Букис, бужис арбашар
Шилизи, махъилизи.

Большая часть дореволюционных антирелигиозных стихов А. Иминагаева написана по традиционной форме религиозного стихосложения: четырехстрочная строфа, где рифмуются три первые строки. Внешне стихи А. Иминагаева очень напоминают стихи религиозного поэта Абдуллы Гаджи.

У А. Иминагаева:

Адаан вявъили неш дакІхъибну,
Маллачу дилара вагІда либилну
Дукъанго, хъунул, хІу Муса ухъану,
Хъарвакъа маллаши учІхъин или.

У Абдуллы-Гаджи:

Алжанализибад хабар буришав,
Бигантала уркІурби шаддакъишав,
Муъминти либъибил гІяшикъ бакъишав,
ГІяшикъли шарабли бужихъис, аллагъ.

Займствуя форму стиха, Иминагаев вкладывает в него новое содержание. Абдулла-Гаджи поет гимн богу и раю, а А. Иминагаев выступает ярким противником религиозного фанатизма, темных проделок слугителей ислама. Кроме того, Иминагаев ищет новые темы, новые прообразы и эти поиски небезуспешны. Уже в его сатирических стихах начинает вырисовываться положительный герой времени.

В 1911 году поэтом было написано стихотворение «Жизнь рабочего» (Ялчила гЯмру), в котором он делает попытку создать образ рабочего. По сути дела, А. Иминагаев является одним из первых дореволюционных поэтов, затронувших тему тяжелой жизни рабочего класса.

Стихотворение представляет собой суровый рассказ о тяжелой жизни рабочих. Образ взят из реальной, окружающей поэта действительности.

Убогая жизнь деревни заставляла безземельных горцев спускаться на заработки в разные города. И сам Иминагаев, как уже было сказано, подобно многим беднякам, был наемным рабочим в Кизляре, Дербенте, Петровске и других городах. Он ел с ними один и тот же хлеб, пил одну и ту же воду, получал скудную зарплату. Поэт был свидетелем жестокой эксплуатации и несправедливости, невыносимых условий работы. Свои чувства, мысли по поводу всего виденного и пережитого выразил автор в стихотворении «Жизнь рабочего». Тема этого стихотворения, образы были подсказаны автору самой жизнью. В предреволюционные годы в России резко ухудшилось положение рабочих, в связи с этим обострилось недовольство рабочих, росло их возмущение. Рабочий класс России начал готовиться к великой схватке с врагом.

Революционное настроение русского пролетариата оказывало большое влияние на горцев, способствовало росту их классового самосознания. Эта обстановка и вызвала новые мотивы в творчестве А. Иминагаева.

Пафос этого произведения в прославлении свободного труда, как источника жизни. В нем впервые в даргинской литературе зазвучал голос труженика с его мечтой о свободе, которой суждено было стать явью.

Тема произведения — показ тяжелой жизни горца, ушедшего из родного аула в поисках работы, куска хлеба для семьи, которая осталась дома.

Уже в первых строках точно обозначается место действия. Скупно и вместе с тем выразительно поэт описывает Кизляр, куда стекались горцы из различных округов в надежде получить работу. Обездоленные, гонимые нуждой они приходят на берег Терека в поисках места для ночлега.

Мрак окружает приезжих. Тягостны и мучительны дни одиночества, невыносимы условия жизни. Достаточно вчитаться в первый стих, как предстает вся убогость обстановки:

Безрадостным, бездомным и усталым
Приюта нет, покоя нет в ночи.
Здесь нам овчина служит одеялом,
Здесь нам подушкой служат кирпичи.¹³

Иминагаев не дает развернутой характеристики образа рабочего, но достаточны его высказывания и оценки отдельных явлений, чтобы представить внутренний мир рабочих.

Встреча рабочего со старшиной — наиболее яркая картина. Горца возмущает этот разжиревший богачей не только потому, что он живет за счет народа. С каждой новой встречи с эксплуататором все больше зреет классовое сознание рабочего. Сильный и мужественный в труде, честный и справедливый в быту, он не может больше мириться с существующими порядками и поднимает свой гневный голос против них. Вот что говорит герой А. Иминагаева:

Эх, сжечь бы эту бедность без остатка,
Чтоб не был так унижен человек.¹⁴

В этих словах слышится и жалоба на бедность, и протест против самодержавного строя, который поддерживает несправедливые общественные порядки.

Рабочий начинает понимать бессмысленность своего труда. В последнем стихе находит свое наиболее полное выражение мировоззрение труженика:

Тупая и тяжелая работа!
Знай, спину гни, и слова не скажи,
И надрывайся до седьмого пота,—
Тебе же заплатят жалкие гроши.¹⁵

(Перевод М. Грунина).

Говоря о языке стихотворения «Жизнь рабочего», необходимо обратить внимание на эпитеты.

13 Агураго нушаши хІарикІони,
Биркун къацІлисалла хІянки лугани.
Буркъа хІяка-буруш саби хьелсани,
ГІянге келпич — бикІлиу хьабирхьани.
Там же, стр. 26.

14 ХІинтІин цІали дигоб ишди мискиндеш
Дахь уряхІти сарину, чула вагІибш.
Там же, стр. 26.

15 Абзбушили бузухьули либилла,
Къуват умцу тјамадаан гьарилла
ХІуркІри сари чурхразирад майала,
Гьирхьабилли тјамадас гІяхІула бис.
Там же, стр. 27.

В строке «ХІинтІин цІали дигоб ишди мискиндеш» («Пусть красный огонь сжигает бедность»), поставив перед существительным цІа («огонь») прилагательное хІинтІин («красный»), поэт достигает более сильного отражения протеста против тяжелого положения трудового люда. В этих эпитетах выражены глубокая любовь к родному народу и ненависть к его эксплуататорам.

Большую роль в произведении играют детали. Такими деталями, как «буркѡа-хІѡа — буруш» («старый тулуп-постель»), «гІѡнжи желпич-гІѡнила» («саман-подушка») — А. Иминагаев придает картине более правдивые черты.

Стихи А. Иминагаева написаны на урахинском диалекте даргинского языка (диалект, на котором сочинял свои произведения Батырай). Долгота гласных и обилие лабиализованных звуков создает музыкальность и благозвучие стихов.

Строфа у него состоит из четырех строк, где большей частью рифмуются три первые строки:

«Зарал-хайир аллагълану,
ЧІикІнегволла хІариус ну,
ГьалабахІла малларану,
АнкІи, мухъи дурчус» или.

Часты случаи, когда рифмуются первая и третья, вторая и четвертая строки.

Ца жи или вакІалли
Либилла хІѡдурбикІвор
Цавхъили ца ватали
Душмайшион хІарбикІвор.

Или же первая и вторая, третья и четвертая строки:

Дига дихъис-гІехІгъвобза
Ахъара-вайна гъвобза,
КарцІи духъис багъадур
Диора — гІѡмал агвор.

Рифма может быть основана у А. Иминагаева и на созвучии близких по звуковому составу слов.

Мискинтала мурад **бикъул**
Буржуйтала уркІби **лукъул**.

В основу ритмики иминагаевского стиха положено широко распространенное в народной поэзии даргинцев силлабическое стихосложение. Для сатиры поэт большей частью пользуется одиннадцатисложным стихом. Такие стихи по своей внешней форме напоминают стихи Абдуллы-Гаджи:

Алжанализибад хабар буришав,
Бигантала уркIурби шаддакышав,
Муъминти либъибил гIяшикь бакышав,
ГIяшикьли шараблис бужихъис, аллагъ.

А. Иминагаев:

Зубрашивад жабраил малайк вашар,
Гьалжанала бирквой вахуй арашар,
Идбагуни, асхIябтела рухI дашар:
«Нушимра хIу шапагIят игво» или.

Поэт часто пользуется изобразительно-выразительными средствами даргинского фольклора. Многие сравнения, эпитеты, параллелизмы, используемые Иминагаевым, свое начало берут в фольклоре. Но надо отметить, что эти изобразительные средства поэт творчески переосмысливает. Иминагаев уже в своем раннем творчестве отходит от устаревших фольклорных образов и создает новые. Таковыми в даргинской литературе являются образы муллы Ишки, судей-взяточников и рабочего.

Прототипами персонажей произведений А. Иминагаева мулла Магомед («Ишки»), судьи Султаммут и Амази («Судья-би»), мальчик Муса («Маллаан Мусас се бариба») и другие являлись действительно реально существующие люди. Современники поэта хорошо помнят их.

Конкретно описаны А. Иминагаевым и места действия. Обычно это хорошо известные даргинцам аулы Урахи, Мулебки и др.

Конкретность мест действия, жизненность образов придает реалистичность поэзии А. Иминагаева.

Таким образом, Иминагаев, так же как и Г. Цадаса, С. Стальский, М. Алибеков и другие, внес значительный вклад в развитие сатирического жанра не только в родную, но и во всю дагестанскую литературу. Заслуга Иминагаева в том, что он глубоко, правдиво обнажил противоречия общественного строя, звал к борьбе за свободу.

Сатирические мотивы встречались у Батырая и Мунги Ахмеда. Но первым даргинским сатириком принято считать Азиза Иминагаева, и это неслучайно. Сатира у других дореволюционных поэтов явилась одним из факторов проявления многогранных дарований, в то время как у А. Иминагаева сатира сущность всей его поэзии. Он сатирик в полном смысле этого слова. Значение его сатирических произведений в том, что поэт не ограничивается осуждением общих пороков, а дает реальные образы носителей зла, угнетателей народа. И мулла Ишки, и судьи Амази и Султаммут, и мальчик Муса,

который был ослеплен муллой, — жизненны. Взяв эти образы из реальной жизни поэт, поднимается до широких обобщений.

Сатира Иминагаева, направленная против религиозного мракобесия, угнетения и унижения бедняков, пользовалась большой популярностью в горах. Его стихи полюбили простые горцы, видевшие в поэте своего друга.

После революции стихи А. Иминагаева зазвучали во весь голос. Сатира его становится более зрелой и наполняется большим общественным содержанием.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги изучения процесса развития даргинской литературы дореволюционного периода, необходимо прежде всего отметить, что она является неотъемлемой частью общедагестанской литературы. Даргинская литература внесла свой немалый вклад и в развитие реалистического метода в дагестанской литературе. В ней ставились и решались подсказанные самой жизнью вопросы времени, широко разрабатываемые в аварской, лакской, лезгинской и кумыкской литературах.

Мало отличалась даргинская дореволюционная литература от других литератур народов Дагестана и по своей тематике и по системе образов. Но в отличие от других литератур у даргинцев в дореволюционный период была развита только поэзия. Это по всей вероятности можно объяснить тем что в даргинском фольклоре, на который больше всего опиралась в своем развитии литература, преобладали песни о любви. Этой чертой, как известно, отмечена и аварская дореволюционная литература, поэтому даргинская поэзия по своему характеру наиболее близка аварской любовной лирике.

Одной из характерных особенностей даргинской дореволюционной литературы является то, что в ней доминирующее положение занимали устные формы литературы. Этим она обязана прежде всего Батыраю. В те годы, когда, допустим, лакские и кумыкские писатели уже создавали образцы письменной литературы различных родов (мы имеем ввиду прозу и драматургию), у даргинцев еще из уст в уста передавались очаровательные песни Батырая. Это объясняется, как уже было отмечено выше, целым рядом причин, связанных подчас с экономическими, географическими и культурными факторами.

Это, однако, не означает, что даргинская литература отстала в своем развитии от других литератур народов Дагестана. Наоборот, устные формы даргинской литературы по своей художественной силе порой превосходили многие образцы письменной литературы.

Немногие из даргинских дореволюционных поэтов дожили до великого Октября. В 1910 году умирает Батырай, в 1915 — Мунги Ахмед, в 1917 — Абдулла Гаджи. Сразу же после установления Советской власти в Дагестане в 1922 году умирает певец Сукур Курбан. И только Р. Нуров и А. Иминагаев творили в советское время.

Но идеи свободолюбия, гуманизма и патриотизма, идеи, возвеличивающие свободную личность, так высоко поднятые даргинскими дореволюционными поэтами, продолжают жить и в советской литературе.

Они использованы молодой плеядой поэтов, прозаиков и драматургов и составляют основу литературного процесса.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I Введение	3
II Устная литература конца XIX-начала XX веков	
Батырай	17
Сукур Курбан	73
Мунги Ахмед	90
III Зарождение письменной литературы	
Абдулла Гаджи	108
Зияутдин-Кад	111
Рабдан Нуров	119
Азиз Иминагаев	131
IV. Заключение	144

Фатима Омаровна Абакарова

Редактор Р. Расулов

Технический редактор Э. Геллер

С00855. Сдано в набор 19/VI-1963 г. Подписано в печать 18/VI-1963 г.
Формат 60×92¹/₁₆. Объем 9 п. л. Тираж 500. Цена 46 коп. Заказ № 426.

Типография Дагестанского филиала АН СССР
гор. Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10.